

ПИОНЕР

6

ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

НАШ БОРЬКА ЕДЕТ НА СЛЕТ!

Пароход «Бойкий» подошел к самому берегу, чего еще никогда не случалось. Мы такой маленький населенный пункт, что в нашу сторону, наверно, даже и в бинокль из капитанской рубки не смотрят... Но мы не обижаемся и машем пароходу, машем кто шапкой, кто так просто — рукой. Плыви, «Бойкий», пока без нас, а когда-нибудь все равно и мы на тебя сядем!

А в этот день мы провожали Борьку. Пришли, стоим на берегу и ждем. Потом смотрим — показалась из-за поворота труба и как загудит! Это значит: «Смотрите, я к вам иду!» А мы и так знаем, что к нам, потому что вчера телефонограмма была из райцентра. Только никто не думал, что «Бойкий» к самому берегу причалит и будет стоять, пока не примчится на отцовом велике Сенька Парафинов. Он так нажимал на педали, что потом полчаса отдувался. Это он за фотоаппаратом гонял — двенадцать километров туда и двенадцать обратно, а велик у него такой, что всю дорогу цепь с передачи соскакивает...

Борьке без фотоаппарата нельзя. Мы так решили на совете отряда: все, что он, Борька, увидит, и мы потом посмотрим на фотографиях.

А в это время из трюма откуда-то вылез один, в тельняшке, на голове фуражка-капитанка, а сам, ну, может, чуть-чуть постарше нас... Облокотился на перила, нас как будто не замечает. Потом говорит, будто бы никому, а так просто:

— И чего тут собрались? Стоят, как будто плыть намерены... А между прочим, безбилетников посреди фарватера на остров высаживают...

А наши ему:

— Может, кого и высаживают, а вон наш Борька с вами поплывет. И не в трюме, а в каюте... В Ленинград!

— Уж врал бы, что прямо в Москву! Все равно мы дальше райцентра не ходим. Понятно?

— Понятно. Только ведь еще и самолеты есть на свете.

— А зачем в Ленинград? — Этот вопрос тельняшка в капитанке задала уже без иронии и с интересом.

— Как зачем? Там будет слет пионерский. Мы Борьку и посылаем от всех от нас делегатом. Мы его выбрали!

— А что он такое сделал?

— Мы кедры сажаем. У нас питомник. Наши деревья уже в десяти городах растут. Даже в Москве, в Ботаническом саду, есть наши кедры.

— А еще он на «Авроре» будет, и в Смольном, и в Зимнем дворце. И все на цветную пленку снимет!

Мы еще много рассказывали этому, в тельняшке, про Борьку, про его далекое путешествие из Сибири, из нашей деревни в Ленинград.

Потом мы с Борькой прощались, жали руку по очереди.

«Бойкий» тут опять загудел, а тот, в тельняшке, ловко отвязал трос от бревна, вкопанного в берег, и мы слышали, как он сказал Борьке:

— Ты со мной в кубрике поселяйся, у меня койка как раз пустая... Около иллюминатора, все видно!

Мы бегом повыше на холм и долго еще видели, как уходил за поворот «Бойкий» и как с кормы размахивает чем-то Борис, а с ним рядом тот мальчишка в тельняшке.

Теперь мы ждем. Борис обещал каждый день писать по письму и обязательно клеить разные марки — это для коллекции, девчонка одна собирает. А мы решили сделать из белой бумаги экран, чтобы хорошо было видно Борькины диапозитивы. Мы ему двадцать пленок дали!

С. ФЕДОРОВ
РАССКАЗ

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ и
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

ИЮНЬ

6

Издательство «Правда»
Москва 1970 г.

Веселая и приятная новость — ЛЕТО ПРИ-
ШЛО, ребята!

А ты, наш читатель, что делаешь летом?
Где был? И что делал?
Пиши нам об этом!

Юнкоровский отряд «Колумб» предлагает
семь уже испытанных в деле проектов на ле-
то. **ВЫБИРАЙТЕ!**

ВСЕМ, ВСЕМ, у кого есть велосипеды!
Придуманы и предлагаются вам новые спор-
тивные игры и требующие большой ловкости
любопытные двухколесные состязания!

Еще про лето! На этот раз вести из страны
гор. **НАХОДКИ, РАСКОПКИ, ДОГАДКИ** гру-
зинских ребят-краеведов. Наш корреспондент
ездил к ним, его рассказ здесь, в номере.

Хотите узнать, откуда берется **ХРАБРОСТЬ?**
Читайте рассказ «Еще не вечер...»

«О ЧЕМ ПИШУТ ВЗРОСЛЫЕ ГАЗЕТЫ?» В
самом деле, о чем? Чем заняты, чем озабочены
люди в наши дни?

В номере еще есть и рассказы, и много сти-
хов, юмор и головоломки, различные советы,
и наша Самая Малая Энциклопедия, и, нако-
нец, новая веселая летняя песенка.

АЭРОПОРТ! — Хотите познакомиться с его
сложной жизнью? Пожалуйста, аэропорт у нас
на страницах, вход свободен. Вот аэровокзал,
вот летное поле и серебряные тела машин,
вот люди, опытные и умелые обладатели ин-
тересных профессий.

**КАРТА, КАКОЙ ЕЩЕ НЕ БЫЛО В ГЕОГРА-
ФИИ!** Эти горные цепи, ущелья и долины
воочию не видел никто — перед вами дно
мировых морей и океанов.

Чарльз Диккенс. Это имя знакомо вам? Ключ-
чик не сомневается, он уверен, что вас обра-
дует сообщение. в номере есть сказка вели-
кого писателя, которая доселе на русский язык
не переводилась.

Закончена **ОЛИМПИАДА МАТЕМАТИКОВ.**
Трое Неизвестных назовут имена победителей
и вручат им... Что? А этого Ключик не скажет.
Читайте сами и все узнаете.

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР...

РАССКАЗ

С нег сошел, просохли крыши и тротуары, в воздухе запахло молодым, только что разрезанным огурцом — в город победно нагрязнула весна, застучала каблучками по переулкам, зашуршала шинами по асфальту... Нагрязнула весна, и в весеннем воздухе все звуки стали резче, голоса отчетливее.

Идти по весеннему городу нужно иначе, чем вчера, и говорить нужно не так, как вчера. Особенно потому, что не было еще ни одной весны в нашей жизни, когда мы — школьный мой приятель Миша и я — чувствовали бы себя такими взрослыми.

Завтра в школу не идти: выходной. Миша зашел за мной, и мы стали собираться. Мама спросила озабоченно: «Куда? Когда вернетесь?» Папа недовольно покачал головой: «Не пропадут!» А дедушка — он приехал к нам в гости из Ленинграда — важно погладил серебряную струящуюся бороду и медленно проговорил: «Взрослые люди, тринадцатый год». Мы с Мишей благодарно посмотрели на него: только неделю, как приехал, а все понимает, такой старый, а все понимает. А маме, признаюсь, маме мы ничего не ответили.

Секретов у нас не было. К сожалению. Мы бы дорого отдали за секрет. Мы сами не знали, куда пойдем. Просто на улицу. Что мы будем там делать, мы тоже еще не знали, просто пройдем ее из конца в конец. Но вслух признаваться, что у нас нет никаких планов, не хотелось. Не хотелось даже самим себе, а мы так быстро вышли из дому и так решительно зашагали по улице, будто точно знали, куда спешим, будто там, куда мы спешим, нас ждут.

Не сговариваясь, наши родители купили нам обоим к этой весне: Мише—новую куртку, мне — новое пальто, и мы ясно чувствовали, что в этот весенний день, в новой куртке он, в новом пальто я, мы совсем непохожи на тех пятиклассников, которые проходили год назад по той же улице.

Только что зажглись фонари, улица стала голубой и, если это только может быть, еще более весенней.

Навстречу людям, которые спешили домой с работы, уже шли люди, которые неспешно гуляли. Шаг их был слишком медленным для нас. Мы обходили их и несли сквозь толпу свой разговор. У нас были важные темы. Мы оба решили: нужно переделывать характеры! Миша хотел для этого каждый день вставать на пять минут раньше, чем накануне, и так, постепенно приучить себя вставать в шесть утра. И каждый день умываться водой на градус холоднее, чем вчера, и так постепенно привыкнуть к ледяной воде.

Я не знал, следовать ли его примеру или избрать другой способ: начинать все дела с неприятных, а все приятные откладывать на потом.

Миша согласился, что в этом способе тоже много хорошего, но что лучше всего соединить их. Потом он рассказал, что прочитал про человека, который все время стучал краем ладони по разным твердым предметам — край ладони стал у него железным, им можно перешибить толстую палку, а для обороны не нужно оружия.

Я не совсем понял, какое отношение имеет железный край ладони к переделке характера и как это можно все время стучать по чему-нибудь ладонью. Ну, вот мы сейчас идем по улице, что же нам, идти около самого дома и колотить ладонью по стене? Миша объяснил: «Он стучал по перилам лестниц, по столу, когда сидел за ним, и вообще...»

Он начал пересказывать книжку, в которой прочитал об этом человеке, книжка была интересной, и мы отвлеклись от переделки характера, но потом вернулись к ней. Неясно, как начинать. Мише казалось, что начинать можно хоть завтра, но делать все нужно постепенно, понемногу, чтобы не отступить. А мне казалось, что вначале нужно обдумать, решить все, что войдет в переделку характера, а уж потом сразу начать. Со вставания в шесть утра, с обливания ледяной водой. Сразу, как в реку прыгать, когда купаешься, а не входить в воду новых привычек постепенно. И мы сильно поспорили.

Но, кроме нашего важного разговора, была весенняя улица, не такая, как вчера, не такая, как год назад в такой же день. Хотя сама она ничуть не изменилась. Нашу улицу еще не начали перестраивать, на ней еще стояли дома, о которых уже было известно, что их скоро снесут, и другие, о которых писали в газетах вовсе удивительные вещи, что их отодви-

нут с того места, где они стоят, чтобы расширить улицу. Но пока они еще стояли на своих местах, как стояли с тех пор, с каких мы помнили эту улицу. За год изменилась не улица, мы сами изменились.

Наш важный разговор вдруг показался нам неважным, а важно было просто идти по улице и в ее вечернем шуме отчетливо слышать свои шаги.

Весенний этот вечер еще не наступил, когда я на уроке придумал стихи:

Там шаги звучали
Эхом очень гулким.
С неба улыбалась огромная луна.
Хорошо ходить по темным переулкам.
По краям мы с Мишкой,
Посреди она...

Продолжения пока не было. И никакая она не ходила с нами по темным переулкам. Да и мы сами обычно гуляли не по переулкам, а по улице. Но, несмотря на это, Миша мои стихи одобрил. Он только недовольно сказал, что я всегда начинаю писать стихотворение и никогда не дописываю до конца. Когда я, наконец, вместе с ним решу переделывать характер, это тоже нужно будет включить в программу.

— Начал стихотворение — допиши... Большие книги люди и то до конца дописывают, а ты короткий стих бросаешь...

Тут мы непременно бы поспорили, я не мог согласиться с Мишей, что стоит только захотеть — и стихотворение можно дописать. Но поспорить нам не пришлось.

На улице было много ребят — и наших сверстников, и постарше, и помоложе. Некоторых мы знали, кого по школе, кого просто так. Мы окликали знакомых, знакомые окликали нас. С одной компанией мы даже остановились поговорить. И все было хорошо.

Но перед воротами, перед глубокими и темными воротами старого дома Миша вдруг дернул меня за руку. До ворот оставалось шагов пять-шесть, а из ворот, попыхивая папиросками, выходила еще одна компания. Их было четверо. Двое из них были постарше нас, но ненамного. А может быть, это мне показалось. Ничем вроде бы не отличались они от тех ребят, которых мы уже повстречали за сегодняшний вечер, но мы оба почувствовали, что просто так мимо них не пройдем. А пройти нужно. Они остановились — двое около ворот, двое около тротуара — и ждут. Нас? Да нет. Просто так стоят. Не решили еще, куда пойдут.

И вдруг я испугался этих четверых. У меня вспотели ладони и застучало сердце. Нужно было сразу же начать переделывать характер и, не сворачивая, пройти мимо них. Но вместо этого я шепотом сказал Мише:

— Пойдем обратно.

И Миша, хотя он уже две недели стучал краем ладони обо все твердые предметы и вполне мог бы проверить, на что годится его

рука, сразу согласился. Мы повернули и пошли обратно по направлению к дому. Я шел и затылком чувствовал, что эти четверо устались нам в спины и сейчас станут нас догонять. Миша тоже, видно, это почувствовал. Не сговариваясь, мы ускорили шаги.

Тут сзади раздался окрик:

— Эй вы, пижоны, подождите! Есть о чем потолковать.

Мы не были пижонами, но поняли, что окрик относится к нам. К кому же еще?

Не оглядываясь, мы побежали. По голубой весенней улице. А она сразу потемнела, и прохожих на ней стало словно меньше, а тем, кто шел по ней мимо нас, не было никакого дела, что сейчас здесь будет драка, что на нас двоих, которые никому ничего плохого не сделали, которые собирались менять свои характеры, но еще не успели, нападут четверо. За что? За то, что мы не хотели проходить мимо них?

Двое, нашего возраста, забежали вперед, стали под фонарем и преградили нам дорогу. Мы остановились и оглянулись. Двое постарше не спеша, вразвалочку подошли сзади. Деваться некуда!

Только потом мы с Мишей сообразили, что могли вскочить в автобус — он остановился около фонаря — и уехать от наших преследователей. Только потом Миша сказал, что уж если мы вначале побежали, а потом прошляпили с автобусом, нужно было, когда мы остановились, прислониться спинами к стене дома, чтобы на нас не могли напасть сзади. Но в ту секунду это не пришло нам в голову.

— Чего драпаете? — грубым басом спросил самый маленький из четверых.

Мы промолчали. Да и что отвечать?!

— Сказано было: погодите! — подхватил второй. А те, что постарше, не говорили ничего. Стояли — руки в карманы, посмеивались, пожевывали папироски.

И мы снова промолчали.

— А я вас зна-а-а-ю! — угрожающе запел первый.

А второй пообещал:

— Сейчас мы вам врежем! Чтоб не ходили по нашей улице!

Черт знает что! Почему эта улица, на которой мы выросли, по которой каждый день ходим в школу и из школы, улица, где у нас столько друзей, эта голубая весенняя улица — их улица? Почему?

Надо было немедленно что-то ответить, что-то сказать. Сделать что-то. А мы стояли оцепенело и неподвижно. Мы уже сдались. Уже согласились выслушивать то, что они нам скажут, не возражать.

И тут второй вплотную подошел к Мише и резко замахнулся. Миша дернулся, заслоняя

И вдруг я испугался этих четверых. У меня вспотели ладони и застучало сердце.

лицо рукой, но тот не ударил, а только поправил свою кепочку, от чего движение, которым хотел заслониться Миша, стало ненужным и жалким.

Я наконец проговорил сквозь свою оцепенелость и сам не узнал своего голоса:

— Вчетвером на двоих. Это по-честному, да?

И тогда первый грязной, потной ладонью провел мне по лицу, по лбу, по носу, по губам. Я почувствовал запах табака и лука. Это было омерзительно. Я не взвидел свету и изо всех сил стукнул его кулаком по приклеившемуся в углу рта жеваному окурку, да так, что разбил себе руку. У меня до сих пор на костяшке среднего пальца есть метка.

Вспоминать, что было дальше, не хочется. Нас здорово оглушили, и, если бы не вмешались прохожие, нам досталось бы еще сильнее.

Всего обиднее было то, что, когда четверо исчезли в другой подворотне дома так же внезапно, как появились, а мы, оглушенные и растерзанные, остались стоять под фонарем, кто-то из прохожих, кто не видел, как началась драка, сказал про нас осуждающе:

— Хороши. Два вершка от горшка, а уже хулиганите. Что дома скажут? А еще прилично одеты.

Другой прохожий добавил:

— Были прилично одеты.

И он был прав. На моем новом пальто не хватало двух пуговиц, и его вымазали о стенку, к которой меня прижали в драке, а у Мишиной новой куртки оторвали рукав.

Мы попробовали отчистить друг друга, но перемазались только еще сильнее.

— Что у тебя с глазом? — испуганно спросил Миша, и только тут я почувствовал, что под правым глазом у меня такое ощущение, какое было, когда в пионерском лагере меня сильно покусали дачи: он распух и заплаыл.

— Так идти домой нельзя, — сказал Миша. — Ты всех напугаешь.

— А куда идти? — спросил я. Я все еще ощущал запах табака и лука, меня мутило, а в голове звенело.

Мы зашли в аптеку. Пожилая аптекарша, сердобольно охая, выслушала наше сбивчивое повествование, промыла и перевязала ссадину на руке и выдала свинцовую примочку для моего глаза. Только в аптеке я разглядел в зеркале, какой под ним багрово-черный синяк. Делать нечего. Пора возвращаться домой: нас уже ждут.

На лестнице Миша вдруг остановился и сказал:

— Я, пожалуй, к тебе не пойду. Чего я там скажу?

— Как хочешь, — ответил я. И добавил со слабой надеждой: — Может, не заметят...

И Миша, сбегая по лестнице, крикнул:

— Проходи прямо в свою комнату. Может, действительно не заметят.

Не заметят? Едва на мой звонок открыла

дверь наша соседка, как мама, которая тоже вышла на звонок, крикнула:

— Что с тобой? Где ты так расшибся?

Я умывался в ванной, стараясь смыть со своего лица ощущение чужой — потной и грязной — ладони, чувствуя, как звенит в голове, как саднит разбитая рука, и думая о том, как все было прекрасно два часа назад, когда мы вышли из дому, и как теперь все отвратительно. А мама стояла надо мной, допытываясь, что случилось. Мне не хотелось говорить. Хотелось уйти в свою комнату, где брат Юра уже давно спит, раздеться, лечь, закрыть глаза, забыть наше бегство и драку. Но это мне не удалось.

Мама заставила меня пойти в столовую, где еще сидели за столом папа и дедушка, и все рассказать.

Я рассказал, как мирно мы гуляли с Мишей, как увидели этих четверых и решили не связываться с ними, а повернуть обратно, как они догнали нас и что из этого вышло. Взрослые отнеслись к этому по-разному. Мама то заставляла меня сказать, что я сейчас чувствую, и не верила, что я чувствую себя неплохо, то требовала, чтобы я немедленно снова приложил к глазу свинцовую примочку, то требовала, чтобы папа позвонил в милицию и пожаловался на хулиганов («Нельзя оставлять это безнаказанным»), то говорила, что никогда больше не пустит меня гулять вечером.

А папа сердито сказал:

— Какая милиция? При чем тут милиция! Мальчишки подрались, что в этом особенно-го? Ты мне объясни, зачем вы побежали? Неужели ты не понимаешь, что они именно потому и погнались за вами, что вы раньше времени трусили и побежали? Нет, ты мне скажи: зачем вы побежали?

Я молчал. Мне нечего было ответить.

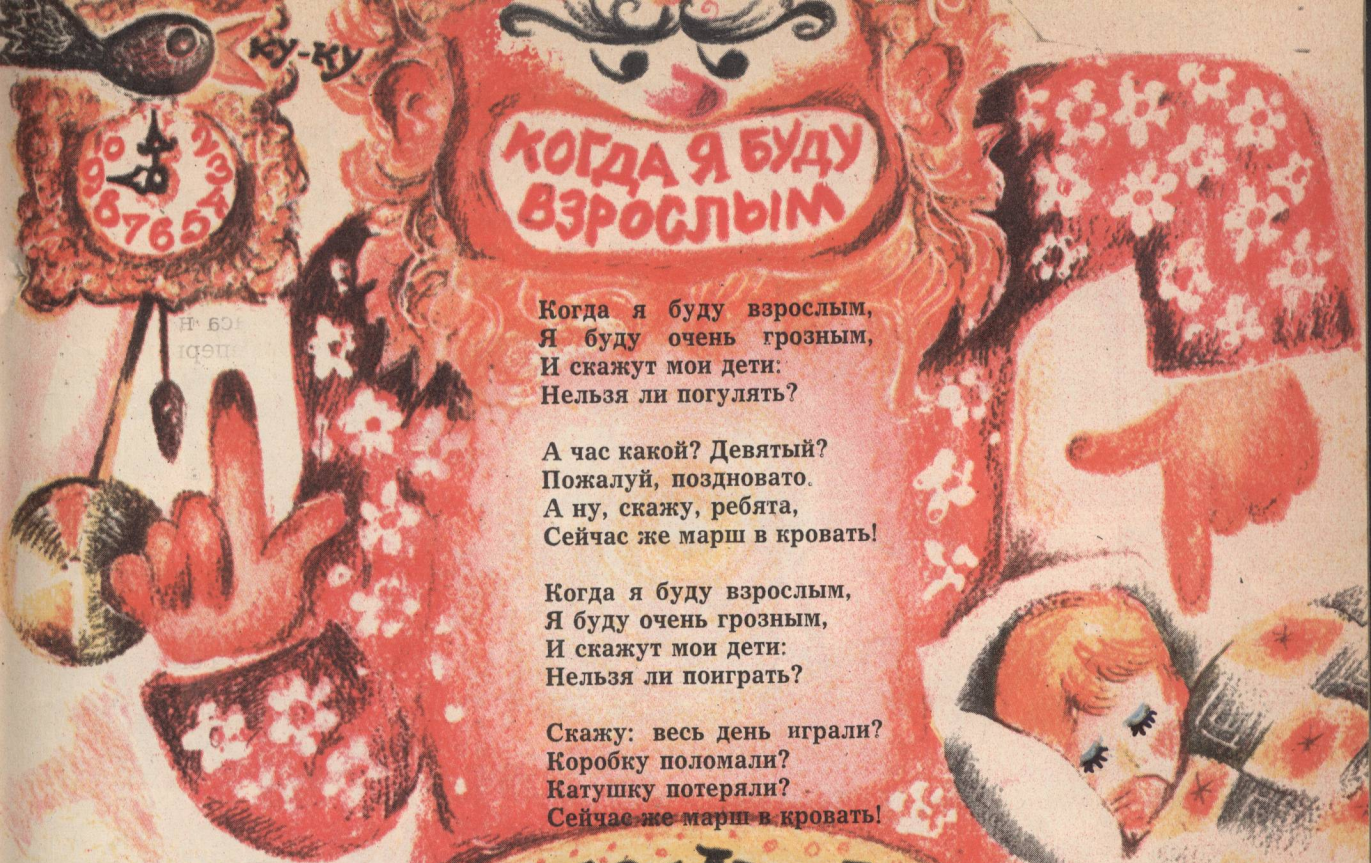
Голубая весенняя улица, где так отчетливо слышались наши шаги, плыла и плыла у меня перед глазами, а на лице все не проходило омерзительное ощущение чужой — потной и грязной — руки. И чувство стыда за страх, который подтолкнул нас, заставил повернуть, а потом побежать, жгло и саднило мою душу сильнее, чем жгучая и саднящая боль в разбитой руке. И я решил, что откладывать больше нельзя, характер ^{нужно} начать переделывать немедленно.

А дедушка, молчавший, пока я рассказывал, молчавший, пока мама ужасалась, молчавший, когда папа сердился, вдруг сказал, поглаживая свою серебряную струящуюся бороду:

— Еще не вечер!

аши

Много потом бывало случаев, когда мне хотелось повернуть обратно и даже побежать, но я не позволял себе этого. Хотя и не понимал еще, что значили слова деда. Дед знал: жизнь впереди, и мы еще научимся не поворачиваться спиной к опасности.

КОГДА Я БУДУ ВЗРОСЛЫМ

Когда я буду взрослым,
Я буду очень грозным,
И скажут мои дети:
Нельзя ли погулять?

А час какой? Девятый?
Пожалуй, поздновато.
А ну, скажу, ребята,
Сейчас же марш в кровать!

Когда я буду взрослым,
Я буду очень грозным,
И скажут мои дети:
Нельзя ли поиграть?

Скажу: весь день играли?
Коробку поломали?
Катушку потеряли?
Сейчас же марш в кровать!

Александр КУШНЕР

Рисунок
П. ЦЕПЕЛИНСКОГО.

ПЕРЕСТАНОВКА

Папа с места сдвинул стол,
Взглядом комнату обвел!
«Так-то лучше!» —

подмигнул.
Я скорей подвинул стул.

Мама молвила: «Ты прав,
Может быть, подвинем
шкаф?»

Шкаф подвинули к буфету,
Ну, а там, где был буфет,

Там буфета больше нету,
Там теперь висит портрет.

Огляделись мы втроем:
Ничего не узнаем!
Что за комната, чужая,
Непривычная, большая?

Интересно, сколько дней
Привыкать мы будем
к ней?

ПОЧЕМУ Я ОТ ВСЕГО ОТКАЗАЛСЯ

Не хочу идти я в сад:
Там гуляют и галдят.
Не хочу идти в музей:
Столько скучных там
вещей!

Там весь день по залам
бродят
Толпы взрослых и детей.

Не хочу идти в кино:
Там всегда полным-полно.
Эту детскую картину
Я видал давным-давно.

Не хочу идти я в тир:
Там висит на стенке тигр.
Я стрелял в него раз
двести,
Прострелял его до дыр.

— Ты ругаешь все
подряд, —
Говорит мне старший брат.

— Ты ужасно
избалован, —
Мама с папой говорят.

Я хочу идти домой:
Там безделье и покой.
Там мяукает и плачет
Без меня котенок мой.

ТВОЙ ПРОЕКТ ЛЕТА

МЫ — ЭТО МАЛЕНЬКИЙ ЮНКОРОВСКИЙ ОТРЯД «КОЛУМБ». Месяц назад мы получили от журнала «Пионер» задание. Оно выглядело так: походите-ка по Москве, поезжайте за город, напишите друзьям, расспросите людей, какие у кого планы на лето, какие проекты. А потом предложите их обсудить тем, у кого пока нет никаких планов. Что они скажут?

Это было интересно.

Выполняя задание, мы разослали девять писем, взяли девятнадцать интервью в школах и прямо на улице, совершили поездки в города Чехов, Подольск и Белгород.

Потом позвали девять человек, мыслящих критически и беспристрастно. Ни у кого из девятки планов на лето еще не было. Прочитали им все проекты. Все толковые мысли записали.

ПРОЕКТ № 1 "КОМАРОК"

Прислали Света Примаченко и Коля Авхимович из поселка Черский, Якутской АССР.

«Комарок» — это пионерский лагерь. Самый северный в стране. Всего девятьсто километров от Ледовитого океана. Красиво вокруг. Зеленая тундра, как бархатный ковер. На востоке — горы. На одной из них до середины лета снег. По этой горе можно предсказывать погоду. Если вершина затянута облаками, жди плохой. Чаще бывает хорошая погода. И тогда мы ходим за ягодами. Их у нас видимо-невидимо. Можно собирать у самых палаток. Таскаем полными ведрами. Каждый вечер — и пироги и морс. Иногда мы даже купаемся. Правда, в воду лезут не все. Все-таки холодно-вато.

А еще мы ходим в походы с ночевкой на сопке. Кажется, сопка рядом. Рядом, да не совсем — восемнадцать километров до нее. ★

«Лагерный» проект лета предложило много ребят.

Витя Еремин из Алма-Аты, защищая свой проект, писал:

«У меня в лагере лучшие друзья, по которым я всю зиму скучаю». «В городе и двух футбольных команд не соберешь, а в лагере играют все отряды. А интереснее всего «Зарница», каждый день играл бы» (Сереза Щербаков из Москвы). «В нашем отряде вожатые Лена и Петя — самые лучшие» (Оля Никитина из Подольска). «В лагере я перестаю быть лентяем» (Вова К. из Чехова).

Мнение
девятки:

СЕРЕЖА ЯКОВЛЕВ. Все правильно. Я тоже в лагерь еду.

ОВОА БИРЮКОВ. А мне нравится деревня. Там свободнее. Я работать в деревне люблю: и коров пасти, и овец, и помогать сено скирдовать. А на свежем сене спать — вот здорово! И друзей у меня в деревне много.

САША ПУГАЧЕВ. Если взять лучшее из каждого лагеря и соединить, вот будет зверь-лагерь.

ТВОЕ МНЕНИЕ?

ПРОЕКТ №2 "БЕРЕГ НАДЕЖДЫ"

Проект Лены Застукаловой из города Иванова.

Кто-то назовет мой проект фантастическим, кто-то найдет, что он вполне реален. Судите сами.

На берегу реки раскинулся палаточный город. В нем живет население от десяти до пятнадцати лет. Одни ребята, а взрослых нет. «Представляю, что там будет!» — скажет кто-то. А что будет?

Жители города выберут совет, а совет придумает и предложит ребятам добрые и справедливые законы. Если большое вече горожан примет эти законы, то подчиняться им все станут охотно. Возможно, найдутся противники всяких законов. Но у человека, который мешает общему делу, есть риск остаться одному.

С утра ребята будут работать в колхозе. Работать на пользу людям и себе, получая за работу продукты. Не жить же за мамин-папин счет!

Я думаю, ребята будут купаться все-таки дольше, чем в обычных лагерях, а спать поменьше. Своими руками сложат они печи, натянут навесы. В соседнем лесу найдут грибы на ужин и ягоды на десерт. А в свободное время будут сочинять музыку и писать картины, снимать фильмы и издавать журналы, изучать жизнь леса, изобретать самые быстроходные лодки и другие полезные вещи. Старшие будут заботиться о малышах, учить их и воспитывать.

Не будет в моем городе двух совершенно одинаковых дней. Сегодня весь день карнавал, а завтра олимпийские турниры, или фестиваль искусств, или еще что-нибудь совсем новенькое. Никто не заскучает здесь, никто не попросится домой.

Взрослые часто говорят нам: будьте самостоятельны. Жители моего города будут самостоятельны. Они многому научатся за лето, и мамы удивятся и не узнают своих детей.

АНДРЕЙ КУБАСОВ. Да... Загнула...

ОЛЯ СОКОЛОВА. Меня мама ни за что не отпустит.

ОЛЯ СВИРИДОВА. А почему, собственно, совсем без взрослых? Взрослые разные бывают. Если бы был один взрослый, который ребят понимает, было бы не хуже, а может быть, и лучше.

СЕРЕЖА ШВАЛЬЦЕВ. Но чтобы взрослый был помоложе.

ТВОЕ МНЕНИЕ?

Мнение
девятки:

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ПРОЕКТ №3

Проект предлагают юннаты Алтайской краевой станции.

Лето, потраченное на научный эксперимент, не пропавшее лето. Вот какой эксперимент мы проводили по заданию Алтайского сельскохозяйственного института. Недавно ученые научились получать из торфа вещество, которое помогает росту и развитию растений и животных. Его обычно называют ТРВ — торфяное ростовое вещество.

Ученые дали нам задание узнать, как влияет ТРВ на крольчат. Для опыта мы взяли двенадцать двухмесячных кроликов. Все они содержались в совершенно одинаковых условиях. Только одной половине кроликов мы давали ТРВ, а другой — нет. Мы растворяли ТРВ в воде и смачивали этим раствором корм. Через каждые десять дней мы взвешивали крольчат. И к концу эксперимента крольчата, получившие ТРВ, весили на десять процентов больше.

Результаты наших наблюдений мы передали ученым. И сейчас, нам сказали, некоторые кролиководы уже подкармливают своих крольчат раствором ТРВ.

Мнение
деятки:

ОВОА БИРЮКОВ. А что? Это — занятие! Особенно если у тебя к нему интерес.

СЕРЕЖА ЯКОВЛЕВ. Полезно, но не всем интересно.

ОЛЯ СВИРИДОВА. А тебя, Сереженька, никто не зовет кроликами заниматься. Тут ведь речь совсем о другом. Ты в своем деле, которое тебе нравится, попробуй открыть что-то новое.

ТВОЕ МНЕНИЕ?

В Подольске мы взяли интервью у Лены Ершовой.

ПРОЕКТ №4

ВЕСЁЛАЯ
БРИГАДА

— Лена, как работает ваша агитбригада?

— Сначала я расскажу, почему она появилась. Каждый день, кроме воскресенья, мы ходим в школу одной и той же дорогой, гуляем и играем в одних и тех же местах. Мы видим мало людей, мало узнаем о жизни и слишком мало даем другим людям. Осенью мы ездили работать в колхоз, убирать свеклу, картошку. Попробовали как-то выступить с концертом. Зрителям понравилось. Нам захотелось поехать в колхоз еще раз. Так возникла агитбригада.

Мы уже три года выступаем в самых разных местах: и в селах, и в городе, в воинских частях. Ребята все дружные, веселые и мастера на все руки. Бывает, кто-нибудь заболит или мама не отпустит — товарищи за него и стихотворение прочитают, и песню споют, и даже в танце заменят. Со сцены мы ведем разговор о том, что нас волнует.

— Лена, что бы ты могла посоветовать ребятам, которые захотят организовать свою агитбригаду?

— Лучше собрать ребят из одного класса, а в лагере — из одного отряда. И еще: чем разнообразнее программа, тем лучше, ведь выступать приходится перед разными людьми.

Мнение
деятки:

ОВОА ЛИВШИЦ. По-моему, интересно, только надо узнать, кто в классе играет, кто поет, а кто летом уедет, чтобы на него не надеяться.

АНДРЕЙ КУБАСОВ. Надо, чтобы агитбригада иногда становилась бригадой рыбаков или волейбольной командой.

ТВОЕ МНЕНИЕ?

ПРОЕКТ № 5 — «ЭГОИСТИЧЕСКИЙ»

Предложен Витей Красноселовым,
город Киев.

Оговорка: «Эгоистическим» проект
назвал сам автор. Мы тут ни при чем.

Так вот, отвечаю. На первую смену я еду в лагерь, хотя с наслаждением остался бы дома. В июле — с мамой в Феодосию, хотя на Урал или в Среднюю Азию, да еще один, помчался бы без оглядки. Но у меня все-таки есть свой проект. И вполне осуществимый. Первое: прочитать за лето Стругацких, Лема («Возвращение со звезд» и «Солярис»), Бредбери («Марсианские хроники» и «Вино из одуванчиков»), трилогию Яна, обе исторические повести Воронковой — в общей сложности около тридцати книг по истории древней и новой. Второе: продолжить историю государства «Оберании». Тут нужны пояснения: «Оберания» — страна, историю которой я записываю. Думаю, вам понятно, что страна эта на самом деле не существует. История ее никому не интересна, кроме меня. Но мне она очень дорога. Оберанцы живут уже в XXII веке, а за плечами у них несколько тысячелетий, смена цивилизаций, расцветы и падения и много еще всякого.

Так вот, будет у меня и лагерь и юг, но главным остается моя совсем другая жизнь. Для себя. Не знаю, найдутся ли у меня сторонники, но я хочу сказать, что где бы ты ни был, чем бы ни занимался, у тебя еще остается собственное «я», и у этого «я» есть свои личные планы.

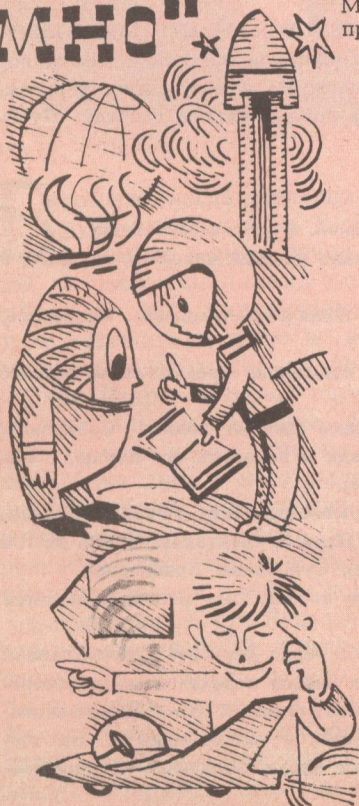
ПРОЕКТ № 6 "ПУСТЬ БЕЗУМНО, ТОЛЬКО НЕ БЕЗДУ- МНО"

Мнение
девятки:

ВОВА БИРЮКОВ. Не понимаю, почему Витя назвал свой проект «эгоистическим». По-моему, очень хороший проект. Иногда так хочется заняться любимым делом, а времени не хватает. Я тоже жду лета, чтобы читать сколько хочешь.

ВИТЯ ИЖВАНОВ. Мне понравился проект. Я даже попробовал придумать историю государства. Интересно все-таки.
ТВОЕ МНЕНИЕ?

Предложили ребята из Белгорода,
Минска и Кишинева. Мы выбрали
проект Веры Ефимовой из Минска.

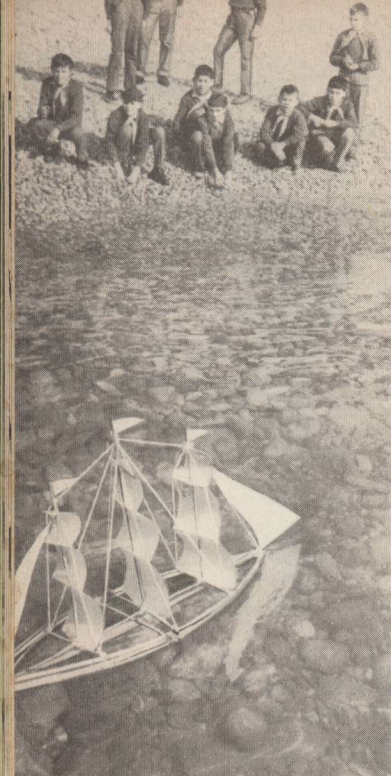
Наш проект для тех, кто летом остается в городе. В дальнем углу двора небольшой сарай, точнее, бывший гараж. Мой сосед по лестничной клетке дядя Витя продал недавно свой «Москвич», а гараж отдал нам. Теперь это не сарай и не гараж, а наш «Клуб безумных идей».

Идеи у нас разрешается предлагать любые, самые фантастические и самые смелые. Мы уже сделали два карта и устраиваем небольшие гонки. Построили целый ракетный флот, и это еще только начало.

В первый же день мы выбрали совет клуба. Стали думать, где достать инструменты и материалы. Приняли предложение Валерки Нежданова и попросили всех жильцов дома отдавать нам ненужные вещи. Натаскали отовсюду досок, кусков проволоки, плексигласа, резины, раздобыли старые радиодетали. Кое-какие инструменты пришлось купить. Деньги заработали ремонтом старых вещей: стульев, чайников, электроплиток.

Договорились: работает в клубе тот, чей проект принят советом. Каждый, кому захотелось что-то сделать, защищает свою идею в совете клуба. А уж совет решает, стоит ли ею заниматься. Если стоит, указывает срок. Надо — дает помощников. И начинается работа.

Раз в неделю все ребята собираются на вечер «фантастических идей». Обычно за несколько дней до вечера совет предлагает тему «Как изменить климат на Земле?», например, или «Как завести первый разговор со слепым жителем другой планеты?», или «Как управлять машинами только с помощью мысли?». В начале

Твой проект лета — какой он?

вечера желающие предлагают свои ответы. Каждый может с ними спорить или соглашаться и тут же придумывать свои решения. Шуму хватает. Иных спорщиков даже приходится растаскивать в стороны.

Мнение девятки:
Проект принят единогласно.
ТВОЕ МНЕНИЕ?

ПРОЕКТ № 7

Проект выдвинут советом КБИ, город Белгород, улица Фрунзе.

Штаб во дворе действует все лето. Кто-то уезжает, а кто-то остается. Три объединения — «Ворчуны», «Оптимисты», «Задиры» — все лето соревнуются: кто лучше придумает, кто больше сделает, кто дружнее? У всех разведка: где нужны рабочие руки? На почте? В парке? На базе? В колхозе? На видном месте — сводка информбюро. Видишь, твои меньше всех успели, меньше всех заработали — тревога! В атаку! В бой!

Команды не только соперничают, но и действуют вместе. Появились афиши: «Только сегодня! Представление цирка!» А циркачи — и «Оптимисты», и «Задиры», и даже «Ворчуны». Вся выручка за представление — в общий котел.

Вышли горнисты, объявили аукцион: сделанные ребятами игрушки, рисунки, вышивки, выпиленные из дерева полочки, ложки, скалки меняются на металлический лом и макулатуру — на старые кастрюли, чайники, газеты, флаконы — кто больше?!

К концу лета все вместе — и «Оптимисты», и «Задиры», и «Ворчуны» — отправятся в большое интересное путешествие.

Мнение девятки:
ОЛЯ СОКОЛОВА. Это дело хорошее, важное.
АНДРЕЙ КУБАСОВ. Придуманно интересно. Были бы у нас во дворе такие ребята, я бы с ними..
ТВОЕ МНЕНИЕ?

✱

БЫЛ ЛИ СРЕДИ ПРОЕКТОВ ТАКОЙ, КОТОРЫЙ ВСЕ РЕШИТЕЛЬНО ОТВЕРГЛИ? Был. Один. «Надоело», — писал автор. — До чертиков надоело в чем-то все время участвовать. Я, например, отдыхать собрался. Без всяких планов и проектов. А будут тащить, не дамся. Выше всего я ставлю личную свободу. Пусть там что угодно говорят!»

И автору антипроекта сказали:

ОЛЯ СВИРИДОВА. Ненавижу пижонов.

ОЛЯ СОКОЛОВА. А может, он и правда такой, ну... с загогулиной?

АНДРЕЙ КУБАСОВ. Такой или сякой, но только унылый какой-то, скучный, и нет у него, по-моему, друзей.

И все с этим согласились. Лишь Лена... пожалела человека: «Наверное, плохо ему одному, вот он и выкаблучивается».

В письмах были не только проекты, но и отдельные предложения. Мы их тоже приводим:

«Люблю Ленинград летом. Просто по улицам люблю ходить. Собираюсь сделать альбом с фотографиями «Мой Ленинград» и подарить его парню, с которым подружусь на слете» (Андрей Первозванов).

«У нас в клубе «Красный пролетарий» открывается театр «Фонарик». Главный режиссер — девятиклассница Таня Егорова. Первый спектакль нашего театра «Город дураков» состоится в конце июня» (Катя Суровцева, Краснодар).

«Наш отряд будет летом помогать тем, кто воевал, был равен, нуждается в помощи» (Валя Скворцова, Подольск).

«Мы идем в поход, чтобы разузнать о судьбе героя Великой Отечественной войны Василия Филатова. Недавно подполковник запаса передал нам предсмертное письмо Филатова. В нем упоминается река Разуменка. И это — единственное, за что мы могли уцепиться. Разуменка протекает в нашей области. На ней стоит шесть сел. Надеемся найти людей, которые знали Филатова» (Лариса Мезанцева, Белгород).

Деловое ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В то лето, когда двенадцатилетний Люк Болдуин приехал жить к своему дяде Генри в дом на берегу реки, рядом с лесопилкой, он постоянно помнил о своем обещании, которое он дал умирающему отцу: стараться быть похожим на дядю во всем. И поэтому он пристально наблюдал за ним.

Дядя Генри, который служил управляющим на лесопильном заводике, был высокий, плотный человек весом чуть меньше ста килограммов. Кожа лица у него была обветренная, кирпичного цвета. Хотя он производил впечатление очень крепкого человека, здоровье у него было неважное. Его донимали боли в спине и плечах, которые ставили в тупик докторов.

Самое первое, что Люк узнал о дяде, было то, что все его уважали. Когда он разговаривал со своими рабочими с лесопилки, они всегда слушали его почтительно и внимательно. Его жена Хелен, тетка Люка, добродушная полная женщина, очень простая, иногда говорила племяннику: «Старайся быть таким, как твой дядя

Генри. Он такой практичный — просто чудо. Во всем он благоразумен, все делает не спеша».

По лесопилке Люк ходил за дядей Генри не только потому, что ему нравился чистый, свежий запах, который шел от напиленных бревен и кучи опилок. Ему еще нравился уверенный, твердый тон дяди, каким он разговаривал с рабочими.

Иногда дядя Генри останавливался и рассказывал Люку о разных видах древесины. «Всегда старайся понять суть дела, — говаривал он. — Если тебе это удалось, ты будешь знать, что полезно, а от чего пользы не жди, и тогда никто не сможет тебя одурачить».

Он показывал Люку, как на лесопилке идет в дело все, что имеет хоть малейшую ценность. Люк слушал его и думал: есть ли еще хоть один человек на земле, который так же хорошо знает, от чего будет польза для дела и что можно отшвырнуть за ненадобностью?

Дядя Генри сразу же понял, что Люку нужен велосипед, чтобы ездить в школу, которая нахо-

дилась за две мили от их дома, в городе, и он купил племяннику хороший велосипед. Он знал, что Люку нужна хорошая, добротная одежда. Он знал совершенно точно, сколько денег необходимо тете Хелен на хозяйство, знал цены любимых товаров, знал, сколько нужно платить за стирку белья для всей семьи.

По вечерам Люк сидел в столовой и смотрел, как дядя писал какие-то цифры в своей черной записной книжке, которую он всегда носил в жилетном кармане. Люк знал, что дядя Генри подсчитывает прибыль от любой сделки, заключенной за день, вплоть до самых незначительных. Люк решил, что, когда он вырастет, он тоже станет человеком, которого все уважают за деловой характер. Но, конечно, Люк не мог постоянно наблюдать за дядей и учиться у него.

Часто, глядя на дядю Генри, Люк вспоминал отца, и тогда ему делалось одиноко. И он стал придумывать для себя другую, тайную жизнь здесь, на лесопилке. Спутником и другом его была одиннадцатилетняя шотландская овчарка по кличке Дэн, слепая на один глаз и слегка хромавшая на левую заднюю лапу. Дэн уже сильно растолстел и стал медлительным. Он очень привязался к Люку. Его единственный глаз был янтарного цвета, шерсть тоже была цвета янтаря. Когда по утрам Люк уезжал в школу, старая овчарка провожала его примерно с полмили, а когда днем мальчик возвращался домой, Дэн ждал его у ворот.

Иногда они играли около мельничной запруды или уходили по берегу ручья к озеру. Люк никогда не чувствовал себя одиноким, когда собака была рядом.

На реке у них стояла старая весельная лодка, которая была их пиратским кораблем, а они оба были пиратами; Люк подавал команды капитану Дэну, и казалось, что пес понимал их и с энтузиазмом вилял хвостом. Его янтарный глаз был неизменно бдителен, в нем светились ум и одобрение.

Потом они забирались в кусты на другом берегу реки и играли в охотников за тиграми. Конечно, старая овчарка была плохим охотником: она была слишком медлительна и ленива. Дядя Генри не брал ее с собой, даже когда шел стрелять кроликов и других мелких животных.

Они вылезали из кустов, ложились на сыроватый берег реки, покрытый травой, и чувствовали себя друзьями. Люк что-то рассказывал собаке (он говорил серьезно), а овчарка, как ему казалось, улыбалась ему своим единственным глазом. Лежа на траве, Люк поведal собаке много такого, чего он бы не стал рассказывать своему дяде и тете Хелен. И дело не в том, что все, о чем он говорил, было таким уж важным: он рассказывал о себе то, что рассказал бы отцу или матери, если бы они были живы. Потом друзья шли домой ужинать, а после ужина они обычно спускались с холма к дому мистера Кемпа и спрашивали старика Кемпа, можно ли им пойти вместе с ним загонять домой его четырех коров. Старик всегда был рад им. Ему

нравилось смотреть, как Люк и овчарка бегали вокруг коров, а мальчику казалось, что они скачут на лошадях по просторам у подножия Скалистых гор.

Дядя Генри не обращал особого внимания на собаку. Только однажды, споткнувшись о нее, когда он проходил по веранде, дядя покачал головой и задумчиво произнес:

— Бедняга, она свое отжила. Теперь от нее никакого толку нет — только ест, спит да под ногами болтается.

Однажды (это было в воскресенье, во время летних каникул) вся семья, вернувшись из церкви, пообедала, а потом все вышли на веранду, где спала овчарка. Люк сел на ступеньки веранды, прислонившись спиной к столбу, на котором держалась крыша, дядя Генри уселся в кресло-качалку, а тетя Хелен устроилась в гамаке. Люк, не отрывая глаз от собаки, похлопал по ступеньке ладонью. Он хлопнул три раза. Это был сигнал — овчарка, подняв голову, с трудом встала, слабо помахала хвостом, показывая, что она услышала, и направилась к Люку через всю веранду. Но собака еще не совсем проснулась, а ее слепой глаз был со стороны качалки. Когда она проходила мимо, ее левая лапа попала под кресло. С ужасным визгом собака прыгнула вниз по ступенькам и, хромая, скрылась за углом. Там она остановилась, потому что услышала шаги Люка, который бежал за ней. Едва Люк дотронулся до собаки рукой, как она успокоилась. Она начала размеренно лизать его руку, как бы прося прощения.

— Люк, — позвал дядя Генри резким тоном, — приведи собаку сюда.

Когда мальчик привел овчарку назад на веранду, дядя кивнул и сказал:

— Спасибо, Люк.

Потом он вынул сигару, закурил ее, сложил свои большие руки на коленях и начал покачиваться в качалке. Он нахмурился и пристально посмотрел на Дэна. Очевидно, он решал что-то очень важное, что-то, что имело отношение к собаке.

— Что случилось, дядя? — нервно спросил Люк.

— Собака совершенно ослепла, — ответил дядя Генри.

— Совсем нет, — быстро ответил мальчик. — Просто она повернулась к вашему креслу слепым глазом, вот и все, дядя.

— И зубов у нее уже больше нет, — продолжал дядя Генри, не обращая внимания на слова Люка. Повернувшись к гамаку, он позвал жену: — Хелен, сядь, пожалуйста, я тебе хочу кое-что сказать.

Когда тетя поднялась и подошла к нему, он продолжал:

— Хелен, я как раз на днях думал об этой собаке. Она не только почти ослепла; ты заметила, что, когда мы приехали из церкви, она даже не залаяла?

— Это правда, Генри, она не лаяла.

— Сейчас от нее мало толку, даже как от сторожевой собаки.

— Бедняга, мне ее так жалко!
— И для охоты она уже не годится. И потом тебе не кажется, что она много жрет?
— Да столько, сколько и раньше, Генри.
— Стало быть, ясно, что эту собаку держать накладно. Пора от нее избавиться.
— Всегда очень трудно придумать, как избавиться от собаки, Генри.

— Я как раз об этом думал. Некоторые считают, что лучше всего собаку застрелить. Но у меня уже почти год нет патронов для ружья. Отравить собаку — уж очень тяжелая смерть. Пожалуй, самое простое — это утопить ее, да и времени это много не займет. Я поговорю с кем-нибудь из ребят с лесопилки, попрошу заняться этим делом.

Люк бросился на землю, обнял старую овчарку за шею и кричал:

— Дядя Генри, Дэн — замечательная собака! Вы не знаете, какая она хорошая!

— Она просто очень старая собака, сынок, — спокойно сказал дядя Генри. — Рано или поздно приходится избавляться от каждой собаки. Надо быть практичным. Я тебе достану щенка, сынок. Маленькую собаку и умную, расход на которую себя оправдает. Этот щенок будет расти вместе с тобой.

— Мне не нужен щенок! — крикнул Люк, отворачиваясь.

Собака закружилась вокруг него, залаяла. Потом она начала лизать затылок Люка своим длинным розовым языком.

Тетя Хелен, поймав взгляд мужа, приложила палец к губам.

— Старые собаки, вроде нашего Дэна, часто уходят в кусты, как бы подыскивают место, куда они придут умирать. Ведь правда, Генри?

— Верно, — быстро согласился он. — По правде говоря, когда Дэн вчера куда-то исчез, я об этом подумал.

Он зевнул и, казалось, забыл о собаке.

Но Люку было страшно, потому что он знал характер дяди. Он знал, что, если дядя решил, что от собаки нет проку и что нужно избавиться от нее, он будет стыдиться самого себя, если не сделает этого по каким-то сентиментальным соображениям. В глубине души Люк сознавал, что ему не удастся разжалобить дядю Генри. И он решил, что все, что ему остается, это спрятать собаку от дяди, увести ее из дома, кормить, когда поблизости не будет дяди Генри.

На следующий день, около полудня, Люк увидел, как дядя шел с лесопилки, направляясь к дому, и рядом с ним шел старый рабочий Сэм Картер. Сэм Картер был человек лет шестидесяти, мрачный сутулый тугодум с седой бородой. Он носил голубой комбинезон и рубашку такого же цвета. Люк вдруг увидел, как дядя дал Сэму сигару, а тот положил ее в карман. Люк никогда раньше не видел, чтобы дядя давал Сэму сигары или просто обращал на него внимание.

После обеда дядя Генри сказал как бы между прочим, чтобы Люк взял свой велосипед и съездил в город купить ему сигар.

— Я возьму с собой Дэна, — сказал мальчик.

— Лучше не надо, сынок, — ответил дядя. — Тогда у тебя весь день до вечера уйдет на то, чтобы съездить в город. Мне нужны сигары. Ну, поезжай, Люк.

Тон дяди был таким обыденным, и Люк почти поверил, что дядя не собирается отделаться от него. Конечно, он должен был сделать то, что ему было сказано. Он еще ни разу не осмелился не выполнить распоряжение дяди. Но, когда он сел на велосипед и проехал почти четверть мили по тропинке, которая шла вдоль берега реки до самой дороги, ведущей в город, он вдруг опять вспомнил эту сцену — как дядя Генри дал старику Картеру сигару.

Люка охватило беспокойство. Он затормозил, слез с велосипеда и в раздумье остановился на дороге, залитой солнцем. Старик Картер был сухой человек, ко всему безразличный. Уж он-то не пожалеет собаку. И Люк вдруг почувствовал, что не может ехать в город, пока не убедится, что с овчаркой ничего не случилось в его отсутствие.

С того места, где он остановился, Люк мог видеть дом дяди, который стоял на другом конце поля.

Люк оставил велосипед в кювете и направился к дому. Он хотел подобраться к нему как можно ближе, чтобы Дэн мог услышать его свист. Он остановился метрах в пятидесяти от дома. Мальчик свистнул и подождал, но собаки нигде не было видно. Может быть, она спала перед домом или даже была на лесопилке? Свистел он тихо, и Дэн не мог услышать свист, потому что громко визжали пилы. Несколько минут Люк никак не мог придумать, что же делать, потом решил вернуться на дорогу, сесть на велосипед и вернуться к тому месту, где тропинка скрещивалась с дорогой. Там он мог оставить велосипед, подняться вверх по тропе и, прячась в высокой траве, пробраться почти до самого дома. Оттуда он бы видел фасад дома и лесопилку, оставаясь незамеченным.

Он проехал по тропинке метров сто, и, когда выбрался на то место, где река круто поворачивала к дому, сердце его затрепетало, и он остановился как вкопанный: на реке, там, где было самое глубокое место, он увидел старую лодку, а в ней сидели Сэм Картер и овчарка.

Старик в голубом комбинезоне курил сигару. Собака с довольным видом сидела около него. Время от времени она дружески лизала руку старика. На шее Дэна была веревка. Вся эта картина показалась Люку страшным сном. Все в ней было нереальным: так все ее участники были довольны, спокойны, даже дым от сигары висел в воздухе на редкость миролюбиво. Но, когда Люк крикнул: «Дэн, Дэн, плыви скорее сюда!» — и собака прыгнула в воду, он заметил, что левая рука Сэма была глубоко погружена в воду — в ней он держал веревку, а на конце ее был привязан тяжелый камень. Люк страшно закричал:

— Не надо! Прошу вас, не надо!

Люк остановился как вкопанный: на реке он увидел

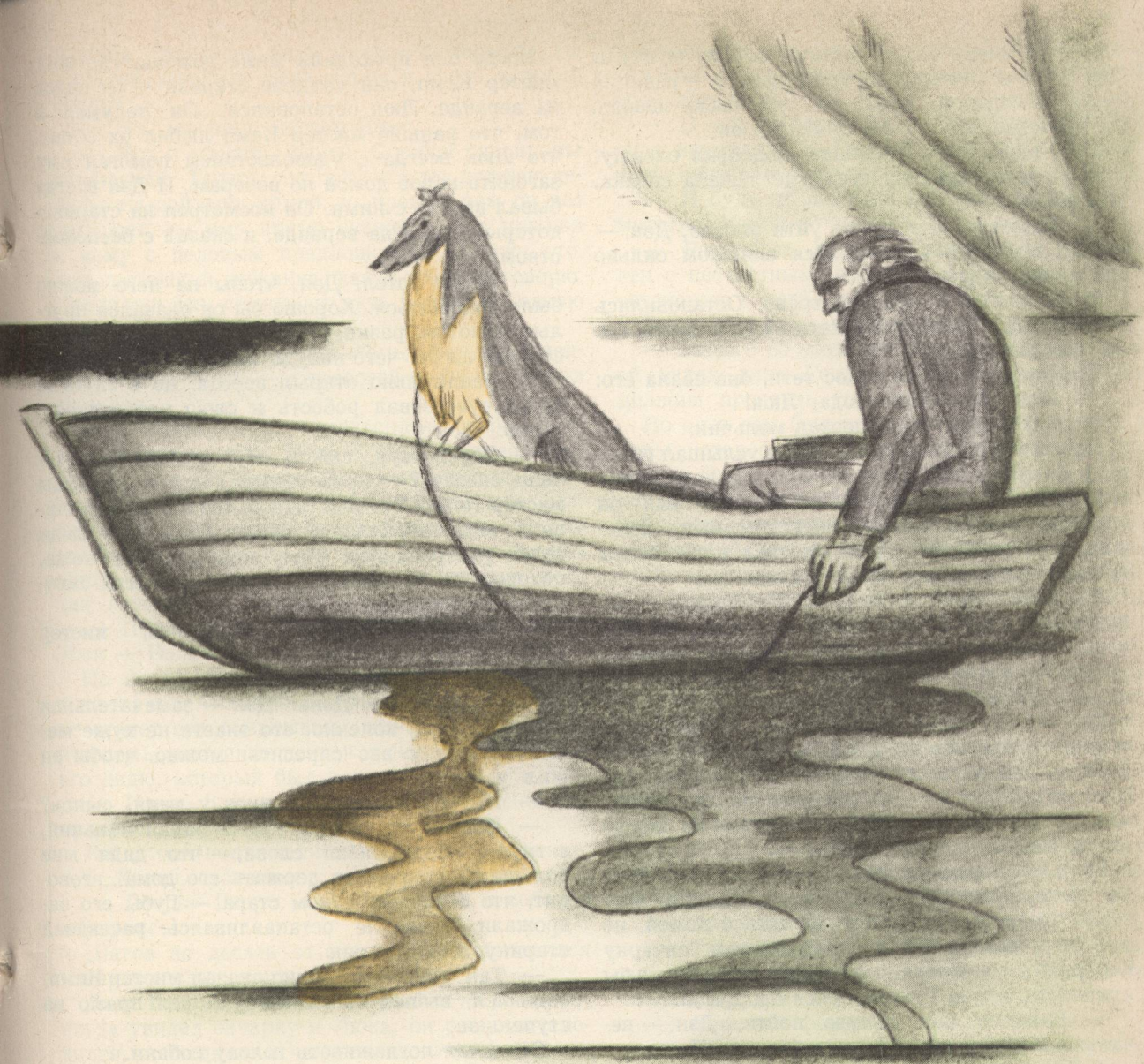
Но в это время Картер уже бросил камень в воду — Люк крикнул слишком поздно. Из-за визга больших пил на лесопилке старик не слышал его. И все-таки он чего-то испугался — он тупо уставился на берег реки, потом вдруг опустил голову и начал быстро грести к берегу.

Люк смотрел на овчарку. Было похоже, будто она собирается нырять на небольшую глубину, только вдруг ее задние лапы забились над поверхностью воды, потом исчезли. Люк смотрел на нее, всхлипывая и дрожа: он чувствовал, что у него украли счастливую, скрытую от людей сторону его жизни на лесопилке. Он смотрел, как тонет собака, и, казалось, делал все по какому-то заранее обдуманному плану: шарил в карманах — искал свой складной нож, раскрыл его, стащил штаны, сбросил ботинки, что-то яростно бормоча про себя и моля, чтобы Сэм Картер побыстрее исчез из виду.

Старик добрался до берега меньше чем за минуту и воровато скрылся за излучину, как

будто чувствовал, что мальчик следит за ним. Но Люк не отрывал глаз от того места, где Дэн скрылся под водой. Как только старик исчез из виду, Люк соскользнул вниз по берегу и прыгнул в воду; солнечные лучи освещали его худенькое тело, в глазах его горело нетерпение. Люк спешил на глубину. Он согнулся и нырнул в воду. Его глаза начали привыкать к серо-зеленой дымке, к цвету песка на дне и подводных камней.

Он уже чувствовал боль в легких, как вдруг увидел тень от собаки, которая плавала на туго натянутой веревке, привязанной к камню. Он полоснул веревку ножом. Удар получился не сильным, потому что вода тормозила движение. Люк схватил веревку левой рукой и начал резать ее. Внезапно собака начала медленно подниматься на поверхность. А потом и голова мальчика вынырнула из воды. Он жадно глотал воздух и одновременно подтягивал к себе веревку и бил рукой по воде. Он очень быстро отплыл с глубины, и вскоре ноги его коснулись дна.

старую лодку, а в ней сидели Сэм Картер и овчарка.

Люк тащил собаку из воды. Шатаясь, он брел к берегу, спотыкаясь на каждом шагу, потому что Дэн был тяжелый и неподвижный, словно мертвый.

Он выполз на берег и выбрался на траву, где лег на землю, крепко прижимая к себе овчарку, пытаясь согреть ее своим телом. Но Дэн лежал без движений, его зрячий глаз был по-прежнему закрыт. Тогда Люк решил действовать, как опытный, знающий человек. Он встал на колени, перевернул собаку на брюхо, сжал ее коленями.

Дрожащими руками мальчик нащупал ее мягкие бока и начал нажимать на них, то откидываясь назад и выпрямляясь, то наклоняясь вперед всем телом. Он надеялся, что так сумеет выкачать воду из легких собаки. Ему приходилось читать когда-то, что утопленников, которых считали мертвыми, удавалось спасти именно таким способом.

— Ну, Дэн, ну давай, старина, — мягко уговаривал он.

Когда из пасти собаки вылилось немного во-

ды, сердце Люка дрогнуло, и он стал приговаривать:

— Тебе нельзя умереть, Дэн! Нельзя, нельзя! Я не дам тебе умереть!

Он продолжал нажимать на бока собаки, неустанно наклоняясь вперед и выпрямляясь. Из пасти вылилась еще вода. Он почувствовал, как тело овчарки слегка дрогнуло.

— Ну вот, Дэн, ты жив, — прошептал он. — Здорово. Давай, старина, не сдавайся.

Неожиданно собака закашлялась, откинула назад голову и открыла свой зрячий глаз. Они смотрели друг на друга. Потом собака, резко упершись лапами в землю, попыталась подняться, закачалась, но все-таки поднялась и застыла в оцепенении. Потом она отряхнулась, как любая собака отряхивает шерсть, повернула голову, посмотрела на мальчика и слабо лизнула его в щеку своим красным языком.

— Ложись, Дэн, — приказал Люк.

Когда овчарка легла на землю около него, Люк закрыл глаза, спрятал лицо в ее влажную

шерсть и никак не мог понять, почему мускулы рук и ног его начали нервно дрожать, — реакция была запоздалой, ведь все уже было позади.

— Лежи, Дэн, — мягко сказал он.

Люк вернулся к тропинке, подобрал одежду, потом опять вернулся туда, где лежала собака, и оделся.

— Кажется, нам лучше уйти отсюда, Дэн, — сказал он. — Не высовывайся слишком сильно из травы. Идем.

И он пополз в высокой траве. Остановились они метрах в семидесяти пяти от того места, где он раздевался.

Потом он услышал голос тети, она звала его:

— Люк, Люк! Иди сюда, Люк!

— Тихо, Дэн, — прошептал мальчик.

Прошло несколько минут, и он услышал голос дяди Генри: «Люк, Люк!» — и потом дядя начал спускаться по тропинке. Они видели, как он остановился, массивный, внушительный, положив руки на бедра. Дядя смотрел вниз, потом повернулся и пошел назад к дому.

Мальчик лежал и смотрел, как солнце освещало шею дяди Генри, и радость, которую Люк испытывал при мысли, что овчарка спасена, уступила место отчаянию. Он знал: если даже его простят за то, что он спас собаку, то все равно он помешал плану дяди. Дядя Генри решил избавиться от Дэна, и через несколько дней он каким-либо способом отделается от него, как он отделялся от всего на лесопилке, что, по его мнению, было ненужным, на что не имело смысла тратить деньги.

Мальчик повернулся на спину и стал смотреть на облака, которые почти не двигались. Ему стало страшно. Он не мог вернуться домой, не мог он и уйти в лес и спрятать там овчарку и кормить ее. Конечно, собаку пришлось бы привязать, иначе Дэн вернулся бы домой.

— Кажется, нам некуда пойти, Дэн, — печально шепнул он.

А Дэн в это время следил за бабочкой, которая порхала над их головами. Люк немного приподнялся и посмотрел сквозь заросли травы на угол дома. Потом он повернулся и стал смотреть в другую сторону, на широкое голубое озеро. Вздохнув, он опять лег на землю, и долгие часы они лежали там, пока на лесопилке не замолкли пилы.

— Мы больше не можем здесь оставаться, Дэн, — сказал мальчик наконец. — Нам нужно уйти как можно дальше отсюда. Держись плотнее к земле, друг.

И они поползли сквозь траву, все больше удаляясь от дома. Когда их уже не могли видеть из дома, Люк поднялся на ноги и рысцой побежал через поле к дороге, покрытой гравием, — эта дорога вела в город.

Пока они бежали, собака время от времени оглядывалась назад, как бы спрашивая, почему Люк бежит так — устало, еле переставляя ноги, опустив голову.

— Меня ноги не держат, Дэн, вот в чем дело, — объяснил собаке Люк. — И я никак не придумаю, где тебя спрятать.

Когда они проходили мимо домика, где жил мистер Кемп, они увидели старика — он сидел на веранде. Люк остановился. Он подумал о том, что раньше мистер Кемп любил их обоих, что Люк всегда с удовольствием помогал ему загонять коров домой по вечерам. И Дэн всегда бывал вместе с ними. Он посмотрел на старика, который сидел на веранде, и сказал с беспокойством:

— Я бы хотел, Дэн, чтобы на него можно было положиться. Хорошо бы он оказался круглым идиотом, разиней, и не стал бы рассуждать, стоишь ли ты чего-нибудь или нет. Ну, идем.

Он решительно открыл ворота, но в глубине души чувствовал робость и свою незначительность.

— Здравствуй, сынок. Ну, что ты мне хочешь сказать? — приветствовал его с веранды мистер Кемп. Это был худой, жилистый мужчина в темно-коричневой рубашке. У него были седые растрепанные усы, морщинистая кожа, похожая на голенище, но глаза его всегда смотрели дружелюбно и весело.

— Могу я с вами поговорить, мистер Кемп? — спросил Люк.

— Ну, конечно. Говори.

— Это насчет Дэна. Дэн — замечательная собака, но вы, конечно, это знаете не хуже меня. Я хотел у вас спросить: можно, чтобы он жил у вас?

— Почему он должен жить у меня, сынок?

— Видите ли, дело в том, — начал мальчик, с трудом подыскивая слова, — что дядя мне больше не разрешает держать его дома... говорит, что собака слишком стара. — Губы его задрожали, и он, не останавливаясь, рассказал старику всю историю.

— Так, так, — медленно сказал мистер Кемп, поднялся, вышел на лестницу и сел прямо на ступеньки.

Он начал поглаживать голову собаки.

— Конечно, Дэн — старая собака, сынок, — спокойно сказал он. — И рано или поздно от старой собаки придется избавляться. Твой дядя это знает. Может быть, он прав: Дэн не стоит тех денег, которые на него тратят.

— Он ест мало, мистер Кемп, только один раз в день.

— Мне не хочется, Люк, чтобы ты думал, что дядя Генри жестокий, бесчувственный человек, — продолжал мистер Кемп. — Он неплохой человек... может быть, только чересчур практичный и резкий.

— Кажется, да, — согласился Люк, нетерпеливо ожидая, что же скажет старик дальше, и верил тому, что видел в его глазах.

— Может быть, имеет смысл сделать ему деловое предложение?

— Что... что вы имеете в виду?

— Видишь ли, мне, в общем, нравится, как ты по вечерам загоняешь домой моих коров, — сказал мистер Кемп, улыбаясь каким-то своим мыслям. — По правде говоря, мне кажется, что мне вообще незачем ходить вместе с тобой, когда ты их загоняешь. Допустим, я буду тебе

платить семьдесят пять центов в неделю. Ты согласен заводить моих коров в загон каждый вечер?

— Ну, конечно, мистер Кемп.

— Вот и хорошо, сынок. С тобой сделку мы заключили. Теперь слушай, что ты должен делать: ты пойдешь домой, и, прежде чем он рот раскроет, ты ему прямо скажешь, что пришел к нему с деловым предложением. Скажи это, как настоящий мужчина, как я это тебе говорю. Предложи ему семьдесят пять центов в неделю за кормежку собаки.

— Но дяде не нужны семьдесят пять центов, мистер Кемп, — с тревогой в голосе сказал мальчик.

— Конечно, нет, — согласился старик. — В этом-то все и дело. Будь с ним откровенным. Помни, что он ничего не имеет против Дэна. Нажимай на это, сынок. Потом ты мне скажешь, что вы решили, — добавил он, весело улыбаясь. — Ведь ты же хоть капельку знаешь своего дядю, верно? Все будет в порядке. Мне так кажется.

— Попробую, мистер Кемп, — сказал Люк. — Большое вам спасибо.

Но он не очень верил в успех, потому что, хотя и знал, что Кемп — умный старик, который не станет его обманывать, все-таки не верил, что семьдесят пять центов в неделю соблазнят его дядю, который был человек состоятельный.

— Идем, Дэн, — позвал он и медленно направился домой.

Когда они поднимались вверх по тропинке, тетя Хелен, стоявшая у окна, закричала:

— Генри, Генри, о господи, Люк с собакой вернулись!

Шагов за десять от дома Люк остановился и нервно ждал, когда выйдет дядя.

Дядя Генри стремительно вышел из дома, но, когда увидел овчарку и Люка, он резко остановился, побледнел, и челюсть его отвисла.

— Люк, — прошептал он, — но ведь у собаки был камень на шее.

— Я вытащил ее из воды, — опасливо ответил мальчик.

— Ага, ясно, — сказал дядя Генри, и постепенно краска опять появилась на его лице. — Ты ее вытащил из воды, да? — переспросил он, все еще косо поглядывая на собаку. — Ты не должен был делать этого. Видишь ли, я приказал Сэму Картеру утопить ее.

— Подождите минутку, дядя Генри, — сказал Люк, стараясь говорить твердо. Он почувствовал себя увереннее, когда тетя Хелен тоже вышла на улицу и остановилась за спиной мужа. Взгляд у нее был не сердитый, и мальчик продолжал, осмелев: — Я хочу сделать вам деловое предложение, дядя Генри.

— Что ты хочешь сделать? — спросил дядя Генри, чувствуя себя до сих пор неуверенно: ему было не по себе из-за того, что мальчик и собака стояли прямо перед ним.

— Деловое предложение, — быстро заговорил Люк. — Я знаю, что в вашем доме расходы на Дэна себя не оправдывают. По-моему, кроме

меня, никому до него нет дела. Поэтому я буду вам платить семьдесят пять центов в неделю за его кормежку.

— О чем ты говоришь? — спросил дядя Генри в изумлении. — Где ты возьмешь семьдесят пять центов в неделю, Люк?

— Я буду по вечерам загонять домой коров мастера Кемпа.

— Ради бога, Генри, — взмолилась тетя Хелен с несчастным видом. — Пусть эта собака останется у него.

Она бросилась назад в дом.

— Нечего об этом разговаривать! — крикнул ей вслед дядя Генри. — Мы в этом вопросе должны проявить твердость.

Но он и сам был потрясен, охвачен чувством беды, которое разрушало в нем чувство уверенности. Он медленно сел в свою качалку, ладонью похлопывая себя по лицу. Ему хотелось пойти на уступки, сказать: «Ладно, можешь оставить собаку дома», — но ему было стыдно этого чувства слабости и сентиментальности. Он упрямо сопротивлялся ему, он отчаянно пытался сделать так, чтобы душевное волнение его обернулось просто нормальным, полезным чувством здравого смысла. И поэтому он раскачивался в кресле и размышлял. Наконец он улыбнулся:

— Ты плутишка с головой, Люк, — медленно сказал он. — Ты это неплохо придумал. Я, кажется, согласен принять твоё предложение.

— Вот здорово, дядя Генри, спасибо!

— Я принимаю твоё предложение потому, что эта история, как мне кажется, тебя кое-чему научит, — задумчиво продолжал он.

— Да, дядя Генри.

— Ты поймешь, что даже самым умным людям ненужная роскошь стоит денег, добытых тяжелым трудом.

— Мне все равно.

— Когда-нибудь тебе придется это уразуметь. И я думаю, что ты это поймешь, потому что в тебе, конечно, есть практическая жилка. Меня это радует. Ну, ладно, сынок, — сказал он, улыбнулся с облегчением и вошел в дом.

Повернувшись к собаке, Люк тихо прошептал:

— Ну, что ты об этом скажешь?

Когда мальчик сел на ступеньки, собака приставила рядом с ним, и он слышал в доме голос дяди — он разговаривал с тетей Хелен. Глаза Люка сияли от радости. А потом он начал раздумывать: почему мистер Кемп так хорошо понимал характер дяди Генри? Он стал мечтать о том, как будет когда-нибудь таким же умным, как старый мистер Кемп, и тогда он научится вести себя с людьми. Возможно, он уже оценил некоторые дядины качества, которые ему так необходимо было понять, по мнению его отца.

Положив голову на шею собаки, он поклялся себе, что, кем бы он ни стал, у него всегда будет немного денег для того, чтобы суметь защитить все, что ему дорого, от практичных людей.

Перевел с английского Ю. ДРОЗДОВ.

Б. ОРЛОВ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Як-40

Ан-12

ПАССАЖИРЫ БЕРУТ СТАРТ

«Производится посадка на рейс...» Какого путешественника не обрадуют эти слова? Позади сборы, волнения, хлопоты. Впереди — свидание с небом, полет.

Сдал вещи в багажное отделение. Сел в автобус, который примчит тебя прямо к трапу самолета. Приветливые бортпроводницы рассадят всех в мягкие кресла. Пристегнул ремень, положил в рот карамельку и... полетел. Быстро и удобно.

Аэровокзал в Москве — один из самых крупных в мире. Летом он обслуживает до двадцати пяти тысяч пассажиров в день. Зал ожидания — три футбольных поля. Шестьдесят касс по продаже билетов, двадцать стоек для регистрации и оформления багажа, несколько справочных бюро, две камеры хранения, киоски, буфеты, ресторан... Всюду удобная мебель. Пока не объявили посадку в автобус, можешь посмотреть новый фильм в кинозале. Для тех, кому места там не хватило, в зале ожидания сразу на четырех экранах идут веселые мультфильмы.

Но самое интересное, конечно, за теми дверями, куда «посторонним вход воспрещен»...

БИЛЕТЫ ПРОДАЕТ... МАШИНА

Ты покупаешь билет. Подходишь к кассе, называешь город, число, рейс, которым собрался лететь. Кассир нажимает кнопку на пульте. На экране вспыхивает слово «Есть». Нажимает вторую кнопку — на экране появляются цифры: цена билета, время вылета, время полета. Нажата третья — и автомат «выстреливает» готовый билет. Осталось вписать в него твою фамилию и получить деньги. В конце работы световое табло показывает количество проданных билетов и выручку.

Кто же этот добрый «волшебник», что так облегчил работу кассира? Электронно-вычислительная машина. Называется она «Сирена».

Обслуживает «Сирена» и справочные бюро. Если рейс отменен или задерживается, на пульте дежурной загорается красная лампа. Если самолет только что вылетел — белая. Произвел посадку — голубая... Двадцать пять ответов в минуту! Человеку, конечно, не справиться с такой нагрузкой.

НА ОЧЕРЕДИ — ГРУЗЫ

Как летает багаж ты, наверное, знаешь. Поставил чемодан на весы. Дежурная привязала к нему бирку с номером рейса и отправила по рольгангу — транспортеру. Через одну-две минуты чемодан оказывается в большом подвальном помещении — багажном зале, где собираются саквояжи, портфели, корзины и чемоданы пассажиров многих рейсов. По биркам их сортируют, раскладывают на самоходные тележки и автолифты. Автолифт подвозит вещи к самолету, грузит их в багажный отсек. Дальше твой чемодан летит вместе с тобой.

Кроме багажа, путешествуют грузы. Аэрофлот перевозит в год почти два миллиона тонн грузов. Самых разных — от медикаментов до тракторов.

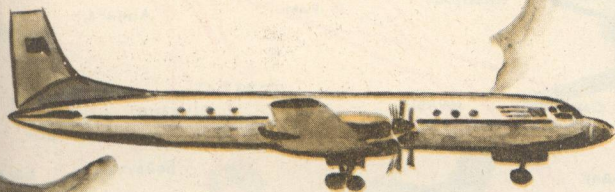
Нередко на аэрофлотские склады попадают совсем необычные — живые грузы. Тридцать пять тысяч казахстанских черепах не так давно улетели в зоомагазины Франции, ГДР, Чехословакии, Венгрии. Ночевали они на складе в Шереметьевском аэропорту. Дважды в неделю самолеты возят за границу живых раков. На Всемирную выставку в Осаке едут в аквариумах волжские осетры. Несколько часов провели в Шереметьеве степные соколы, купленные иностранными студиями для участия в киносъемках. А однажды на склад попал жираф из Судана. Представляете, каково было поместить его в самолет! Пришлось сделать усыпляющий укол. Сонного жирафа грузили, как контейнер с мебелью

Их очень много — земных авиационных помощников. Я не рассказывал тебе, как в разбросанных по аэродрому домиках радисты настраивают локаторы, маяки, радиостанции. Как штурманы составляют карты маршрутов... Но есть в аэропорту служба, которую в авиации считают главной. Давай-ка заглянем туда.

ГЛАЗА И УШИ АЭРОДРОМА

Как только все подготовлено к рейсу, самолет попадает к диспетчерам. Их служба, хотя и находится на земле, все время занята небом. Диспетчеры первыми встречают и последними провожают воздушные корабли. Они передают самолет друг другу, следя за ним до тех пор, пока он не покинет зону аэродрома и не перейдет на связь с другим городом.

Сначала пилот запрашивает по радио разрешение на запуск двигателей у диспетчера по рулению. Потом, если взлетно-посадочная полоса свободна, диспетчер стартового командного пункта дает ему «добро» на вылет. Наступает очередь третьего диспетчера, который провожает машину до высоты двести метров. И наконец пилот пере-

Ил-18

ЗЕМНЫЕ ПОМОЩНИКИ

Тысячи людей, работающих в аэропорту, ни разу не сидели в кабине пилота. Они всегда остаются на земле. Но не будь их, замерла бы жизнь в небе.

Первыми встречают крылатый корабль на земле авиатехники. Без них ему не подняться в небо: только авиатехник и инженер могут определить готовность машины к полету. Каждую ее деталь проверят. Работают авиатехники бригадами. Один контролирует давление воздуха в колесах, другой — показания приборов, вмонтированных в корпус фюзеляжа, третий регулирует радиостанцию в кабине пилота.

Все идет нормально. В руках бригадира передполетная карта осмотра. Она по пунктам напоминает о том, какие узлы самолета нужно проверить.

Более восьмидесяти машин помогают людям ухаживать за самолетом. Одни заправляют его топливом, другие следят за четкостью работы турбин и запускают двигатели, третьи подают сжатый воздух для тормозов. Машины непрерывно снуют по перрону — от ближней до дальней стоянки крылатых кораблей. Автомобили подвозят горячую и холодную воду, теплый воздух для отопления салонов. Есть даже «душ на колесах» — мойка... А вот подкатил желтый приземистый автолифт. За сорок пять секунд кузов его поднимается до самой двери самолета. Из лифта борпроводники выгружают лимонад и ужины в контейнерах.

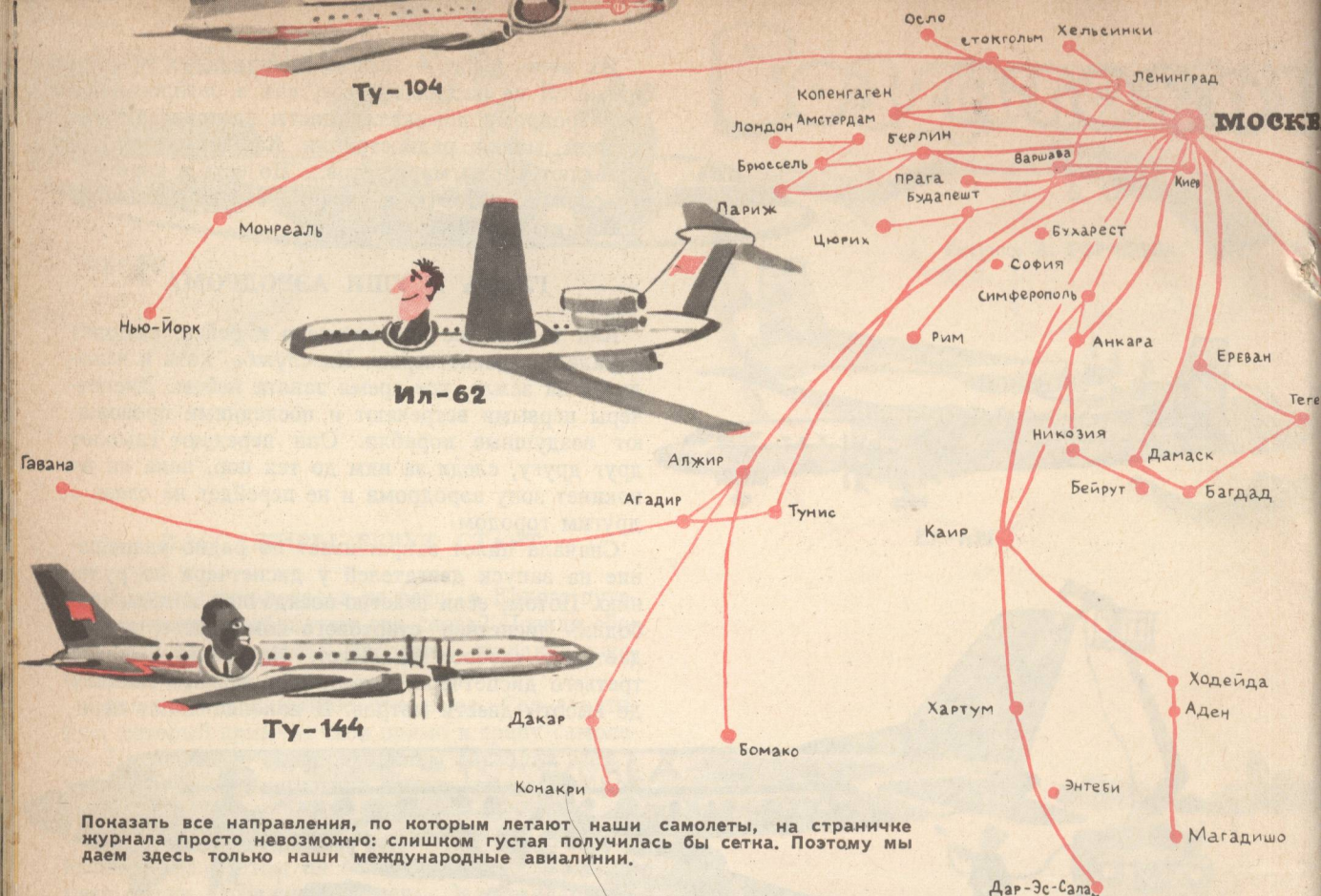
ходит на связь с самым главным диспетчером. Он будет контролировать полет за много километров от аэродрома.

Командно-диспетчерский пункт (КДП) занимает в аэропорту самое высокое место — под крышей служебного здания. Здесь, как в стеклянном фонаре, с двадцатиметровой высоты открывается вся панорама аэродрома.

В серебристо-медовом мареве дрожит бетонный глянец взлетной полосы, перрона и рулежных дорожек. Сверкает окнами стометровая пассажирская галерея и гигантский «гриб» — павильон для посадки. По мостикам-трапам пассажиры чинно переходят из «гриба» в самолет, вокруг которого выстроились разноцветные автомашины, готовые самолет к рейсу.

Но диспетчеру Герою Советского Союза Петру Антоновичу Бочину некогда рассматривать то, что делается на перроне.

Тесно стало в небе. В разгар летних школьных каникул Аэрофлот перевозит за день до четырехсот тысяч пассажиров! Целый город, такой, как Таллин, переселяется в небо. Выпадают минуты,

Показать все направления, по которым летают наши самолеты, на страничке журнала просто невозможно: слишком густая получилась бы сетка. Поэтому мы даем здесь только наши международные авиалинии.

когда под контролем Петра Антоновича оказывается одновременно более двадцати самолетов. И за каждым из них нужно следить неотрывно. Светофоров и регулировщиков на небесных перекрестках не расставишь. К тому же, самолет не автобус, в воздухе не остановится.

Зорко наблюдать за порядком в небе диспетчеру помогают радиолокаторы. В любую погоду на их экранах отмечаются пути самолетов маленькими мерцающими звездочками. У каждой звездочки — своя дорога, или свой «коридор», как называют воздушные маршруты в авиации. И у каждой — свой «этаж». На восток самолеты летают по четным этажам: на высоте в шесть, восемь,

десять тысяч метров, а навстречу им, на запад, — только по нечетным: семь, девять, одиннадцать тысяч метров. Движением на этажах и по коридорам руководит опытный регулировщик — диспетчер командного пункта. Он внимательно следит за перемещением звездочек на экране.

— 4247! Не уклоняйтесь от курса. Следуйте строго по коридору! — летит в эфир повелительная команда Петра Антоновича. — Ваше удаление от аэродрома — сто пять километров.

Звездочка медленно вползает в нарисованный на экране коридор. Теперь пилот не собьется с пути: ему обеспечена в небе зеленая улица.

Самое сложное в полете — посадка. Ее контролируют точнейшие радиолокаторы: диспетчерский и посадочный. В центре экрана диспетчерского локатора тонкими линиями очерчены два четырехугольника. Внутренний, слегка вытянутый, — схема аэродрома, внешний — его воздушная зона. Прежде чем выйти на посадку, самолет должен выполнить четыре обязательных поворота по этой схеме (точно на углах внешнего четырехугольника). Летчики этот маневр называют: «построить коробочку».

Посадочный радиолокатор помогает экипажу вывести самолет на взлетную полосу. Команды диспетчера посадочного пульта кратки: «выше», «ниже», «левее», «правее», «хорошо».

— Перед вами взлетная полоса, — сообщает наконец экипажу диспетчер. — Посадка! — И в ту же секунду исчезает с экрана мерцающая отметка. Локатор точно выводит самолет на бетонку.

САМОЛЕТ И ПОГОДА

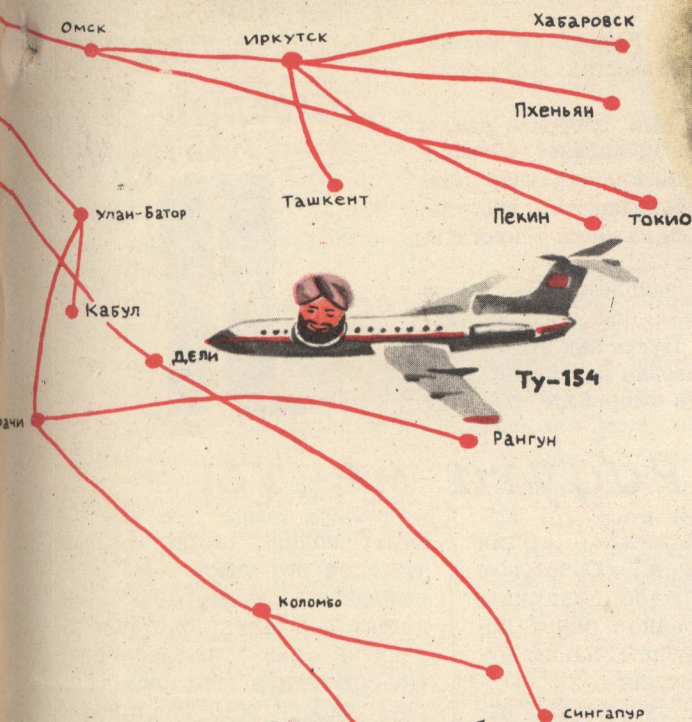
Некоторые дедушки и бабушки помнят, может быть, авиабилеты 1923 года, в которых давалось такое примечание: «Полеты совершаются в благоприятную погоду с 12 до 4 часов дня. Благоприятной погодой считается отсутствие сильного ветра, снега, дождя и тумана... Холода опасаться не следует — выдается теплая одежда».

Современные воздушные корабли летают в любое время суток, в самых сложных метеорологиче-

Ту-134

Ту-154

ских условиях. Однако низкая облачность, плотные туманы, грозы опасны для полетов и сегодня.

Вот почему экипажу нужна точная и быстрая информация о погоде. Для этой цели в каждом аэропорту есть метеостанция. На ее площадке много разных новых приборов. Например, светолотатор «Облако». Его мощный луч, устремленный в небо, отражается зайчиком от облаков. Время возвращения луча к земле — доли секунды. Прибор пересчитывает их на метры и сообщает высоту облачности. По такому же принципу работает прибор «Фиорд». Только луч «Фиорда» направлен не вверх, а по горизонту, в сторону зеркала-рефлектора, установленного в ста метрах. Чем прозрачней воздух, тем ярче отраженный «зайчик». Над землей туман, снегопад, дождь — «зайчику» труднее пробиться. А пробившись, он скажет, как далеко видит пилот в такую погоду, можно ли разрешить экипажу посадку.

Специальные метеорологические локаторы дают сведения о структуре облаков. Они как бы видят облако в разрезе: его форму, прослойку, верхнюю границу. Могут дать точную справку о приближающейся грозе или ливневых осадках.

На службе у метеорологов есть и самолеты-разведчики («зондировщики»). Хотя их немного (например, на все московские аэропорты один самолет ЛИ-2), сведения они дают очень важные: о воздушной болтанке, обледенении, приближающихся грозах, шторме.

При составлении карт погоды в аэропортах широко используют и фотоснимки, полученные самыми дальними разведчиками — метеорологическими спутниками Земли...

Командно-диспетчерский пункт

«СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ»

Есть в аэропорту профессии совсем редкие, каких больше нигде не встретишь. Например, как у Якова Ивановича Карпунина. В Шереметьеве таких специалистов всего четверо. Должность Якова Ивановича называется «дежурный по встрече и сопровождению самолетов».

Рабочее место его — самая нарядная в аэропорту «Волга». С мигающим фонарем на крыше, рубиновой табличкой сзади: «Следуй за мной».

В машине переносная радиостанция. Из динамика доносится голос:

— В аэропорт прибывает «Боинг-707» из Нью-Йорка. Встречайте!

— Вас понял, — отвечает Яков Иванович по радио. — Выезжаю.

И вот «Волга» мчится по рулежной дорожке к взлетно-посадочной полосе. По бетонке рулит самолет, прилетевший из Америки. С КДП экипажу дали команду занимать десятую стоянку. Но где она, пилоты не знают: они впервые прилетели в Москву.

«Волга» Якова Ивановича разворачивается перед носом самолета и, как поводырь, ведет за собой лайнер к месту стоянки. Уже на перроне Яков Иванович выскакивает из машины и становится лицом к самолету. В руках у него два разноцветных жезла (ночью они светятся). На международном авиационном языке это вроде флотской азбуки флагами — он руководит движением самолета по перрону.

Жезл поднят над головой — стоянка здесь! Командир подтягивает крылатый корабль до нарисованной на бетоне цифры «10». Выключаются двигатели, самолет замер. А Яков Иванович торопится встретить нового гостя в воздушных воротах столицы.

Цена капли масла

Из станка капало масло... Капля! Станочник не обращал внимания. Измерили. За смену на пол вытекало 30 литров масла. Три таких «дыр-вых» станка в месяц давали заводу убыток в 9 тонн масла суммой на 1 200 рублей.

Эта капля масла «всплыла» в разговоре рабочих на Кировском заводе. Завод славится своими тракторами, марка его общеизвестна. Но, оказывается, он может работать гораздо лучше и экономнее.

Сейчас для всех наших предприятий это главный вопрос — режим экономии. Из-за расточительности и небрежности пропадают большие ценности. Например, на том же Кировском заводе колоссальная прибыль, которую дают рационализаторы, полностью съедается... прогульщиками. Минутка, полминутки, пять минут... Иным кажется — пустяки, а получается, как с каплей масла, — уйма потерь.

— Мы привыкли гордиться своим родным заводом. Он вырос и окреп, — сказал шлифовальщик Е. И. Лебедев. — Однако вся ли техника пущена в дело? У всех ли продуктивен труд? Пусть над этим задумается каждый — к этому призывает Коммунистическая партия!

Вот о чем сейчас думают и заботятся на заводах и фабриках.

Все самолеты
мира

Летчик Юрий Викторович Овсянников налетал 12 тысяч часов. Выходит, он был в воздухе почти два года. Дома у него целая коллекция: 152 модели самолетов. Юрий Викторович делает их сам. Даже в полет порой берет клей, краски, детали будущей модели. В его коллекции модель самолета, на котором Коккинаки летал в Америку, «АНТ-25» — самолета Чкалова.

— Взлетный вес был тогда 3,5 тонны, — рассказал летчик, — а сейчас мы взлетаем уже со 160 тоннами. Будем летать с весом в 350 тонн.

Видно, этот человек любит свой труд.

2000 слов
в минуту

В мире с каждым годом выходит все больше книг. Чтобы успеть их прочесть, надо научиться быстро читать. Ученые говорят, средняя скорость чтения в школе должна быть 2000—5000 слов в минуту. Это позволит в студенческие годы прочитать втрое больше книг, чем читают студенты сейчас. Однако читать надо со вниманием. Иначе толка не будет.

Радуга мечты

Так называется статья А. Светова в «Советском спорте». Журналист задумался над тем, какой спорт появится в будущем, каким будет сам спортсмен.

«В спорте существует закон, — пишет он. — То, что сегодня доступно одному, завтра сумеют сделать многие».

Он приводит пример. В 30-х годах известный американский тренер Брутус Гамильтон составил таблицу «предела человеческих возможностей». Предел прыжка в высоту — 211—213 сантиметров, утверждал Гамильтон. А Валерий Брумель прыгнул в высоту на 2 метра 28 сантиметров! Стоит вспомнить, что первый мировой рекорд на Олимпийских играх в 1896 году был всего лишь 1 метр 81 сантиметр.

Растет и длина прыжка и скорость бега.

«Физические возможности человека почти беспредельны, — в беседе с журналистом сказал академик Василий Васильевич Парин. — Из колоссального запаса сил, выносливости, заложенных в нас самой природой, мы используем лишь ничтожную часть».

Неограниченные возможности живых существ встречаем мы в природе. Мы восторгаемся тем, что тяжело-

атлет поднял штангу вдвое тяжелее его самого. Но посмотритесь к муравью: он тащит соломинку, которая в десятки раз тяжелее его. Обыкновенная лягушка «берет» высоту, в 11 раз превышающую ее рост!

А. Светов приходит к выводу, что неправы те фантасты, которые в своих романах и статьях изображают наших потомков слабыми, изнеженными существами. Занимаясь спортом, люди будут ставить небывалые рекорды. Изображая будущий стадион, Светов даже увеличивает вдвое вес диска и копья, которые берут в руки метатели. Иначе диск или копье улетит далеко за пределы стадиона — с такой силой будут бросать их метатели...

По его мнению, появится много новых видов спорта: космический туризм, подводные путешествия в герметической лодке со скоростью 800 километров в час... Водоотталкивающие туфли позволят устраивать соревнования по ходьбе и бегу на поверхности воды...

«Чтобы представить себе границы возможного, следует заглянуть чуточку дальше, за его пределы. Попробуйте и вы сделать это», — заканчивает автор свою статью.

ПО РАЗНЫМ СТРАНАМ

«Черные пантеры» в Окленде

Возле большого города Сан-Франциско тянется пригород Окленд. В нем живут негры. Здешняя полиция известна своей жестокостью и зверским обращением с ними. Были случаи убийств негров прямо на улице.

Молодые негры создали свою партию защиты «Черные пантеры». Два студента, Боби Сил и Хью Ньютон, выработали программу, в которой определили свои задачи.

«Прежде всего мы хотим свободы, мы хотим права определять судьбу нашей негритянской общины.

Мы хотим полной занятости работой для нашего народа.

Мы хотим приличного жилья, достойного людей.

Мы хотим приличного образования.

Мы хотим, чтобы немедленно был положен конец зверствам полиции и убийствам негров.

Мы хотим земли, хлеба, жилья, одежды, образования, справедливости, и мы хотим мира».

«Черные пантеры» стали бороться за эти права. На улицах появились их вооруженные патрули. Вслед за мест-

ным полицейским патрулем идет автомобиль, в котором находится четверо негритянских активистов. Стоит полицейским окликнуть какого-нибудь негра, как немедленно подъезжает и автомобиль с «Пантерами». И если полиция пытается совершить насилие, «Пантеры» оказывают вооруженное сопротивление... Несмотря на то, что у «Черных пантер» мало денег, они стали создавать диспансеры, чтобы больные негры могли лечиться. По утрам негритянские ребяташки получают перед уходом в школу завтрак.

Черный берет, кожаная куртка — такова форма «Черных пантер».

Вслед за Оклендом «Черные пантеры» появились и в других городах, они связались с революционными организациями белых.

Негритянское население горячо полюбило своих защитни-

ков, а власти и полиция повели против них ожесточенную борьбу. Несколько месяцев назад не менее трехсот полицейских в Лос-Анджелесе устроили осаду помещения, где находится главный штаб «Черных пантер». Одиннадцать негров, укрывшись в здании, сопротивлялись в течение нескольких часов. Пятеро из них были ранены. А за четыре дня до этого в Чикаго полицейские на рассвете ворвались в дом, где жили два активиста — Фред Хемптон и Марк Кларк. Полицейские убили их, а потом заявили, что это негры напали на них и они вынуждены были защищаться. Но врачи установили, что юноши убиты спящими.

Около тридцати «Пантер» убито полицейскими с начала 1968 года. Большинство руководителей брошено в тюрьмы.

«Черные пантеры» не сдаются. Французский журналист Жан-Пьер Брюно, написавший о них, заканчивает свою статью вещными словами: «Можно арестовать революционера, но нельзя задержать революцию».

ИЗ ПОЧТЫ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

«Я вполне согласна с тем, что нехорошо бросаться хлебом, но я не понимаю, почему прохожий не сказал этого ребятам просто. Зачем он написал в газету?»

Таня. Ташкент.

Таня права наполовину. Действительно, увидев дурной поступок, всегда лучше остановить его на месте. И прохожий так и поступил — он сделал ребятам замечание. Но он еще написал в газету, чтобы письма прочли миллионы людей.

Жаль, что Таня не написала свою фамилию. Почему надо стесняться, если хочешь сказать свое мнение?

«Мне кажется, если Наташа хочет уйти с работы только из-за того, что ее плохо встретили на заводе, то она неправда. Со мной однажды приключился подобный случай. Я перешла в новую школу, а девочки меня сначала невзлюбили. Я даже плакала. Я тоже хотела уйти из школы. Но мама отсоветовала. Теперь я в этом классе второй год, и я очень его полюбила».

Люся Грачева, г. Рига.

Точно так же, как Люся, думают и другие ребята, приславшие нам письма. И они правы. Взаимоотношения с людьми зависят и от тебя самого. Кроме того, надо знать, что в жизни тебе встретятся и хорошие и плохие люди. Нельзя из-за плохого человека бросать свое дело.

Трагедия моряков

Десятки кораблей торгового флота Греции безнадежно устарели. Их выход в море сопряжен с риском. Но судовладельцам невыгодно их ремонтировать. Это большие расходы. В результате в прошлый год затонули или потерпели крушение около сорока греческих судов. За три месяца погибло 125 моряков.

«Мистер Варшавы»

Польская газета «Жиче Варшавы» десять лет назад объявила конкурс на лучший новый дом. Ему присваивается звание «Мистер Варшавы». Пока среди лауреатов — 8 жилых домов и 2 школы.

Чему удивлялись канадцы

В канадском порту Сент-Джона тяжело заболел старший мастер по добыче рыбы Лиепайской базы Станислав Малах. Его надо было лечить на берегу, и он попал в канадскую больницу. Многие канадцы, лежавшие там, рассказывает Малах, не верили, что за его лечение заплатит наше государство, а не он сам. Еще более поражены были тем, что ему будут платить жалованье за время болезни. Там у рабочих таких прав нет, лечение обходится им дорого.

О ГЛИНЯНЫХ ЧЕРЕПКАХ, О РЖАВЫХ ЖЕЛЕЗКАХ, ОБ ИСЧЕЗНУВШЕМ

Л. СИМОНОВА

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

МОРЕ и ОРЕБЯ-ТАХ, КОТОРЫХ ДАВНО НЕ СЧИТАЮТ ЧУДАКАМИ

Я УЗНАЮ О ЧХАРИ

— Кэтино Шотадзе. Село Чхари, Терджольский район, — объявляет председатель, девочка в белом парадном фартуке.

— Вы уже слышали о Чхари? — шепчет мне моя соседка, тоже Кэтино, только Амiredжиби. — Их школьный музей стал теперь народным. Ученые о нем самого высокого мнения. Я постараюсь переводить вам дословно все, что она скажет.

Не знаю, что бы я делала без Кэтино! Кэтино Амiredжиби — председатель клуба юных краеведов Грузии. Она тут всех и все знает. Она не только мой переводчик, она для меня как проводник в горах, ведущий путника по незнакомой тропе.

Кэтино Шотадзе тем временем поднялась на трибуну слета юных грузинских краеведов. Огромные черные глаза весело улыбались залу.

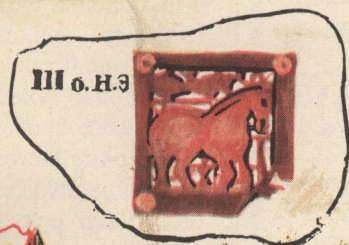
ИСТОРИЯ ДВУХ ФОТОГРАФИИ

Рассказ Кэтино Шотадзе

— Вот, — начала Кэтино, — посмотрите. Мы нашли все-таки две фотографии Тома Чубинидзе. Вам не видно? Что делать, фотографии плохие, но мы и эти еле отыскали. Наш Том был профессиональным революционером. Правила конспирации запрещают революционеру сниматься. Снимок может выдать. Так оно и случилось. Эти снимки чуть не стоили ему жизни.

А вы про нашего Тома слышали? В тысяча девятьсот семнадцатом году он создал в нашем селе большевистскую ячейку. Но это потом, а в тысяча девятьсот четвертом году организовал первый революционный кружок. Во время революции пятого года Чхарийский революционный комитет крестьян имел свой вооруженный отряд в пятьдесят человек. Двадцать девятого октября тысяча девятьсот пятого года этот отряд напал на полицейский участок, разоружил двадцать пять жандармов, захватил здание суда, сорвал со стены в канцелярии портрет царя Николая II. Несколько дней в Чхари держалась народная власть!

Когда революция была разгромлена, Тома Чубинидзе приговорили к смертной казни. Но

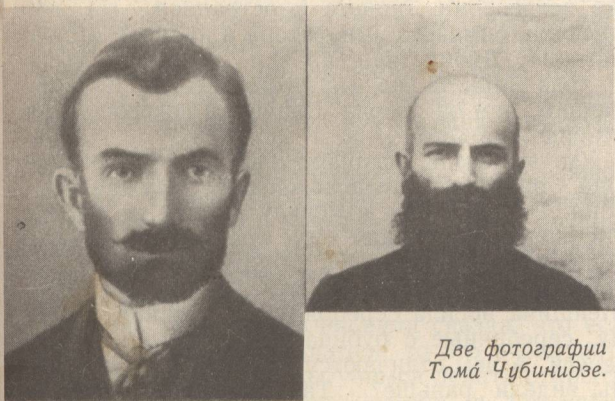
ему удалось убежать из тюрьмы. Много раз Тома́ заключали в тюрьму и три раза приговаривали к смертной казни.

В последний раз это случилось уже в тысяча девятьсот семнадцатом году. Тома́ скрывался в то время под фамилией кахетинских князей Макашвили. Тома́ знал, что сын князя Дмитрия Макашвили не ужился со своей мачехой и сбежал из дома. Вот за этого сына и выдавал себя Тома́. Следователь решил устроить очную ставку с князем. Ну, старый князь, конечно, отказывается. «Не мой, — говорит, — сын». А Тома́ не сдается. «Ты просто, — говорит, — постарел, отец, давно меня не видел», — и все старается напомнить ему то про того соседа, то про этого. Даже о собаке сказать не забыл, — все знал.

Тогда следователь велел привезти в Тбилиси крестьян из деревни, где жили Макашвили. Крестьяне догадались, в чем дело, и все как один заявили, что этого человека знают с самого раннего детства. «А Дмитрий не признается, — сказали они, — потому что он князь и ему стыдно, что сын князя — революционер».

Дело все больше запутывалось. Пришлось вызвать жену и детей Тома́ Чубинидзе. Они приехали в Тбилиси и, разумеется, тоже не выдали Тома́. «Нет, — говорят, — не он это».

Как же доказать, что это Чубинидзе, а не Макашвили? Сфотографировали узника. Я уже показывала вам этот снимок. Тот, где Тома́ лысый и бородатый стоит у тюремной стены. Стали сравнивать эту фотографию с другой. На ней, они знали это наверняка, был Тома́ Чубинидзе. Но там он был молодой и не лысый, а с густой шапкой волос. Эксперт лысому и бородатому человеку на тюремной фотографии пририсовал шевелюру, а бороду укоротил. И тогда стало видно, что это одно и то же лицо. Тома́ приго-

Две фотографии
Тома́ Чубинидзе.

ворили к смертной казни. Но казнить его не успели. Пришла революция. Она освободила Тома́ из тюрьмы.

МОНЕТА, ПОХОЖАЯ НА СОБАКУ, И ДРУГИЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ВЕЩИ

После заседания шумная толпа ребят хлынула в соседний зал. Там каждый краеведческий отряд устроил небольшую выставку. Выставка на грузинском краеведческом слете, пожалуй, самое интересное. Чем-то она напоминает мне старинную ярмарку, — многолюдную, многоголосую, пеструю, одновременно деловитую и веселую, праздничную. Идет обмен. Не товарами, разумеется, мыслями и научными знаниями, открытиями и мечтами.

— Скажи пожалуйста, Хану́ли, что это за монета? В жизни такой не видел! Похожа на собаку...

— Светлана, Светлана, иди-ка сюда поскорей! Ты занималась историей виноделия? Послушай, какой сацнехели я нашел. Каменный! Ему четыре тысячи лет...

— Простите, профессор (на слете много ученых), я хотела спросить про абхазских сванов...

Мы пробираемся в другой конец зала, там у стендов Чхари дежурит Гийя Зарнадзе. Пробыть к Гийе вовсе не просто. Его окружили ребята. Они взяли его в плен, и Гийя по очереди отвечает на все вопросы.

— Гийя, такие огромные бронзовые пряжки редко встречаются?

— Да, пока в Грузии найдено всего три или пять. Точно не знаю. Видишь, рельефное изображение лошади, и у лошади узда. Значит, уже тогда лошадь служила человеку.

— Гийя, ты говоришь, что в погребении бронзовыми пластинками были закрыты глаза и губы умерших? А я слышал, что у колхов мужчин не так хоронили.

— В Колхиде было много разных племен. Но даже и в одном племени колхи не всех хоронили одинаково. Это зависело от того, какое положение занимал человек и какой смертью умер.

— Гийя, — спрашивает Кэтино Амиреджиби, — ты рассказываешь о последней находке? Мы не слышали начала. Что вы нашли? Где?

— На горе Окони, — говорит Гийя, — наши ребята сажали деревья: сосны, орехи, хурму... Старики рассказывали нам, что, по преданиям, гора Окони когда-то была покрыта вековым лесом. Нам захотелось оживить предание и сделать Окони снова зеленой. Когда ребята рыли ямы для саженцев, что-то звякнуло под лопатой. Смотрят — черепки глиняной посуды. Чуть дальше нашли фрагменты бронзового ожерелья и почти целую диадему. Амиран Курцхалия и Русудан Бочеришвили тотчас установили охрану на площади в десять квадратных метров. Очень интересное оказалось погребение. Третий век нашей эры. Оружие, украшения, посуда. Все теперь в нашем музее. Приезжай, покажем.

ИРИНА ДАВИДОВНА

— А правда, вот бы поехать в Чхари, — говорит мне Кэтино.

— Давай поговорим с Ириной Давыдовной... И мы отправляемся искать ее по всем залам и по всем закоулкам слета.

Ирина Давыдовна Микеладзе — заслуженная учительница Грузинской ССР. Почти тридцать лет работает она в республиканском Дворце пионеров и все эти годы руководит ребятами-краеведами.

— А почему именно в Чхари? — спрашивает.

— В Чхари интересно.

— А в Сачхери, по-вашему, не интересно? В Сачхери, знаете, какой археологический отдел!

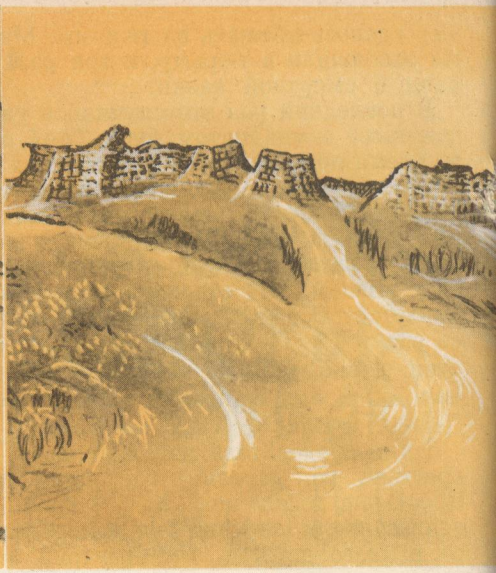
— Да, но в Чхари обновляют зал, который про революцию рассказывает, и про Великую Отечественную войну, и про колхоз...

— А в Гомбори вы об этом не услышите? А в Земо Алвани какой музей!

Вот оно какое, село Чхари.

А это крепость Сканда.

— Хорошо, — соглашаемся мы, — поедем в Сачхери, в Гомбори и в Земо Алвани.

— Но мы же не можем всюду поспеть. — Ирина Давыдовна смеется. — И потом, как же можно не побывать в Чхари?

— А вы с нами не поедете?

— Как это не поеду? Кто сказал, что я не поеду? Им интересно, а мне не интересно! Скажите, пожалуйста!...

И мы едем в Чхари. Мы едем по горной дороге, через Сурамский перевал, три раза пересекаемся с машины на машину и, наконец, к вечеру добираемся.

Ребята ждут нас в музее.

— Смотрите, что делается! — говорит Ирина Давыдовна. (Пока мы здороваемся, раздеваемся, знакомимся, она уже успела обойти своей быстрой походкой все четыре зала, окинуть все внимательным взглядом и снять на ходу пальто.) — Смотрите, что делается! Скоро сельсовету придется строить для вас дворец. Сколько теперь экспонатов?

— Больше тысячи.

— А в фондах?

— Еще четыре тысячи...

В разговор вступает учитель Александр Ираклиевич Буцхрикидзе.

— Дело не в том, сколько в музее экспонатов, пусть их будет сто тысяч! Если не заставить их говорить, если не извлечь из них знания, они останутся грудой костей и черепков.

КОГДА ГОВОРЯТ ЧЕРЕПКИ

Рассказывает Гийя Зарнадзе

Мы живем на древней земле. В наших краях, мне кажется, трудно не стать археологом. Находки сами идут в руки.

Но найти — это только половина дела: нужно заставить каждую вещь рассказывать, а это все не просто. Вот мы обнаружили древнее погребение на горе Окони. Как установить время погребения? Поможет глиняная посуда. Ее черепки чаще всего находят на раскопках. И мы

начинаем сравнивать: чем отличается эта посуда от той, что мы видели в пещерах Дзеври или у крепости Мачитаури? А в книгах встречались нам такие кувшины? Что там сказано о них? Припоминаем: если на глиняной посуде нет орнамента, значит, ее сделали в то время, когда красивую посуду уже научились изготавливать из металла и из стекла. В первые века нашей эры глиняная посуда Западной Грузии уже без орнамента. Значит, первые века нашей эры... А точнее?

Точнее скажет монета, которую нашли в этом же погребении. Монета иностранная. На ней профиль римского императора и надпись «Диоклетиан». Диоклетиан правил до триста пятидесяти года. Монета не могла попасть в Колхиду раньше, чем он правил. Значит, и погребение не старше третьего века.

Кто эти люди, похороненные на горе Окони? Они знатного происхождения. Мужчина — воин. Рядом с ним в могилу положены все вещи, которые служили ему при жизни и, как верили его сородичи, еще будут служить в загробном царстве: Вот его меч, кинжал, стрелы... Женщина носила серебряную с рубином диадему, серебряные с рубинами кольца, бронзовые серьги. А чем отличаются эти серьги от тех, что мы видели раньше?.. Так мы продолжаем и продолжаем задавать себе вопросы и отвечать на них, пока не представим себе ясно то, что происходило почти две тысячи лет назад.

Мы роемся в книгах и спрашиваем учителя, а иногда все вместе едем к ученым и обращаемся в Государственный музей имени Джанашия. То, что мы узнали из книг, мы стараемся проверить своими находками, а то, что нашли, — объяснить знаниями, полученными из книг.

ШТУРМ ДРЕВНИХ КРЕПОСТЕЙ

Рассказывает Этери Дадунашвили

Я заметила: скажут о чем-нибудь «не известно», «не изучено», «не описано», и сразу хочется изучать, описывать, открывать.

Крепость Мачитаури никто не изучал и не описывал, если не считать, что двести лет назад — еще в восемнадцатом веке — географ Вахушти Багратиони кратко упоминает ее в своей книге «Географическое описание царства Грузии».

Мы сказали Александру Ираклиевичу, что хотим заняться этой крепостью. Пошли ее осматривать. Увидели жалкие остатки стен на высокой отвесной скале и растерялись: как представить себе, какой была эта крепость? Александр Ираклиевич сказал нам тогда, что людям, которые хотят делать открытия в науке, нужно прежде всего научиться делать открытия для себя. Ведь мы в то время почти ничего не знали о крепостях вообще. Даже об известных. Как их строили? Чем они отличаются друг от друга?

И мы стали читать книги. И принялись изучать очень известную, давно описанную крепость Сканду. Она тоже недалеко от нас, как и Мачитаури. Вот она стоит на высокой горе. С двух сторон ее ограждают реки Берисцкаро и Гурамгеле. К Гурамгеле идет подземный ход — во время осады из этой реки брали воду. У Сканды толстые каменные стены с башнями и башнями. В одном из помещений мы обнаружили почти стершуюся, высеченную на каменной стене надпись. Как мы ни старались, разобрать удалось только слово «...приказываю».

Сканда — типичная военная крепость. Платон Кессарийский, византийский историк, писал, что она стоит у ворот Эгриси (теперешней Западной Грузии). В шестом веке византийцы вели войны с персами за господство в Эгриси, и Сканда без конца переходила из рук в руки, разрушалась, отстраивалась.

Однажды на развалинах Сканды мы нашли кирпич византийского образца. А на нем следы волчьей лапы. Вероятно, волк наступил на него, когда кирпич еще сырой лежал на земле. Значит, византийцы делали кирпичи здесь же, на месте, в Грузии. Об этом не написано ни в одной книге. И выходит, что это — наше открытие. Пусть маленькое, но все же!

А потом мы сделали еще одно, более важное. Как-то у крепости Сканды мы нашли черепки глиняной посуды и наконечники стрел, которые позволяют предположить, что крепость Сканды построена в шестом веке до нашей эры. Когда мы привезли свои находки на слет в Тбилиси, академик Симон Каухчишвили сказал, что если наши догадки подтвердятся, то это очень интересно и важно. Так мы учимся делать открытия для себя, а потом, оказывается, и для науки.

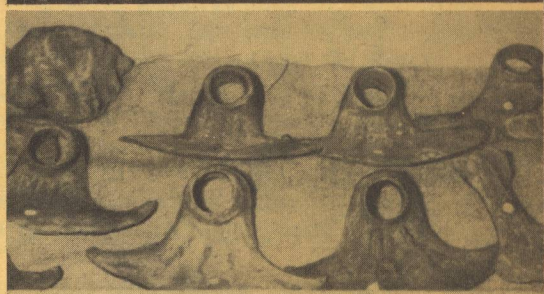
Крепость Мачитаури мы тоже изучили и описали и узнали о ней старинную легенду.

КАК ПИШЕТСЯ ЛЕТОПИСЬ

Рассказывает Дато Курцикидзе

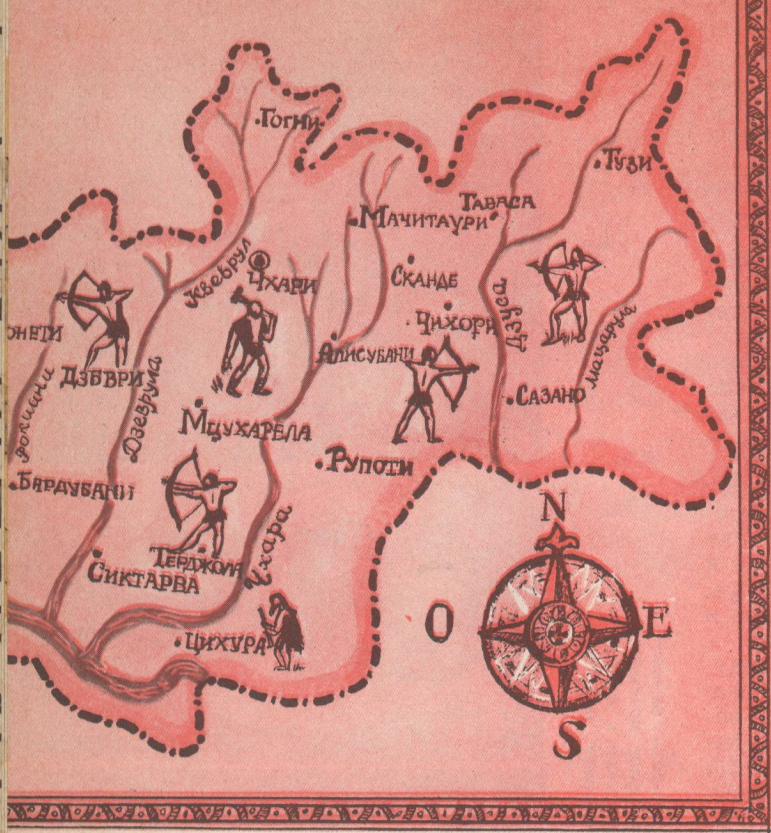
Все и так хорошо помнят, какой урожай винограда собрал колхоз в прошлом году, а какой в этом. И как появилась на плиточном заводе первая бригада коммунистического труда, помнят. И как построили новую гидроэлектростанцию на восемьдесят тысяч киловатт, тоже помнят. И не считают эти события историческими. Но мы должны сохранить их для будущего. Как же сделать, чтобы люди рассказывали нам о том, что было?

Дворцы и храмы грузинские мастера украшали великолепной резьбой по камню. В Учарийском музее хранится каменная плита с орнаментом. Бронзовые мотыги и железное боевое оружие грузинских воинов помогают ребятам рассказывать об эпохах бронзы и железа.

Можно вот как. Веду я, допустим, по музею экскурсию взрослых колхозников, жителей Чхари. Рассказываю историю нашего колхоза имени Руставели. Говорю: «В тысяча девятьсот двадцать восьмом году девять очень бедных крестьянских семей объединились и начали вместе обрабатывать землю». И тут кто-нибудь из моих слушателей говорит: «Помню, в первый год был хороший урожай кукурузы и каждый получил по сто пудов. Люди поглядели, и тоже стали проситься в колхоз». «Назывался тогда наш колхоз «Тицка» (это сорт винограда), — продолжаю я свой рассказ, — и возглавил его коммунист Васил Робакидзе. Первое время у колхоза было много врагов. Кулаки пытались убить Робакидзе, они думали, что колхоз тогда развалится...»

«А знаешь как это было? — спрашивает меня кто-нибудь из стариков. — Возвращался Робакидзе домой поздним вечером. Идет он по дороге, и вдруг кто-то ему кричит: «Остановись!» А Робакидзе знал, что за ним охотятся, и вместо того, чтобы остановиться, отскочил в сторону. А тот в него из пистолета целился...»

Карту древних стоянок первобытных людей нарисовал Гийя Зарнадзе. Самая древняя из этих стоянок обнаружена в деревне Дзеври, в пещере Сагварджиле.

Так мы все время меняемся ролями: то я рассказываю, то мои слушатели. А я внимательно слушаю и записываю.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД И ТЕПЕРЬ

Пятнадцать лет назад их было всего одиннадцать человек. Десять ребят и учитель истории Александр Ираклиевич Буцхрикидзе. Окрестные жители считали их чужаками: бродят по горам, собирают камни, копаются в земле, ищут глиняные черепки и ржавые железки, в дома заходят — спрашивают старые, никому не нужные уже бумаги, документы, письма.

Александр Ираклиевич говорил ребятам: «Скоро все изменится. Хорошее дело всегда находит себе друзей». Так и случилось.

Строили в деревне Чихори дом. Копали канаву под фундамент. Лопата наткнулась на камень. Камень был странной формы, напоминал позвонок. Гигантский позвонок какого-то неизвестного зверя. Люди остановили работу и позвали юных краеведов своего села. У музея теперь во всех ближайших деревнях есть помощники. Ребята из Чихори прибежали в музей. Там, где строили дом, оказался не один позвонок, а скелет огромного кита. Этот кит жил здесь много миллионов лет назад, когда не было не только сел Чхари и Чихори, но и Кавказских гор не было, а вместо Черного и Каспийского было одно большое море — Сарматское.

Как-то из деревни Алисубани пришел в музей крестьянин Силован Джанашия, принес наколеченные стрел, кремневые лезвия и топоры каменного века. «Я, — говорит, — копал огород и нашел. Когда был на экскурсии у вас в музее, видел такие же. Думаю, может, и эти пригодятся?»

Люди приостановили постройку дома. Силован Джанашия откладывает все свои дела и несет в другое село за несколько километров то,

что раньше считал бы никому не нужным хламом. Взрослые несут ребятам откупные грамоты крепостных, счета и расписки купцов, письма из семейных архивов. Работа ребят вызывает у всех вокруг не только интерес, но и большое уважение.

Известный ученый профессор Тенгиз Чиковани на торжественном открытии музея сказал: «Я думаю, не случайно четыре тысячи человек приехали сегодня в Чхари. Многие в нашей республике знают уже, как интересно работают здесь юные краеведы. Мы все восхищены и удивлены тем, что увидели и услышали. Я поздравляю ребят и их учителя Александра Ираклиевича Буцхрикидзе с тем, что их школьный музей стал теперь народным».

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

Мы возвращаемся в Тбилиси ночью. За окнами темнота. Кэтино не может быть моим экскурсоводом. Она рассказывает о себе. О том, как она играет с любимыми книжками. То она Нестан-Дареджан из «Витязя в тигровой шкуре». Сидит пленницей в высоком замке у каджев, где «ход подземный охраняют неотступные дозоры». То она Наташа Ростова из «Войны и мира». То она вместе с Монте-Кристо переживает невероятные приключения, которых нет в романе Дюма, потому что она их сама придумала.

И вдруг Кэтино прерывает рассказ неожиданной фразой:

— Представляю себе, какое лицо будет у мамы, когда она узнает про эту медицинскую книгу...

— Какую медицинскую книгу?

— Мама просила меня узнать в Чхари, не попадались ли им старинные рукописи или книги. Моя мама изучает памятники письменности. А ребята как раз нашли в макулатуре медицинскую книгу семнадцатого века. Она написана шрифтом мхедрули, самым близким к сегодняшнему письму. Книга описывает все болезни, которые были известны в то время, рекомендует лекарства и дает рецепты их приготовления. Я думаю, мама тоже захочет поехать в Чхари...

Розовая равнина

Сколько глазам видно — розовая равнина. Яркая, как небо, необъятная, как море. Розовое море в белоснежных берегах! Конечно же, это мираж.

Просто мы обалдели от солнца, просто голова кружится от жары — вот и кажется!

Щурясь от нестерпимого блеска, мы из-под ладоней смотрим на чудо: Равнина дышит в лицо жаром. Цедит воздух сквозь зубы, как обжигающий кипяток.

Дует горячий ветер, но розовое море не морщит волны. Не вспыхивают блики солнца на розовых гребешках. Даже небо не отражается в этом море; наоборот, кажется, что эта розовая гладь отражается в небе. И небо от этого и все вокруг стало розовым. Все растворилось, плывет и колыхается в розовом сиянии. И только по белым призрачным берегам, шипя и покачиваясь, несутся смерчи-вихри, похожие на белые привидения...

Что за странный мираж! Все впереди неверно, загадочно и непонятно. Дали дрожат, плывут и струятся. Кисельное море, молочные берега...

Какие-то сказочные птицы плывут над головой. Похожи на длинные палки с крыльями посередине. Палки белые, крылья красные: как будто палки летят и горят!

Но ведь это уже не кажется, это же настоящие розовые фламинго! Вытянуты вперед шеи, вытянуты назад длинные ноги, вспыхивают посередине красные крылья. Неужто и все вокруг настоящее?

С тихим гоготом пролетают розовые птицы над головами и сразу же растворяются в розовом мареве. Голоса их еще слышны, самих уже не видно над розовым озером. Вот где — на их родине! — начинаешь понимать, почему фламинго такого яркого цвета: цвет-то их яркий тут еле заметен!

Я шагаю с белого берега в розовую воду, но нога упирается во что-то твердое и хрустящее! Сапог продавил розовую корочку, как наст, как тонкий ледок. А из пролома на светлую гладь выплеснулась черная жижа...

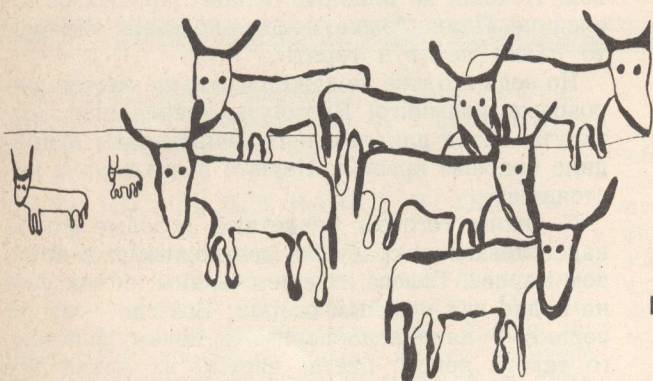
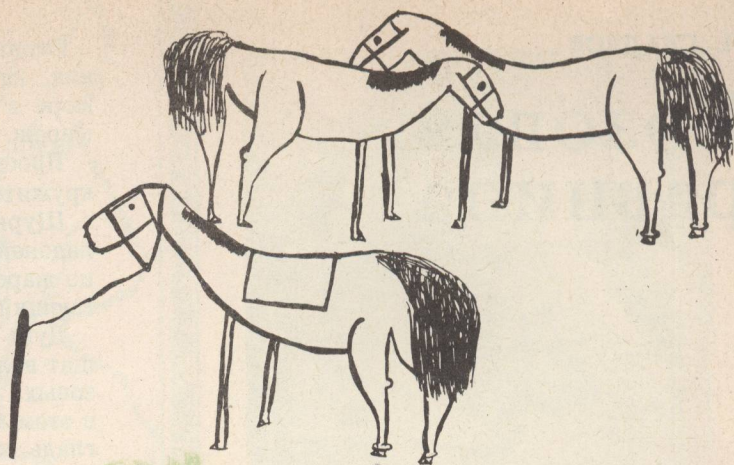
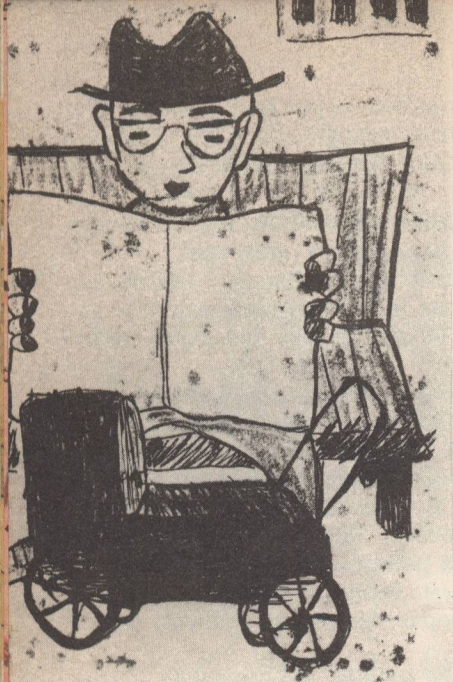
Нет, впереди не мираж. Впереди равнина, покрытая коркой соли. Видно, совсем недавно было тут соленое озеро. Вода еще и сейчас сохранилась, но где-то там, за горизонтом: туда и тянут фламинго. А мелководье иссушила жара: вместо воды легла на дно корка соли. А под коркой, как подо льдом, черный зловонный ил.

Я ломаю нежную розовую корку, и черная жижа под ней чавкает, булькает и сопит. Ноги вязнут все глубже и глубже...

Обманчив, как мираж, этот манящий розовый свет. Черная трясина подстерегает неосторожного путника.

Скорее на берег, присыпанный сухой белой солью. От нестерпимого блеска ломит глаза. Губы соленые и шершавые. Со всех сторон несет гогот птиц-невидимок. С шипением, покачивая белыми лебедиными шеями, ползают по берегам смерчи-вихри. И соленая поземка струится у ног.

Рисунок П. ПРОРОКОВА.

Я вижу мир

Н. НАДЕЖДИНА

В том, что ни мальчик в зеленом джемпере, ни девочка в желтом платье — никто из болельщиков не вернется домой, виновата Ута Линке, десятилетняя школьница из ГДР.

Прошло несколько месяцев, а болельщики все еще стоят на улице. И по-прежнему мимо них, мимо домов, украшенных флагами, мчатся пятеро велосипедистов. Что же сделала с болельщиками и велосипедистами Ута Линке?

Она нарисовала их.

Люди давным-давно почувствовали силу изобразительного искусства, но не сразу смогли ее объяснить. Кажется, что общего между силуэтами оленей, выцарапанными первобытным охотником на стене пещеры, и средневековыми легендами об оживающих портретах? Но общее есть: та же наивная вера в колдовскую власть художника над теми, кого он изобразил.

Почему охотник поймал в лесу оленя? Потому что он заколдовал зверя, выцарапав его изображение на стене. Почему глаза

средневековой красавицы смотрят с портрета, словно живые? Волею художника в портрет переселилась человеческая душа. В полночь портреты оживают и выходят из рам.

То, что раньше считали колдовством, мы называем талантом и мастерством.

Если бы исландка Хельги Хаукссон стала тебе рассказывать о старом рыбаке, ты бы ее не понял без переводчика, потому что ты не знаешь языка.

Но переводчик не нужен, раз Хельги тебе этого рыбака показала. На рисунке ты все увидел сам: обветренное, с глубокими морщинами лицо, упрямо сжатые губы, рабочую грубую одежду, залатанную лодку, которую не раз трепал шторм, крепко сколоченный, под стать своему хозяину дом на морском берегу. Суровая, полная опасностей рыбацкая жизнь открылась тебе за один миг.

Посмотрите на рисунки сверху. «Мой папа» — рисунок Нателлы Солбинашвили. Ей 12 лет, живет она в городе Орджоникидзе.

Этих коров и лошадей нарисовали брат и сестра Кабесудо из страны Уругвай. Луису 9 лет, а Инес — 8.

«Велогонки мира» нарисовала Ута Линке из ГДР.

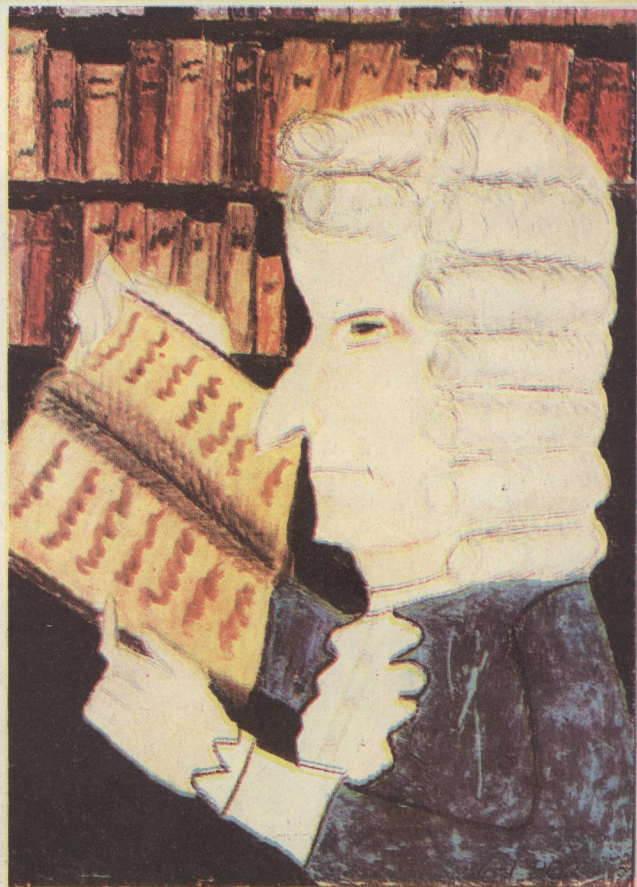
А это «Старый коллекционер книг» — таким его увидел Тоурдур Гильдоунссон, который живет в Исландии.

Хельги двенадцать лет, Уте — десять, но есть и более юные участники Международной выставки детского рисунка «Я вижу мир», устроенной в Москве редакцией «Пионерской правды» и Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Пятилетней Ие Барановой не хватает роста, чтобы дотянуться до верхнего края ею же нарисованного панно. Ия рисует свои панно частями, а потом склеивает, разложив на полу. Маме и папе в эти минуты по комнате не пройти.

Четырехлетняя Роксана Шилинис-Корбут, получившая куклу — премию за свои рисунки, еще не умеет читать и писать.

Интересно, что лучшие рисунки на выставке отбирали сами ребята. Жюри было три: одно взрослое и два детских из посетителей выставки, учеников четвертого класса 26-й и шестых и седьмых классов 23-й московских школ. Ребят попросили написать, какой рисунок больше всего понравился и почему.

Быть судьей не так-то просто. Я слышала, как один мальчик сказал другому: «Мне то

Юра Киви из Ленинграда назвал рисунок «Всадник». Юре 9 лет.

Семилетний итальянец Ринальдо Птижак, посмотрите — рад снегу! Его рисунок и называется «Как радостно идти в школу, когда идет снег!».

же понравилась эта картина, но раз ты про нее написал, я напишу про другую. Неинтересно, когда все пишут одно».

Но большинство юных членов жюри правильно поняли свои обязанности. Ребята и судили и одновременно учились. Учились смотреть.

Сперва «радостное дерево», нарисованное десятилетней французенкой Фабиенной Лангле, показалось Вите Батанину «нелепым», Олю Елисееву покорило «кривой ствол». Но, походив по залам, Оля вернулась к «кривому стволу». И Витя вернулся. «Нелепое» дерево с красными, голубыми, зелеными и оранжевыми листьями притягивало к себе и других ребят. Им весело было смотреть на этот праздник красок. И тут же ребята задумались. О чем? Алла Гришина и Лера Андреева — о счастье. Наташа Радичева — о будущем, Таня Пупкова — о детях всего мира, разных, как листья на дереве Фабиенны.

А вот как разгадала замысел Фабиенны Лена Белякова: «Эта девочка хотела собрать в свой рисунок всю радость на земле».

Ну, а если бы ты был членом жюри, как бы ты расценил рисунок семилетнего итальянца Ринальдо Птижака? Что бы ты сказал? Что малыш еще не умеет рисовать, что не бывает снежинок с человеческую голову?

Если ты только это заметил, ты еще не научился смотреть. Давай смотреть и думать вместе. Может, Ринальдо потому сделал снежинки огромными, что хотел подчеркнуть: они на рисунке главное. В Италии редко идет снег. Для Ринальдо снежинки были сказкой, слетевшей с неба, белым пушистым чудом, и властью, данной художнику, он приказал волшебному мгновению: «Остановись!»

И фотограф останавливает мгновение. Но на фотографии есть только то, что заснято, на рисунке есть и то, что не нарисовано.

Радость не нарисуешь, но ею пронизаны и белые снежные хлопья, и золотистое небо, и голубая земля, и желтые и розовые дома, и фигурки людей. Есть на рисунке и сам невидимый Ринальдо. Он кричит нам всеми своими ликующими красками: «Смотрите, как красиво! Как радостно идти в школу, когда идет снег!»

Индия. Рисунок называется «У нас в деревне».
Автор — Амитайя Бос, 12 лет.

И ты захвачен тем же чувством, а это очень сближает. Ты подружился с итальянским мальчиком, которого не видел никогда.

Один маленький москвич, которого мать привела на выставку, посмотрев на снежные хлопья Ринальдо, радостно сказал:

— Пусть бы он приехал к нам на зимние каникулы.

— Почему на зимние? — не догадалась мама.

— Я бы его вывалял в снегу!

Великая сила изобразительного искусства в том, что художник, как правильно подметил Женя Куракин, «вкладывает в рисунок частицу себя», свои мысли и чувства, заставляя и зрителей любить то, что он любит, переживать вместе с ним.

Наверное, японский школьник Кода Сейти не подозревал, что беззвучный рокот его «Мотоцикла» вызовет такое дружное эхо в сердцах мальчиков и девочек из московского жюри. Что касается собаки Инки, талантливо нарисованной ленинградской Машей Осориной, то тут сопереживания были настолько сильны, что ребята сочиняли целые истории о дружбе Маши и Инки. «Я тоже хо-

чу собаку», — написал Алеша Сироткин. Случается, что зритель открывает в рисунке то, о чем сам художник не подозревал. Зайдя в зал, отведенный рисункам детей Великобритании, я услышала звонкий голос девочки:

— Из какой же это сказки?

Прочитав под рисунком подпись «Королевская карета перед Букингемским дворцом в Лондоне», девочка покраснела:

— Такая старомодная карета, что я подумала...

Это Япония. «Сбор хурмы».
Рисовал Аmano Марио.

Сиди Соу живет в Африке, в стране Мали, и, наверно, в такой же вот «Хижине на берегу», как на этом рисунке.

Девочка напрасно смущалась, ее не подвело художественное чутье. Серое призрачное небо, розоватая, сказочного цвета земля, игрушечно хрупкая, черная с золотом карета. Хотела или не хотела Николь Вилли, но у нее получился рассказ в красках о судьбе королевы, чья власть в современной Англии стала игрушечной, призрачной. По традиции королева царствует, ездит в музейной карете, но уже не управляет страной.

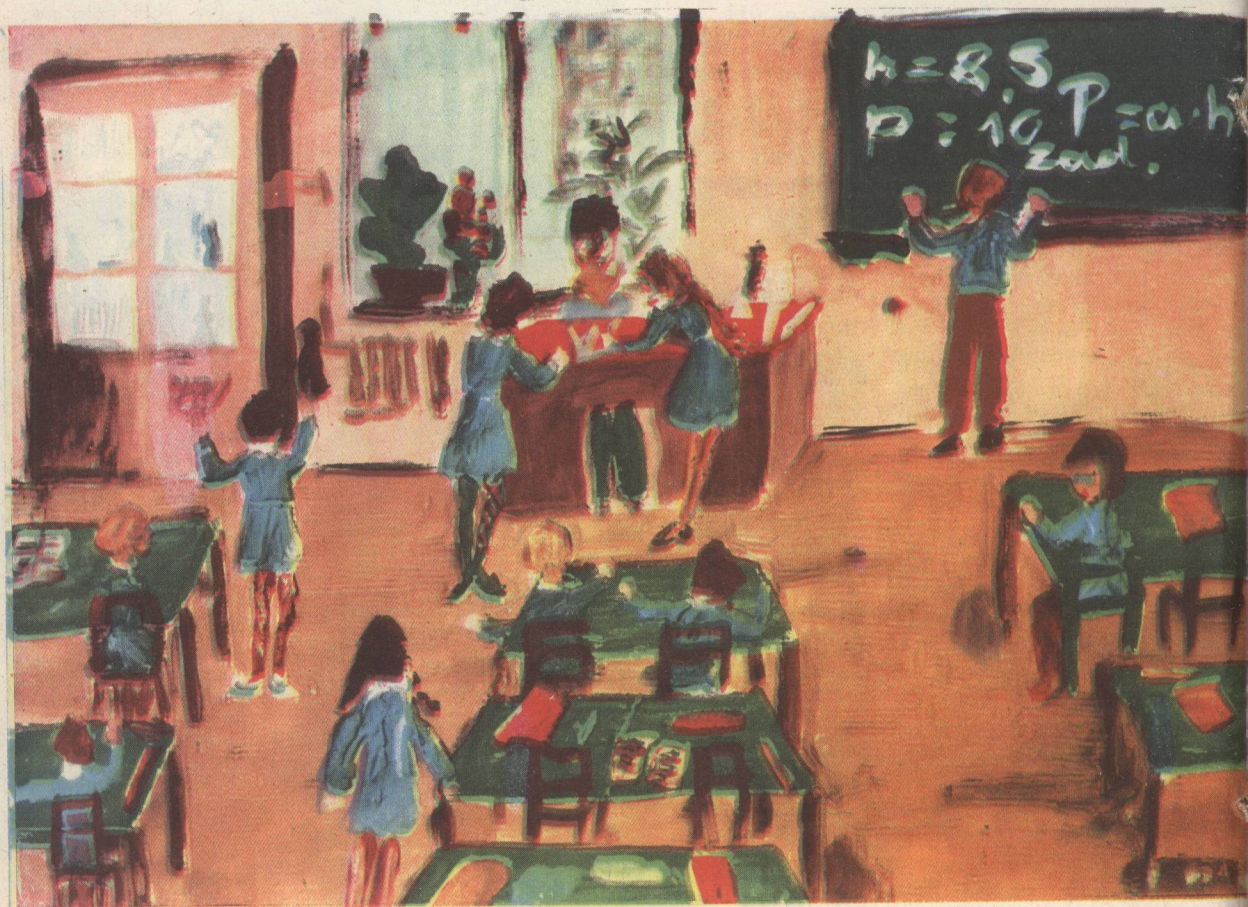
А это рисунок Майи Гурской из Польши, ей 12 лет, и называется ее картинка «Мы играем и учимся». Так, пожалуй, и обо всех этих рисунках можно было бы сказать, это правильно: играем и учимся, мы все — дети мира.

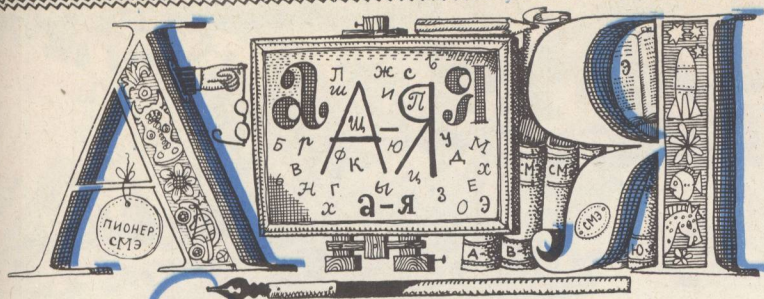
Серое, тусклое небо характерно для Англии — страны туманов. На рисунке малийца Сиди Соу небо голубое, океан синий-синий, листва деревьев пронзительно зеленая, кажется, пышет жаром от раскаленной солнцем коричневой земли. Художник и солнце! Переходя из зала в зал, Оля Богоявленская проверяла свое открытие: у ребят-южан краски ярче, чем у ребят-северян.

Мали, Кения, ОАР, Болгария, Франция, Англия, ГДР, Польша, Советский Союз, Монголия, США, Чили, Австралия, Бирма, героический Вьетнам... Алеша Сироткин считает, что, посетив выставку, он «словно поговорил с ребятами пятидесяти пяти стран», Боре Челину кажется, что он «объехал весь земной шар».

На память о странах, которые ты посетил, принято привозить сувениры. Что же уносили из своего кругосветного путешествия по выставке молодые москвичи? Яркие зрительные образы, множество радостных впечатлений, новые мысли, чувство дружбы и солидарности с ребятами всего мира, которые, по словам Сережи Соколова, «рисуют по-разному, но все хотят быть счастливыми».

Сейчас выставка отправилась в путешествие по зарубежным странам. Ее ожидают к себе в гости и ребята некоторых советских городов. Городов у нас очень много, все не объехать, вот журнал «Пионер» и открыл на своих страницах маленький филиал выставки.

САМАЯ МАЛАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

На предыдущих страницах ты прочитал рассказ о выставке. «Рисунок», «Краски», «Живопись» — что означают эти слова? «Живопись», наверное, ты скажешь, — это живо писать. Совершенно верно — живо, достоверно, впечатляюще. А акварель?

Акварель — живопись акварельными красками. Краски разводятся водой и наносятся на бумагу или картон тонкими, прозрачными слоями. Белила в акварели не употребляются, их роль выполняет сама белая бумага.

Акварельные краски состоят из очень тонкого порошка красящего вещества и связующих компонентов: растительного клея, глицерина, декстрина, меда. Наилучшие сорта акварельных красок — медовые.

Бумага для акварели нужна плотная и очень белая, например, ватман. Писать акварельными красками лучше на бумаге, наклеенной на фанеру или доску.

Гравюра — отпечаток на бумаге с изображения, вырезанного или процарапанного на твердом материале при помощи особых инструментов — штихелей и специальных игловок. Художник, сделав эскизный рисунок на бумаге, переносит его на медную пластину или дерево, линолеум, пластик, картон и линии рисунка прорезает штихелями и иглами. Потом гравюрную доску накапывают краской и прикладывают лист бумаги. На полученном отпечатке — гравюре — белые штрихи соответствуют углублениям на гравюрной доске.

Графика — рисунок, выполненный без применения красок, черными или цветными карандашами, углем, сангиной, итальянским карандашом.

Гуашь — живопись гуашевыми красками. Краски разводят водой и наносят на бумагу, картон, холст плотными мазками. При высыхании гуашь значительно блекнет.

Карандаши графитные различаются по номерам, которые определяют степень их мягкости. Т и Н — твердые карандаши, чем выше номер, тем тверже. М и В — мягкие карандаши, чем выше номер, тем мягче. Для рисунка лучше мягкие карандаши 2—5-го номеров.

Кисти. В акварельной, гуашевой и темперной живописи употреб-

ляются мягкие, круглые кисти: колонковые, белчицы, хоряквые. В масляной — щетинные, плоские. В зависимости от толщины кисти разделяют по номерам. Чем больше номер, тем толще кисть. В живописи обычно употребляются 10—25-й номера, для тонких деталей — 3—6-й номера.

Краски — красящее вещество, соединенное с эмульсией или связующим веществом. Красящие вещества бывают природного минерального, органического или искусственного химического происхождения. Например, желтая охра — природная минеральная краска различных желтых оттенков. Барбарисовый лак получают из коры и корней барбариса. Очень хорошие яркие и устойчивые краски получают из цветов резеды, стеблей конского щавеля, коры вереска. Кобальты — синие, зеленые, красные, фиолетовые — искусственные краски, получаемые из разных соединений кобальта.

Литография — отпечаток на бумаге с рисунка, сделанного специальной краской на литографском камне или металлической пластинке.

Масляная живопись — живопись масляными красками. Краски разводят специальными растворителями (уайт-спирит, терпентин, пинин), смешанными с олифой.

Пастель подобна цветным карандашам, но без деревянной оправы. Пастель отличается матовой бархатистостью и чистым цветом.

Палитра. Для водяных красок — фаянсовая или эмалированная, для масляных — фанерная. По краям палитры расположены краски, середина остается свободной для смешивания и пробы красок. Обычно краски располагают от светлых к темным. На нашей палитре:

1. Стронциановая — солнечная
2. Охра светлая — песочная
3. Марс оранжевый
4. Кадмий алый — яркая светлая

5. Краплак — малиново-красная
6. Сиена натуральная — красновато-коричневая
7. Умбра — темно-коричневая
8. Кобальт зеленый — светлая зеленая
9. Окись хрома — глухая зеленая
10. Изумрудная — сочная зеленая
11. Волконскоит — зеленая глубокая
12. Кобальт синий — сине-голубая
13. Ультрамарин — ярко-синяя
14. Кобальт фиолетовый
15. Берлинская лазурь — сине-зеленая
16. Сиена жженая — глухая коричневая
17. Кость жженая — черная

Сангина — красноватая палочка без деревянной оправы. Выделяется из каолина и окиси железа. При помощи сангины и черного карандаша можно сделать великолепный, очень насыщенный рисунок.

Темпера — живопись темперными красками. Наиболее древний вид живописи, превосходит по прочности все остальные виды живописи. При высыхании темперные краски очень светлеют.

Уголь вырабатывается из обожженного дерева и клея. Уголь дает очень красивые черные бархатные штрихи, но на бумаге держится слабо. Рисунок, выполненный углем, обязательно надо закреплять.

Фиксатив, или закрепитель. Фиксатив заливается в пульверизатор и разбрызгивается по рисунку, положенному горизонтально. Фиксатив для рисунка карандашом — обезжиренное молоко, разведенное на $\frac{1}{3}$ водой. Фиксатив для рисунка углем или пастелью — любая смола, растворенная в бензине, или клей «БФ-2» — в растворителе. Фиксатив изменяет качество рисунка, делает его более темным и плотным.

Французский (итальянский) карандаш — карандаш со стерженьком из черного глинистого сланца. Имеет серый оттенок и слабую черноту.

Эстамп — гравюра, литография, офорт.

Офорт — отпечаток на бумаге с изображения, процарапанного на металлической пластине и обработанного кислотой.

Этюдник — деревянный ящик для красок, кистей, бумаги, холста, который художник берет с собой на «этюды» — в лес, на реку, в далекое путешествие.

НА КАРТЕ—

Когда карта, которую ты увидишь на следующей странице, появилась у нас в редакции, мы все ахнули. Вместо привычного облика Земли, наполовину скрытого голубыми водами морей и океанов, на нас глянуло обнаженное лицо нашей планеты. Мы с волнением всматривались в гигантские горные хребты, глубокие ущелья и разломы, которые, как рубцы и шрамы, покрывали лицо Земли,— там, где мы видели только просторы Мирового океана. Это было суровое зрелище,

Как родилась эта карта

Сначала людям казалось, что океанское дно устроено очень просто и похоже на чашу: чем дальше от берега, тем глубже. В те далекие времена и не могло быть иначе. Люди еще мало знали об океане, и для измерения глубины у них был один-единственный прибор — трос с грузом на конце. Трос опускали за борт и по длине его определяли расстояние до дна — глубину. Прибор этот назывался лотом и был верным помощником мореходов, особенно у побережья, на небольших глубинах. А в открытом океане

пользоваться им было труднее: когда под кораблем тысячи метров, надо потратить много часов, чтобы лот достал до дна. Вот почему строение океанского дна еще долгое время было неизвестно людям...

Только в 20-х годах нашего века появился эхолот. Вместо троса с грузом на дно помчался звуковой сигнал. Через считанные секунды приборы на корабле ловили его эхо, отраженное от морского дна. Зная время, за которое звук добежал до дна и вернулся обратно, ученые вычисляли его путь, а значит, глубину в этой точке океана.

Такие приборы есть сейчас на всех исследовательских судах. Стоят эхолоты-самописцы и на кораблях советского исследователь-

Тысячи миль в Атлантическом и Индийском океанах прошел этот корабль — флагман нашего научного флота «Академик Курчатов».

ДНО ОКЕАНОВ

Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

напоминавшее об истории планеты и о тех процессах, которые и сейчас идут в ее недрах...

Карта океанского дна составлена на основе трудов ученых всего мира. А вам о ней расскажут сотрудники Института океанологии СССР, участники экспедиций на исследовательских судах «Витязь» и «Академик Курчатов». Владимир Филиппович КАНАЕВ помог нашим художникам нарисовать карту, а Галина Владимировна АГАПОВА расскажет о ней.

ского флота и, конечно, на его флагмане — «Академике Курчатов».

Двигается корабль в открытом океане, а прибор в это время автоматически делает всю работу по измерению глубины. Он посылает на дно звуковой сигнал, принимает эхо, вычисляет глубину и на специальных лентах чертит непрерывный профиль того участка дна, над которым идет корабль. Кусочек такой ленты с «автографом» нашего эхолота вы увидите на 42-й странице. После возвращения из экспедиции мы расшифровываем записи приборов и составляем по ним подробную карту дна.

За один рейс корабль делает миллионы промеров глубины. Вот почему в последние десятилетия ученые смогли составить детальную карту всего дна Мирового океана и показать всем нам, что скрывается под глубокими водами.

На суше

такого нет

Пожалуй, самое интересное на карте морского дна — гигантские хребты. Посмотри, как они почти посередине пересекают каждый океан. Их так и называли — срединно-океаническими.

На суше такого нет — даже Анды и Кордильеры, крупнейшие хребты суши, уступают океаническим по величине.

Непрерывной цепью тянутся срединные хребты из океана в океан и, как обручи, охватывают земной шар. Ученые называют их «непрерывной планетарной системой»...

Обрати внимание на четыре рисунка по углам карты. Они помогут тебе прочитать ее. Видишь, художник сушу рисует желтой краской, материковую отмель, окаймляющую материк, — сине-зеленой, а глубоководные желоба на морском дне обозначает темными гутами.

Гигантские срединно-океанические хребты на карте изображены светлыми красками, темным цветом показаны рифтовые долины.

СРЕДИННО-ОКЕАНИЧЕСКИЙ ХРЕБЕТ СРЕДИННО-АТЛАНТИЧЕСКИЙ ХРЕБЕТ

А вот как выглядит океанское дно, если разрезать его от материка

Глубоководный океанический желоб

Подводные горы

Срединно-океанический хребет

дно Мирового океана!

Если на карте вот такие цвета — разные оттенки синего — значит, перед тобой равнинная часть океанского гда. Светлые штрихи на синем фоне — равнина, покрытая холмами. Темно-синие пятна — наиболее ровные участки океанского гда.

же океана с пологими горами. У некоторых из них вершины погнуты на восток — это острова.

ка к материку. Это разрез или профиль океанского дна.

Материковая
отмель

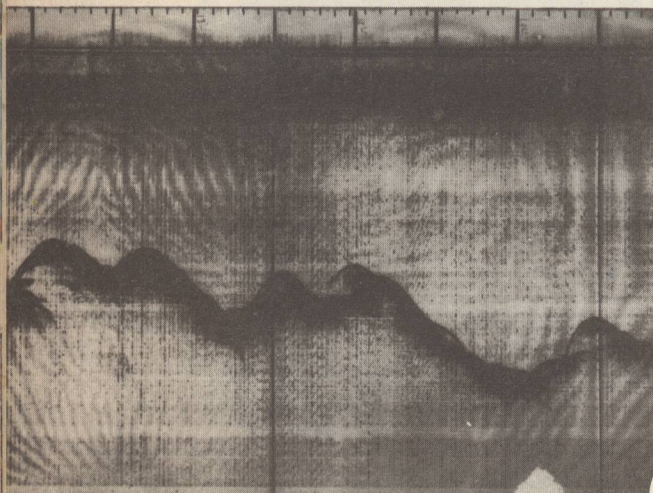
Материковый склон

Ложе океана

«Автограф» эхолота «Академика Курчатова». Здесь эхолот рассказал о холмистой равнине в Тихом океане, над которой прошел корабль. Но это лишь маленький фрагмент тех записей, которые легли потом в основу карт Тихого океана.

Эта фотография сделана на глубине более четырех тысяч метров. Справа видно скалистое дно, слева — песчаное со знаками волновой ряби и мелкими камешками. Такие мелкие детали эхолот уже не «видит», помогает подводная фотография.

Как же выглядят срединные хребты?

Это параллельные гребни, разделенные глубокими ложбинами. У подножия гребни ниже, к центру поднимаются до двух-трех тысяч метров, склоны их делаются круче, а ложбины глубже. Некоторые гребни поднимаются над водой — это острова. В ширину каждый хребет занимает огромное пространство в сотни километров.

Помимо бесчисленных ложбин, каждый хребет рассечен почти надвое глубочайшим ущельем — рифтом. Его-то и окаймляют самые высокие гребни. Всю эту часть хребта по имени ущелья называют рифтовой зоной.

Ученым давно известно, что самая тонкая земная кора — на дне океанов. Всего несколько километров отделяют здесь морское дно от упругого и вязкого вещества, дышащего жаром в сотни градусов. Это вещество мантии Земли — ее внутренняя оболочка.

От страшного жара породы мантии размягчаются, расплавляются и устремляются вверх. Там, где кора особенно тонка, она не выдерживает этого напора, поднимается и раскалывается, образуя гребни и ущелья. Видимо, это и случилось здесь когда-то, и свидетельство тому — гигантские хребты посреди океанов.

Но и сейчас вдоль всего рифтового ущелья непрерывно идет мощный поток тепла из недр Земли.

И сейчас здесь часты землетрясения и извержения подводных вулканов, а на склонах ущелья обнажаются глубинные породы...

Что еще есть на морском дне

Ты уже представляешь себе теперь, что посредине океанское дно вздыблено гигантским хребтом. Что же еще можно увидеть под многокилометровой толщей воды?

Чтобы лучше разобраться в этом, мы с тобой будем смотреть не только на нашу карту — там ведь показано только главное, но еще и на вот этот чертеж. Называется он «профиль морского дна». Если бы мы путешествовали с тобой по дну океана от континента к континенту, то наш путь как раз и совпал бы с линией профиля.

Мы с тобой уже знакомы со срединным хребтом — начнем наше движение отсюда. У

Только что на палубу подняли прибор, который побывал на самом дне океана. Ученые рассматривают образцы пород и отбирают для изучения. Из каждого рейса привозят сотни таких образцов.

подножий хребта по обе стороны лежит холмистая равнина — ложе океана. Чем ближе к материку, тем оно ровнее. Выровняли его мельчайшие частицы горных пород, которые миллионами тонн выносятся в море с суши и осаждаются на дне.

Океанские равнины отличаются от привычных нам земных просторов тем, что они усеяны подводными горами. Иногда эти величественные конусы стоят поодиночке, а в некоторых местах объединяются в вулканические цепи высотой в несколько тысяч метров.

На профиле вы видите слева от срединного хребта две подводные горы. По мнению ученых, на дне океана разбросано несколько тысяч подводных гор, и многие из них еще не исследованы.

До сих пор мы двигались по океанскому ложу. Теперь линия профиля в правой его части резко пошла вверх — перед нами материковый склон. Крутыми уступами он поднимается над морским дном — обычно на четыре-пять километров.

А в левой части профиля, у подножия материкового склона, протянулись узкие впадины — океанические желоба. Самые большие глубины Мирового океана отмечены здесь, в этих желобах. Максимальная глубина — 11 022 метра — в знаменитом Марианском желобе.

Особенно много желобов — двадцать четыре — и самые глубокие в Тихом океане, там они почти сплошным кольцом окружают морское дно — океанское ложе.

Теперь поднимаемся по материковому склону вверх. Оставив внизу самые глубоководные участки дна, попадаем на малые глубины. Перед нами материковая отмель. На профиле хорошо видно, как материковый склон на глубине двухсот метров переходит в пологую равнину. Отмель — это как бы продолжение суши под водой, и на ней часто прослеживаются очертания речных долин.

Все материки и острова на земном шаре окаймляет материковая отмель. Обычно она широка у низменных берегов и узка у гористых.

За последнее десятилетие ученые обнаружили, что дно океана как бы рассечено гигантскими рубцами. Эти узкие полосы сильно расчлененного дна протянулись на тысячи километров. Предполагают, что это результат многочисленных разломов, смещений земной коры.

Вот и закончилось твое первое знакомство с картой морского дна. Но мы надеемся, что ты еще не раз будешь рассматривать ее. Чем больше ты будешь узнавать о нашей планете — на уроках в школе или из книжек, — тем интереснее будет для тебя эта карта, тем больше она тебе расскажет.

Ландыши

В. НИКОЛАЕНКО

Вхожу я в дом,
А мне кричат:
«Закрой глаза —
Дыши!»
И сразу
Стало ясно,
Что в доме
Ландыши!
И стало все
Совсем другим,
Настолько
Все другим,
Что стол,
И стулья,
И кровать
Иначе
Хочется назвать.
Пришли к нам в дом
Весна и лес,
А дом — исчез!

Праздник воробьев

Вижу
Праздник воробьев
Из окна.
Этот праздник —
Только горсточка
Пшена
Да немного
Хлебных крошек.
Не зевайте,
Воробьи!
Может
Праздник воробьев
Превратиться
В праздник кошек.

Волшебная косточка

Ч. ДИККЕНС

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Жил некогда король со своей королевой, и был он храбрейшим из мужчин, а она — прекраснейшей из женщин.

Король ради заработка служил клерком в конторе, а королева была дочерью деревенского лекаря. У них было девятнадцать детей, и число их все время росло. Семнадцать королевских детишек приглядывали за новорожденным, а Алиса, самая старшая, приглядывала за ними всеми. Милым крошкам было от семи лет до семи месяцев.

Ну вот, а теперь продолжим наш рассказ.

Однажды король отправился на службу, а по дороге заглянул в рыбную лавку, чтобы купить фунта полтора лососины подалее от хвоста, именно такую королева (а она была неплохая хозяйка) просила его прислать к обеду. Мистер Маринад, хозяин лавки, сказал:

— Конечно, сэр. Прикажете еще что-нибудь? До свидания, сэр.

И король грустно поплелся дальше. До жалованья было еще далеко, а кое-кто из прелестных крошек уже порядочно вырос из своих одежонок.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как его догнал посыльный мистера Маринада.

— Сэр, — сказал он, — а ведь вы не заметили старую даму у нас в лавке.

— Какую даму? — спросил король. — Я не видел там никакой дамы.

Не мудрено! Король не заметил никакой старой дамы, потому что она была невидимой для него, хотя оставалась видимой для Маринадного мальчишки. Вероятно, потому, что он так плескал и брызгал водой во все стороны и так свирепо швырял рыбу, что, будь она невидимой и для него, он мог бы испортить ей все платье.

Тут подросла и сама старая леди. Одета она была очень нарядно — в платье из переливчатого шелка (самого высокого качества), благоухающее сухой лавандой.

— Король Уоткинс I, не так ли? — строго спросила старушка.

— Да, — отвечал король, — моя фамилия Уоткинс.

— Папа, если не ошибаюсь, прелестной принцессы Алисы?

— И восемнадцати других милых крошек, — заметил король.

— Так слушай! Ты идешь в контору, — сказала старушка.

Тут короля осенило: старушка-то была, конечно, фея, иначе, откуда бы ей все это знать?

Маринадный мальчишка свирепо швырял рыбу, плескал и брызгал водой во все стороны. Король грустно поплелся из лавки.

— Ты прав,— сказала старушка, читая его мысли.— Я добрая фея морей Грандмарина. Слушай меня внимательно! Придешь домой к обеду, пригласи принцессу Алису отведать лососины, которую ты только что купи. Да сделай это полюбознее!

— А может, лососина ей вредна?— сказал король. Тут старушка так рассердилась, что король не на шутку встревожился и скромно принес ей свои извинения.

— Только и слышишь теперь: то одно вредно, то другое,— сказала старушка с величайшим презрением.— Не жадничай! Ты, видно, сам хочешь съесть всю лососину!

Король опустил голову и сказал, что больше не будет говорить «вредно» ни про что на свете.

— То-то же,— сказала фея Грандмарина.— Так вот когда прелестная принцесса Алиса согласится откусить лососины— думаю, что именно так оно и будет,— ты увидишь, что она оставит на тарелке косточку. Вели ее высушить ее, поскоблить и отполировать так, чтобы она заблестела, словно перламутровая. Это ей мой подарок. Пусть бережет его!

— И это все?— спросил король.

— Имейте же терпение, сэр!— отвечала фея Грандмарина, рассердясь еще прежнего.— Не прерывайте людей на середине, дайте им договорить до конца! Что за привычка у этих взрослых! Вечно вы так!

Король снова опустил голову и сказал, что никогда больше не будет так поступать.

— То-то же,— сказала фея Грандмарина.— Передайте принцессе Алисе от меня поцелуй и скажи ей, что это волшебный подарок, которым можно воспользоваться лишь один-единственный раз. Он принесет ей в то единственный раз все, чего она только ни пожелает, и при одном условии: пусть пожелает в нужное время. Вот и все. Смотри не забудь чего-нибудь!

Король открыл было рот, чтобы попросить объяснения, но тут фея страшно разгневалась.

— Перестаньте, сэр!— закричала она, топнув ногой.— Объясни им то, объясни другое! Еще чего не доставало! Только и требуют всяких объяснений! Никаких объяснений! Вот еще! Надоели мне эти взрослые с их бесконечными объяснениями!

Король очень испугался и сказал, что весьма сожалеет, если нечаянно обидел ее, и что он никогда больше не станет требовать никаких объяснений.

— То-то же,— сказала фея.— Только попробуй!

И с этими словами она исчезла, а король побрел своей дорогой, он шел и шел, пока не пришел наконец в контору. Там он принялся за писанину и строчил, строчил до тех пор, пока не пришло время возвращаться домой. Дома он любезно, как и велела ему фея, пригласил принцессу Алису отведать лососины, что она и сделала с большим удовольствием. Покончив с лососиной, она оставила, как и предсказала фея, на тарелке косточку, и тогда король передал ей слова феи, и принцесса Алиса с величайшей осторожностью вытесала ее, поскоблила, а потом отполировала так, что она заблестела, словно перламутровая.

Ну а когда на следующее утро королева проснулась и совсем уже собралась встать, она вдруг воскликнула:

— О горе! Горе! Ах, моя голова! Моя голова!

И упала в обморок.

Принцесса Алиса, которая в эту минуту как раз взглянула в спальню, чтобы справиться насчет завтрака, очень встревожилась, увидев свою высочайшую родительницу в таком состоянии, и позвонила Пегги (так звали лорд-камергера). Но, вспомнив, где стоял флакон с нюхательной солью, она вскарабкалась на стул и достала его. Потом она вскарабкалась на другой стул, стоявший возле высочайшего ложа, и поднесла флакон к носу королевы, потом прыгнула со стула и принесла воды; потом снова взобралась на стул и намочила высочайшее чело— словом, когда лорд-камергер Пегги вошла наконец в спальню, ей осталось только сказать:

— Ах ты, моя умица! Я и сама бы не справилась этим лучше!

Но самое худшее было еще впереди. Да, впереди! Королева совсем разболелась и долгое время не вставала с постели. А принцесса Алиса умирала семнадцать юных принцев и принцесс, и одевала, и переодевала, и аюкала новорожденного, и кипятила чайник, и разоревала суп, и подметала пол, и давала королеве лекарство, и ухаживала за ней, и делала все, что могла, и ей было так некогда, некогда, некогда — трудно себе представить, как ей было некогда. Дело в том, что слуг во дворце было немного, и на то имелось три причины: во-первых, у короля было худо с деньгами, во-вторых, ему се никак не давали прибавку и, в-третьих, до полочки было так далеко, что она казалась королю такой же далекой и крошечной, как какая-нибудь звездочка в небе.

Но где же была волшебная косточка в то утро, когда королева упала в обморок? Как где? В кармане у принцессы Алисы! Она совсем уже было достала ее тогда, чтоб привести королеву в чувство, но нет, положила ее обратно и принялась искать флакон с нюхательной олью.

Как только королева очнулась в то утро и задремала, принцесса Алиса бросилась наверх, чтобы поведать величайшую тайну своей величайшей подруге, которая была герцогиней. Правда, все считали ее просто куклой, о она на самом деле была герцогиней, хотя, кроме принцессы, об этом никто и не знал.

Величайшая тайна касалась, конечно, волшебной косточки, о которой герцогиня была уже достаточно налышана, ведь принцесса все-все ей рассказывала. Опутившись на колени у кровати, на которой, широко открыв глаза, лежала герцогиня, как всегда, нарядно дая и причесанная, принцесса прошептала ей на ухо свою тайну.

Герцогиня улыбнулась и кивнула. Люди, наверное, думали, что она не умеет улыбаться и кивать, но герцогиня частенько улыбалась и кивала, хотя никто, кроме принцессы, этого не видел.

А потом принцесса Алиса поспешила вниз к постели ольной королевы. Она частенько сидела там, пока родождалась болезнь королевы, каждый вечер вместе нею сидел и король.

И каждый вечер король бросал на нее искоса недооленные взгляды, недоумевая, почему она не воспользуется волшебной косточкой.

И, всякий раз замечая этот взгляд, принцесса бежала аверх, и снова шептала герцогине на ухо свою тайну, и говорила при этом:

— Они думают, что мы, дети, ничего не знаем и не онимаем!

И герцогиня, хоть она и была чрезвычайно светской дамой, подмигивала принцессе Алисе.

— Алиса! — сказал король как-то вечером, когда принцесса пришла пожелать ему спокойной ночи.

— Да?

— Что случилось с волшебной косточкой?

— Она у меня в кармане, папа.

— А я-то думал, ты ее потеряла.

— Нет, папа!

— Или забыла про нее?

— Нет, папочка, не забыла...

Вот ведь какая история...

А потом как-то гнусный, кусачий коротышка мопс, что жил по соседству, бросился на одного из юных принцев, когда тот возвращался домой из школы, и напугал его до полусмерти — он так стучал в окно, что разбил стекло, порезал себе руку, и кровь капала, и капала, и капала наземь. Когда семнадцать других юных принцев и принцесс увидели, как она капает, и капает, и капает наземь, они тоже перепугались до полусмерти и стали так орать, что все семнадцать разом почернели от крика. Но принцесса Алиса зажала ладошкой — один за другим — все семнадцать орущих ртов и уговорила всех замолкнуть ради больной королевы. Потом она промыла рану пострадавшего принца прохладной водой под пристальным взглядом... дважды семнадцать — тридцать четыре... четыре пишем, три в уме... — тридцать четырех глаз, и проверила, не осталось ли в ранке осколков — к счастью, их там не оказалось. А потом она сказала двум принцам, двум малышам-крепышам с толстыми ножками:

— Принесите-ка мне королевский мешок со старыми тряпками, мне нужно кое-что распороть, раскроить, сметать и смекнуть.

И двое принцев-крепышей стащили с полки королевский мешок с тряпками и приволокли его к принцессе Алисе, а она уселась на пол с огромными ножницами, иголкой и нитками и что-то распорол, раскроила, сметала и смекнула, как сделать повязку, и повязала ее принцу, и она пришлось ему впору, как нельзя лучше. А когда все было кончено, она подняла глаза и увидела короля, своего папу, который заглядывал в комнату.

— Алиса!

— Да, папа?

— Ты что это тут делала?

— Распарывала, раскраивала, сметывала.

— А где же волшебная косточка?

— В кармане, папочка!

— А я-то думал, что ты ее потеряла.

— Нет, папа!

— Или забыла про нее?

— Нет, папочка, не забыла.

После этого она побежала наверх к герцогине и рассказала ей о том, что случилось, и герцогиня встряхнула льняными кудряшками и улыбнулась розовыми губами.

Вот так оно все и шло!

А потом как-то новорожденный взял и завалился под камин. Прямо под каминную решетку. Остальные семнадцать юных принцев и принцесс давно уже привыкли к тому, что они вечно падают то в камин, то с лестницы, то под лестницу, ну а малыш еще не привык, и вся рожица у него вспухла, а под глазом вскочил синяк. Как он, бедняжка, умудрился завалиться под камин? Да просто скатился с колен у принцессы Алисы! А как это она его не удержала? Да у нее руки были заняты — она сидела в кухне у огня и чистила репу к обеду, да еще кухаркин фартук — такой огромный! — опутал ее с ног до головы. А почему она чистила репу? Да пото-

Подругу Алисы все считали просто куклой, хотя на самом деле она была герцогиней.

Все семнадцать юных принцев и принцесс запрыгали от радости и смастерили себе поварские колпаки из старых газет.

му, что как раз в это утро королевская кухарка сбежала из дворца вместе со своим возлюбленным, высоченным и вечно пьяным солдатом.

Семнадцать юных принцев и принцесс, которые всегда рады были поревевать, только дай им повод, зарыдали и заорали в голос. Но принцесса Алиса, хоть и сама не смогла поначалу удержаться от слез, быстро взяла себя в руки, вспомнив про больную королеву (та уже шла на поправку, и ее нельзя было волновать), и кротко сказала:

— А ну, заткните глотки, мерзкие вы мартышки! Сейчас же перестаньте орать! Дайте мне осмотреть малыша!

Осмотрев малыша, она убедилась, что он ничего себе не сломал, приложила холодный утюг к синяку, пригубила его, и он уснул спокойным сном у нее на руках. И тогда она сказала семнадцати юным принцам и принцессам:

— Не хочется мне спускать его с рук — вдруг он проснется и снова расплачется. Знаете что? Вы будете у меня поварами!

Услышав это, все семнадцать юных принцев и принцесс запрыгали от радости и принялись мастерить себе поварские колпаки из старых газет. Одному она дала соль, другому — крупу, третьему — петрушку и сельдерешку, четвертому — репу, пятому — морковку, шестому — лук, и все они стали поварами и занялись делом, а она сидела посреди всей этой кутерьмы с малышом на руках.

Наконец обед был готов, и малыш проснулся с ангельской улыбкой на устах и был доверен самой спокойной из юных принцесс, в то время как Алиса разливала суп, загнав всех других юных принцев и прин-

цесс в самый дальний угол, чтобы как-нибудь ненароком — они ведь вечно лезли под руку! — не брызнуть на них кипящим супом. Когда суп был разлит по тарелкам, кухня наполнилась таким ароматом, словно вдруг зацвела тысяча фиалок (съедобных фиалок, разумеется!), и все захолопало в ладоши. Даже малыш захолопал в ладоши, несмотря на свою распухшую мордочку, и вид у него был такой забавный, что все семнадцать юных принцев и принцесс покатались со смеху. А принцесса Алиса сказала:

— Смейтесь себе на здоровье! А после обеда мы устроим ему мягкое гнездышко на полу — пусть посмотрит на танец семнадцати поварят.

Семнадцать юных принцев и принцесс еще пуще обрадовались и живо съели весь суп, и вымыли все тарелки, и убрали со стола, и сдвинули стол в угол. И тогда все они в своих поварских колпаках и принцесса Алиса в своем огромном фартуке проплясали танец семнадцати поварят перед сияющим малышом, который забыл и про синяк и про боль и тихо мурлыкал от счастья.

И снова принцесса Алиса увидела короля Уоткинса I, своего отца. Он стоял в дверях, заглядывая на кухню.

— Что это ты тут делаешь, Алиса?

— Варю и жарю, папочка.

— А еще что ты подельвала, Алиса?

— Веселила малышей, папочка.

— А где волшебная косточка, Алиса?

— У меня в кармане, папочка.

— Может, ты ее потеряла?

— О нет, папочка!

— Или забыла про нее?

— Как можно, папочка!

Тут король сел к столу, уронил голову на руки и так тяжело вздохнул, что все семнадцать юных принцев и принцесс на цыпочках выскользнули из кухни, оставив его наедине с Алисой и улыбающимся малышом.

— Что-нибудь случилось, папа?

— Я в конце обнищал, дитя мое.

— У тебя совсем нет денег?

— Ни гроша, дитя мое.

— Разве нельзя их достать?

— Никак, дитя мое, — сказал король. — Я старался изо всех сил, я испробовал все средства, и все напрасно! Услышав эти слова, принцесса Алиса сунула руку в карман, где хранилась волшебная косточка.

— Папа, — сказала она, — если мы старались изо всех сил и испробовали все средства, значит, мы сделали все, что могли?

— Безусловно, Алисочка!

— Если мы сделали все, что могли, и ничего у нас не вышло, значит, пришло время просить помощи у других!

Это и была та самая тайна, которую принцесса Алиса открыла сама, поразмыслив как следует над словами доброй феи Грандмарины. О ней-то она и шепталась так часто с герцогиней, своей прелестной и светской подругой.

Тут Алиса вынула из кармана волшебную косточку, поцеловала ее и сказала:

— Хочу, чтоб сегодня же выдали жалованье!

И тут же королевское жалованье посыпалось из каменной трубы прямо на пол!

✱

Но это еще не все! И даже не половина и не четверть всего! Потому что вслед за жалованьем появилась добрая фея Грандмарины. Она сидела в карете, запряженной четверкой, — только не лошадей, а павлинов, — на запятках стоял Маринадный мальчишка, разодетый в пух и прах, в треуголке, напудренном парике, в розовых шелковых чулках, с жезлом и букетом в руках. Маринадный мальчишка прыгнул на землю, снял шляпу и с необычайной учтивостью (он изменился до неузнаваемости — вот что значит волшебство!) высадил добрую фею Грандмарины из кареты. Фея же совсем не изменилась — на ней было все то же платье из переливчатого шелка (самого высокого качества), благоухающее сухой лавандой, только в руках она держала усыпанный драгоценностями веер.

— Алиса, душечка, — сказала фея с очаровательной улыбкой, — здравствуй. Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь! Поцелуй же меня.

Принцесса Алиса обняла ее. А потом Грандмарины повернулась к королю и довольно строго спросила:

— А вы как себя ведете? Хорошо? Вы король!

Король выразил надежду, что фея не ошиблась.

— Надеюсь, теперь-то вы понимаете, почему моя милая Алисочка (и тут фея поцеловала принцессу) не прибегла к помощи волшебной косточки раньше?

Король смиренно поклонился.

— То-то! А раньше вы этого не понимали?

Король поклонился еще смиреннее.

— Больше вам ничего объяснять не надо?

— Нет, — сконфуженно сказал король.

— То-то! — сказала фея и пожелала ему счастья.

А потом фея взмахнула веером, и в кухню вошла королева в великолепнейшем наряде, а за ней все семнадцать юных принцев и принцесс, одетые с головы до ног во все новое, — и все было им впору, и ничуть не мало, и в

швах были большие запасы, чтобы выпустить, когда они подрастут. Тут фея легонько ударила веером принцессу Алису, и огромный фартук внезапно исчез, под ним оказался подвенечный наряд неописуемой красоты, а на голове у Алисы появился венок и серебристая вуаль.

А потом кухонный стол на глазах у всей компании превратился в прекрасный шкаф из розового дерева с огромным зеркалом, а когда принцесса Алиса открыла его, то увидела внутри множество платьев — и все ее размера! А в кухню вбежал малыш, — а ведь вчера он еще и ходить не умел! — и синяка у него как не бывало! Тут Грандмарины попросила, чтобы ее представили герцогине, и когда герцогиню доставили вниз, они обменялись множеством любезностей.

Фея и герцогиня пошептались, после чего фея громко сказала:

— А я-то думала, что она вам об этом сказала!

И, повернувшись к королю и королеве, Грандмарины добавила:

— Мы едем на поиски принца Кое-кто. Просим почтить нас своим присутствием через полчаса.

Грандмарины вместе с принцессой Алисой села в карету, Маринадный мальчишка посадил герцогиню, которая устроилась на противоположном сиденье, подняла ступеньку, вскочил на запятки, и павлины полетели, а хвосты их полетели за ними.

Принц Кое-кто сидел в одиночестве и ел постный сахар, ожидая, когда ему исполнится девяносто лет. Увидев, что в окно влетели павлины, запряженные в карету, он тут же понял, что сейчас случится что-то необыкновенное.

— Принц, — сказала Грандмарины, — я привезла вам невесту.

Только фея выговорила эти слова, как принц Кое-кто изменился в лице, его куртка и плисовые штаны превратились в бархатный наряд персикового цвета, волосы завились в кудри, а в окно влетела шляпа с пером и плюхнулась прямо ему на голову. По приглашению феи он сел в карету и возобновил свое знакомство с герцогиней, с которой он уже и раньше встречался.

На свадьбе присутствовали все друзья и родные принца, и все друзья и родные принцессы Алисы, и семнадцать юных принцев и принцесс, и малыш, и целая толпа соседей. Все было как в сказке! Подружкой невесты была герцогиня — ее посадили повыше, чтобы ей все было видно. А потом Грандмарины устроила роскошный пир в честь новобрачных, на котором еды и питья было сверх всякой меры. Свадебный пирог был весь разукрашен белыми шелковыми лентами, серебряной фольгой и белыми лилиями, а в окружности этот пирог был сорок два ярда.

После того, как Грандмарины сказала тост за здоровье юной четы, а принц Кое-кто произнес речь и все прокричали «гип-гип-ура!», Грандмарины объявила королю и королеве, что жалованье теперь будут платить вдвое чаще, а в високосный год — втрое. Потом она, повернувшись к принцу Кое-кто и Алисе, сказала:

— Мои дорогие, у вас будет тридцать пять детей, и все они будут красивыми и послушными. Семнадцать мальчиков, восемнадцать девочек. Волосы у них у всех будут виться сами. Кори у них никогда не будет, а коклюшем они переболеют еще до рождения.

Услышав эти радостные вести, все снова прокричали «гип-гип-ура!».

— Остается только, — сказала Грандмарины в заключение, — покончить с волшебной косточкой.

И она взяла ее из рук принцессы Алисы, и косточка тут же полетела прямо в глотку глусному, кусачему коротышке мопсу. Мопс подавился и скончался в страшных конвульсиях.

со дня

смерти

Чарльза

Диккенса

НАДО ЛИ БЫТЬ ДОБРЫМ?

1 Этот смешной случай произошел на глазах у писателя Константина Паустовского. Дело было в Крыму, на берегу Черного моря. Паустовский, как это водится у писателей, все записал в свою записную книжку. Наверное, он думал, что история, разыгравшаяся на его глазах, пригодится ему для какого-нибудь рассказа или для повести:

«Желтые облака над Феодосией... Жара...

*Ваш добрый
знакомый
мистер Пиквик*

Мальчишки сидят на старой акации и набивают рот сухими сладкими цветами. Далеко над морем подымается прозрачная струя дыма — идет из Одессы теплоход. Мрачный рыбак, подпоясанный обрывком сети, свистит и сплевывает в воду — ему скучно. Рядом с рыбаком на берегу сидит мальчик и читает книгу. «Дай, пацан, поглядеть, что такое за книга», — хрипло просит рыбак. Мальчик робко протягивает книгу. Рыбак начинает читать. Он читает пять минут, десять, он сопит от увлечения и говорит: «Вот это завинчено, убей меня бог!» Мальчик ждет. Рыбак читает уже полчаса. Облака переменялись на небе местами, мальчишки уже объели одну акацию и полезли на дру-

гую. Рыбак читает. Мальчик смотрит на него с тревогой. Проходит час.

«Дядя, — шепотом говорит мальчик, — мне надо домой». «До мамы?» — не глядя на него, спрашивает рыбак. «До мамы», — отвечает мальчик. «Успеешь до мамы», — сердито говорит рыбак. Мальчик замолкает. Рыбак с шумом перелистывает страницы, глотает слюну. Проходит полтора часа. Мальчик начинает тихо плакать. Теплоход уже подходит к порту и гудит небрежно и величаво. Рыбак читает. Мальчик плачет, уже не скрываясь, слезы текут по его дрожащим щекам. Рыбак ничего не видит. Старый пристанский сторож кричит ему: «Петя, чего ты мучаешь ребенка! Отдай книгу, имей каплю совести». Рыбак удивленно смотрит на мальчика, бросает ему книгу, плюет, говорит с сердцем: «На, собственник, базарная душа, подавись той книгой!» Мальчик хватается книгу и бежит, не оглядываясь, по раскаленному портовому спуску. «Что это была за книга?» — спрашиваю я рыбака. «Та Диккенс, — говорит он с досадой. — Такой прилипчивый писатель — как смола!..»

Сто лет прошло с того дня, когда завершился жизненный и творческий путь Чарльза Диккенса. Многих писателей, живших и работавших в одно время с ним, мы ценим и почитаем. Некоторыми из них восхищаемся. Есть и такие, перед которыми готовы преклониться. Существует целая иерархия, согласно которой одних писателей именуют выдающимися, других — всего лишь замечательными, а третьих (таких уж и вовсе немного) — великими. Но даже и среди тех, кто безусловно относится к «великим», далеко не каждого читают так взахлеб, не отрываясь, залпом, единым духом, от первой страницы до последней. Короче говоря, так, как читал описанный Паустовским рыбак неведомую нам книгу Диккенса.

Наверно, вы узнали в этом джентльмене мистера Дика.

В чем же причина этого удивительного обаяния? Может быть, все дело тут в очень высоком, очень изощренном литературном мастерстве? Например, в той особой изобретательности, с какой Диккенс обычно строит сюжет своего произведения? Недаром ведь рыбак, который не в силах был оторваться от книги Диккенса, бормотал себе под нос: «Вот это завинчено, убей меня бог!»

Да, Диккенс действительно очень искусно умеет «завинчивать» сюжет. В каждом его романе обязательно есть какая-то жгучая тайна, разгадка которой обнаруживается лишь в самом конце. Но на свете было немало писателей, которые владели этим искусством ничуть не хуже Диккенса. Были и такие, которые даже превосходят Диккенса своим

умением изобретать таинственные истории с загадочными убийствами.

Видимо, секрет обаяния диккенсовских книг гораздо ярче выразился в чем-то другом. Может быть, он в редкостном, поистине волшебном умении Диккенса изображать людей и предметы так, что они буквально стоят перед нашими глазами? Предмет, описанный Диккенсом, так рельефен, так отчетлив, что его хочется потрогать. «Призовите два десятка иллюстраторов, — справедливо замечает один из исследователей творчества Диккенса, — и потребуйте от них портреты Пиквика и Копперфилда; рисунки выйдут похожими друг на друга: на них непостижимо схоже изображены будут пухлый джентльмен в белом жилете с приветливым взглядом из-под очков и красивый белокурый робкий мальчик в почтовой карете... Диккенс изображает так отчетливо, так детально, что приходится подчиняться гипнозу его зрения...»

Это свойство Диккенса объясняет многое в природе его художнического дара. И все-таки даже этого недостаточно, чтобы до конца раскрыть секрет обаяния Диккенса, природу его удивительной, необъяснимой, загадочной способности так властно привлекать к себе людские сердца.

2 Если бы все персонажи, созданные могучим воображением Чарльза Диккенса, каким-то чудом вдруг облеклись в плоть и кровь и явились перед нами, — это была бы огромная толпа, способная заполнить большую городскую площадь. В этой толпе оказались бы представители всех слоев населения, всех классов, всех общественных положений и чуть ли не всех профессий, какие только существовали в

Англии прошлого века. Здесь были бы бедные сельские джентльмены и богатые лондонские дельцы, адвокаты со своими клерками и нищие бродяги, банкроты, сидящие в долговой тюрьме, и матросы, учителя и школьники... Но первое, что сразу бросилось бы нам в глаза в этой толпе, — огромное количество людей странных, чудаков.

В каждой книге Диккенса обязательно есть хотя бы один чудаков. Чаще их несколько. Иногда их много. Есть у Диккенса даже и такие книги, буквально все персонажи которых, от первого до последнего, — самые что ни на есть настоящие чудаки (таков, например, роман «Посмертные записки Пиквикского клуба»).

Но дело даже не в количестве чудаков, населяющих книги Диккенса. Все дело в той необычной роли, которую играют чудаки в его романах.

Роль эта необычна вот почему. Чудаков у Диккенса, как и полагается чудаку, смешон, наивен. Он, как правило, сильно уступает другим персонажам романа в смысле ума и образованности. Иногда он может быть даже слегка ненормальным, попросту говоря, выжившим из ума. Но даже и в этом случае он неизменно оказывается гораздо проницательнее, гораздо разумнее многих других персонажей романа.

Маленький Дэвид, герой романа «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим», измученный одиночеством, жестокостью и бездушием людей, от которых он полностью зависит, решается на отчаянный поступок. Он самовольно убегает от тех, кто ему ненавистен, пешком покидает Лондон и отправляется на поиски своей бабушки, единственного близкого ему человека. Бабушка эта — почтенная мисс Бетси Тротвуд — очень рассердилась когда-то на родителей Дэвида и прервала с ними всякие отношения. Причина ее гнева состояла в том, что у родителей Дэвида родился сын. А она всю жизнь терпеть не могла мальчишек. Она мечтала о внучке, о девочке. Узнав, что надежды ее оказались обманутыми, старая Бетси Тротвуд навсегда покинула «неблагодарных» родителей Дэвида и поклялась никогда больше не иметь с ними ничего общего.

Вот к этой-то бабушке и приходит после долгих скитаний бедный, измученный, грязный, оборванный, изголодавшийся Дэвид Копперфилд. Как она его встретит, узнав, что родители его умерли, что он остался один на свете? Неужели прогонит? И он теперь уже навсегда останется совсем одиноким в этом страшном, жестоком мире?

«...Я поднял глаза к окну во втором этаже, где увидел румяного, симпатичного седовласого джентльмена, который забавно прищурил один глаз, несколько раз кивнул мне головой, столько же раз покачал ею, улыбнулся и скрылся.

Я и без того уже был растерян, а теперь, видя такое странное поведение, растерялся еще больше и готов был улизнуть, чтобы поразмыслить, как мне надлежит действовать, но в эту минуту из дома вышла леди в платке, повязанном поверх чепца...

С трепещущим сердцем я смотрел, как она проследовала в угол сада и, наклонившись, принялась

выкапывать какой-то корешок. Потом, окончательно упав духом, но движимый отчаянием, я потихоньку вошел в сад и, остановившись подле нее, тронул ее пальцем.

— Простите, сударыня... — начал я.

Она вздрогнула и подняла глаза.

— Простите, бабушка...

— Что? — вскричала мисс Бетси таким удивленным тоном, какого я никогда еще не слышивал.

— Простите, бабушка, я ваш внук.

— О господи! — сказала бабушка. И села прямо на дорожку.

Тут я вдруг потерял самообладание и, разведя руками, чтобы показать ей мое оборванное платье и призвать его в свидетели перенесенных мною страданий, разразился рыданиями, которые, вероятно, накопились во мне за всю эту неделю.

Бабушка, лицо которой не выражало решительного никаких чувств, кроме беспредельного изумления, сидела на гравии и смотрела на меня во все глаза, пока я не разрыдался, а тогда она быстро встала, схватила меня за шиворот и потащила в гостиную. Там она первым делом открыла высокий стеновой шкаф, достала оттуда несколько бутылок и влила мне в рот понемножку из каждой... Немного погодя она позвонила в колокольчик.

— Дженет, — сказала бабушка, когда в комнату вошла служанка, — поднимись наверх, передай мой привет мистеру Дик и скажи, что я хочу с ним поговорить...

Бабушка, заложив руки за спину, шагала взад и вперед по комнате, пока не вошел, улыбаясь, тот самый джентльмен, который подмигивал мне из верхнего окна.

— Мистер Дик, — сказала моя бабушка, — не прикидывайтесь дурачком, потому что никто не может быть более рассудителен, чем вы, стоит вам того пожелать. Все мы это знаем. А стало быть, не прикидывайтесь дурачком.

Джентльмен мгновенно сделал серьезное лицо и, показавшись мне, посмотрел на меня так, словно умолял не заикаться об окне.

— Мистер Дик, вы слышали от меня о Дэвиде Копперфилде? — продолжала бабушка. — Не притворяйтесь, будто у вас нет памяти, мы-то с вами знаем, что это не так.

— Дэвид Копперфилд? — переспросил мистер Дик, который, по моему мнению, мало что об этом помнил. — Дэвид Копперфилд? О да, конечно! Дэвид... разумеется...

— Ну так вот это его мальчик, его сын, — сказала бабушка. — Он был бы вылитый отец, если бы не был похож также и на свою мать.

— Его сын? — повторил мистер Дик. — Сын Дэвида? Неужели?

— Да! — подтвердила бабушка. — Здесь вы видите перед собой Дэвида Копперфилда-младшего, и я вам задаю вопрос: что мне с ним делать?

— Что вам с ним делать? — беспомощно повторил мистер Дик, почесывая голову. — О! Что с ним делать?

— Да, — с важной миной подтвердила моя бабушка, подняв указательный палец. — Говорите же! Мне нужен ваш здравый совет.

— Ну, что ж, будь я на вашем месте, — задумчиво начал мистер Дик, устремив на меня рассеянный взгляд, — я бы...

Созерцание моей особы, казалось, внушило ему какую-то мысль, и он бодро добавил:

— Я вымыл бы его!

— Дженет! — произнесла бабушка, обращаясь к служанке с тихим торжеством, которое было мне в ту пору непонятно. — Мистер Дик разрешает все наши сомнения. Согрей воду для ванны...»

Почтенный джентльмен, который так блестяще разрешил все сомнения своенравной мисс Бетси Тротвуд, как впоследствии выяснил маленький Дэвид, был ее дальним родственником.

Он был слегка чудаковат, чтобы не сказать больше. Однако чудачества его были весьма невинны. Они состояли в том, что он воображал себя двойником короля Карла Первого, казненного в 1649 году. Он писал об этом книгу — Мемориал, — исписывая в день по несколько десятков страниц четким и ясным почерком. Затем из этих листов он клеил прекрасного змея, которого с помощью длинной бечевки запускал высоко в небо, будучи уверен, что распространяет таким образом по всему белому свету правду о несчастном короле, казненном двести лет тому назад.

Строптивая мисс Бетси была искренне убеждена, что впавший в детство, придурковатый мистер Дик — самый умный, самый проникательный, самый здравомыслящий человек на свете. Именно поэтому здравый совет мистера Дика по поводу того, как поступить с маленьким Дэвидом, привел ее в такое восторженное состояние.

Дэвида выкупали в ванне. Ужасные лохмотья его сожгли, а его облачили в рубашку и панталоны, принадлежащие мистеру Дик, и обмотали сверх того двумя-тремя шальями. Затем мистеру Дик снова был задан тот же вопрос: как быть дальше с маленьким беглецом?

Дэвид Копперфилд и его своенравная бабушка мисс Бетси Тротвуд.

«— О! — сказал мистер Дик. — Так... Что бы я с ним... Я уложил бы его спать...»

Так мистер Дик во второй раз разрешил все сомнения мисс Бетси Тротвуд. Но дело на этом не кончилось. На другой день бабушка сообщила Дэвиду, что она написала письмо его отчиму, его ненавистному жестокому опекуну.

«— И меня... отдадут... ему? — запинаясь, спросил я.

— Не знаю. Посмотрим, — сказала бабушка.

— О! Что со мной будет, если мне придется вернуться к мистеру Мэрдстону! — воскликнул я.

— Ничего об этом не знаю. — Бабушка покачала головой. — Не могу ничего сказать. Посмотрим.

При этих словах бодрость покинула меня, я весь поник, и на сердце стало тяжело...»

Бабушка колебалась не зря. Дело было не такое уж простое. Оставить внука у себя мисс Бетси не имела права. Жестокий отчим маленького Дэвида, его законный опекун, мог и не захотеть отдать ей мальчика. Так оно и случилось. Отчим приехал. Между ним и мисс Бетси произошел очень неприятный разговор. Он угрожал ей разными бедами и настоятельно требовал вернуть ему сбежавшего «неблагодарного» мальчишку. Решительно и сурово, с полным сознанием своих прав он ждал от мисс Бетси ответа.

Снова был вызван мистер Дик.

«Когда он появился, бабушка его представила.

— Мистер Дик. Старый и близкий друг. Я всегда полагалась на его здравый ум, — сказала бабушка с особым ударением, чтобы усостыжить мистера Дика, который с простодушным видом сосал указательный палец.

При этом намеке мистер Дик вынул палец изо рта и с выражением важным и сосредоточенным стал созерцать присутствующих...

— Мистер Дик! Что мне делать с этим ребенком? — спросила бабушка.

Мистер Дик подумал, помешкал, затем просиял и откликнулся:

— Пусть с него сейчас же снимут мерку для костюма.

— Мистер Дик, дайте мне пожать вашу руку! Ваш здравый ум неоценим! — произнесла бабушка с торжествующим видом.

Пожав от всей души руку мистеру Дику, она пригласила меня к себе и обратилась к мистеру Мэрдстону:

— Вы можете уйти, когда вам вздумается. Я беру на себя заботу о мальчике...»

Так участь Дэвида Копперфилда была окончательно решена.

Почему решение этого немаловажного вопроса мисс Бетси Тротвуд предоставила слабоумному мистеру Дику, понять можно. Этот поступок был вполне в духе ее своенравного, строптивого характера. Кроме того, не надо забывать, что мисс Бетси вполне искренне считала мистера Дика обладателем на редкость ясного ума, живым воплощением самого здравого смысла. Но Диккенс, судя по всему, так не считал. Почему же он предоставил не кому-нибудь, а именно чудаковатому, впадшему в детство, слабоумному мистеру Дику оказать такое влияние на судьбу своего героя? Как он не побоялся вверять эту судьбу в столь слабые и ненадежные руки?

Может быть, он сделал это просто забавы ради? Как говорится, «для юмора»?

З Хотя сцены, в которых так удачно действует мистер Дик, действительно пронизаны юмором, написаны они вовсе не юмора ради. Эти сцены несут в себе вполне серьезный и даже глубокий смысл.

Когда Дэвид пришел на другой день к мистеру Дику, тот поделился с ним самой задушевной своей мыслью, самым искренним своим убеждением.

«— А! — воскликнул мистер Дик, кладя перо. — Ну, что делается в мире? Я вот что тебе скажу, — он понизил голос, — ты никому этого не говори, но, мой мальчик... — Тут он наклонился ко мне и приблизил губы вплотную к моему уху: — Мир сошел с ума! Это не мир, а бедлам!..»

Когда выживший из ума старик говорит, что весь мир сошел с ума, превратился в бедлам, в сумасшедший дом, — это кажется сперва лишь юмористической подробностью, характеризующей всего лишь трогательное заблуждение самого мистера Дика. Но, поразмыслив, можно прийти к выводу, что это странное соображение мистера Дика в какой-то мере выражает вполне серьезное и совсем небезосновательное мнение самого Диккенса.

В самом деле, разве мир не сошел с ума, если сумасшедший оказывается единственным человеком, способным дать разумный и ясный совет? Разве мир не похож на гигантский сумасшедший дом, если по законам этого мира жестокий и тупой человек имеет больше прав на чужого ему ребенка, чем единственная оставшаяся в живых его родственница?

Слабоумный мистер Дик знать не знает и веда-ть не ведает никаких юридических тонкостей. Он понятия не имеет о законах, об опекунстве, о наследстве, о деньгах, обо всем этом гнусном крючкотворстве. Он единственный человек среди всех присутствующих, который видит вещи такими, какие они есть. Ребенок грязен — значит, надо его вымыть. Ребенок устал — значит, надо уложить его спать. Ребенок одет в чужой костюм, замотан в женскую шаль, потому что грязные его лохмотья сожгли, — значит, надо сшить ему новый костюм. И не все ли равно, что говорит по этому поводу закон?

Мистер Дик при всем своем слабоумии действительно оказывается единственным здравомыслящим человеком. Потому что он и не собирается размышлять о том, что разумно, а что неразумно. Он руководствуется в своих суждениях не знаниями, не размышлениями, не взвешиванием всех «за» и «против». Он просто прислушивается к голосу своего сердца.

Таковы все чудачки, населяющие книги Диккенса. Диккенсовский чудаковатый может носить сюртук джентльмена или фартук кузнеца. Он может быть богат или беден, образован или безграмотен — дело от этого не меняется. Он неизменно обладает по крайней мере одним достоинством, выгодно отличающим его от всех остальных пер-

сонажей книги, как бы ни превосходили они его по части хороших манер, ума и образования. Достоинство это — доброе сердце. И нет для Диккенса других человеческих достоинств, которые могли бы соперничать с этим.

Я вовсе не хочу сказать, что слабого, беспомощного, придурковатого мистера Дика Диккенс решительно предпочитает всем прочим своим героям. Диккенс с огромной любовью изображал в своих книгах совсем других людей — умных, сильных, деятельных. Людей, которые активно борются со злом и умудряются побеждать в этой неравной борьбе.

Мистера Дика Диккенс изобразил слабоумным вовсе не для того, чтобы воспеть слабоумие. Просто он хотел сказать, что человеку, обладающему добрым сердцем, он готов простить даже отсутствие ума — этого самого драгоценного человеческого дара. Но не родился еще на свет тот мудрец, тот гений, тот умница, которому Диккенс простил бы холодное сердце. Нет и не может быть для Диккенса таких человеческих качеств, таких бесспорных и несомненных талантов, ярчайшее созвездие которых могло бы восполнить отсутствие одного, такого простого, но такого нужного людям, — доброты.

Доброта словно бы растворена в самом воздухе диккенсовских книг. В конечном счете именно она составляет главное обаяние знаменитых диккенсовских описаний.

«Начал чайник!.. Что-то неудержимо заклокотало у него в горле, и он начал издавать отрывистое звонкое фырканье, которое тотчас обрывал, словно еще не решив окончательно, стоит ли ему сейчас показать себя компанейским малым... Теплое его дыхание вырывалось легким облачком, весело и грациозно поднималось на несколько футов вверх и плавало там, под сводом очага, словно по своим родным, домашним небесам, и чайник пел свою песенку так весело и бодро, что все его железное тельце гудело и подпрыгивало над огнем; и даже крышка стала выплясывать что-то вроде жиги и стучать по чайнику, словно юная и неопытная тарелочка, не уразумевшая еще, для чего существует в оркестре ее собственный близнец...»

По этому описанию видно, какой острый, меткий, точный глаз был у Диккенса. Как любил и умел он наблюдать подробности быта, те мелочи, которые, по его словам, и составляют смысл человеческой жизни. Сравнение подпрыгивающей крышки чайника с тарелочкой в оркестре превосходно. Но чего бы стоила вся эта превосходная наблюдательность, если бы каждое слово не было согрето сердечной любовью автора ко всем этим простым вещам, к домашнему очагу, ко всему, что делает жизнь человека, затерянного в холодном и страшном мире, теплой.

Вот почему книги Диккенса так притягательны для людских душ. Вот что составляет тайну редкого, нестареющего обаяния этого писателя.

Но разве доброе сердце — такая уж редкость для нормального человека?

Нет, доброе сердце — вовсе не такая уж редкость. Но очень редко человек бывает так непримиримо, так последовательно, так принципиально добр.

Надо ли человеку быть добрым?

Вопрос этот кажется странным. Кто же станет открыто и прямо утверждать обратное? А между тем, на словах неизменно признавая необходимость доброты, как часто в жизни мы стыдимся быть добрыми. Стыдимся, потому что доброта, уступчивость, душевная мягкость часто кажутся проявлением слабости духа. Человек мягкий стесняется своей мягкости, прикидывается равнодушным, черствым, а то и жестоким, нередко даже изо всех сил заставляя себя быть таким, потому что боится показаться «размазней», «тряпкой».

Я вспоминаю то время, когда людям моего поколения было пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет. Слово «добрый» не часто встречалось в нашем лексиконе. Гораздо чаще мы говорили «добренький», вкладывая в уменьшительный суффикс столько презрительного пренебрежения, что тень этого пренебрежения невольно распространялась и на самый корень слова.

Один поэт нашего поколения написал даже такие стихи:

Нас не надо жалеть!

Ведь и мы никого не жалели!

Последнее утверждение было прямой неправдой. Это была своего рода рисовка. В юности человек часто хочет казаться холодным и суровым, потому что эти черты представляются ему непременными признаками взрослости, подлинного возмужания. Но что касается первой строки («Нас не надо жалеть!»), то при всей своей яростной запальчивости она была искренней. Мы действительно не хотели, чтобы нас кто-нибудь жалел, потому что мы твердо знали: жалость унижает человека.

Исключительная, всепроникающая доброта Диккенса казалась нам его слабостью. Невинным и, в сущности, простительным чудачеством. Мы снисходительно и высокомерно прощали Диккенсу эту его «мещанскую сентиментальность».

И только теперь я понимаю, как далеки от истины были мы тогда. Только теперь по-настоящему «дошел» до меня смысл прекрасных слов американского писателя О. Генри. Когда в одном его рассказе речь вдруг зашла о Диккенсе, он неожиданно оборвал повествование и разразился такой тирадой:

— Раз уж вы произнесли это имя, сэр, вы сейчас же снимете шляпу. А если не снимете, то так и останетесь со шляпой на тылке. Да, сэр!.. На тылке!..

НОЧНОЙ ОБОЗ

Алексей МУСАТОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

«Приют обездоленных»

На другой день во флигеле появилось еще пятеро детей. Кого привели родственники, кто пришел сам.

Потом в комнату к Ефросинье Тихоновне вошла учительница из шефской школы Анна Павловна, сухонькая близорукая женщина, и сообщила, что у нее на квартире проживают трое бездомных ребятишек, которых она уже подкармливает вторую неделю. Но что с ними делать дальше, она не знает.

Ефросинья Тихоновна сидела за столом, обхватив голову руками. Во флигеле и в башне уже собралось около тридцати детей, а завтра придут новые, заполнят все комна-

ты, съедят последний хлеб, картошку. Как жить дальше, чем кормить детей, где раздобыть одежду и обувь?

— А если все-таки к начальству обратиться, к новым властям? — не очень уверенно предложила Ефросинья Тихоновна. — Дети ни в чем не повинны... Может быть, пожалеют их и разрешат открыть приют.

— Уж они пожалеют! — зло сказала тетя Лиза. — Вчера матери с ребятами пришли к управе хлеба просить, а полицаи их прикладами.

— Нет, нет, — заговорила торопливо Таня. — Ни к каким новым властям обращаться не будем. Но детей мы должны спасти. Во что бы то ни стало.

— Что же мы с ними делать-то будем? — взмолилась Ефросинья Тихоновна. — Ничего у нас нет.

— Надо поискать... пойдём к населению. Будем просить хлеб, одежду, топливо. Ведь наши же люди, советские, — поймут, помогут. А детей мы должны собрать в одном месте, хотя бы в этом флигеле. — Таня оглядела женщин. — Четверо воспитателей у нас уже есть. А позовем, еще люди откликнутся. Я вот врача уговорю, Елену Александровну.

— Так, Танюша, так, — кивнула Анна Павловна. — А я девчат-старшекласниц кликну... Тоже помочь не откажутся.

Трое суток детдомовцы выжидали, не займет ли опустевшее здание новая воинская часть. Но никто не занимал. На четвертый день Ефросинья Тихоновна, которую все с ее молчаливого согласия стали считать заведующей детским домом, решила заселить помещение.

Детдомовцы вошли в сумрачное здание с толстыми стенами, с гулкими чугунными плитами на лестницах и ахнули. Мебели и матрацев почти не осталось, комнаты были загажены, замусорены, стекла в окнах побиты, и только детские железные кровати навалом лежали в угловой комнате.

Началась генеральная уборка. Ребята вымели мусор, вымыли полы, расставили кровати по спальням. Из мешков, которые нашли в кладовке, девочки пошили матрастики, набили их соломой из совхозного омета. Из ящичков и кусков фанеры Силантий с мальчишками соорудили столы и тумбочки.

К вечеру затопили баню.

Таня сходила в городскую больницу и попросила Елену Александровну побывать в детском доме.

— В каком детском доме? — удивилась Елена Александровна.

Таня объяснила, что персонал воспитателей (она назвала всех поименно) уже собрал большую группу ребят и занял старое помещение детского дома.

— Ну и персонал, — покачала головой Елена Александровна. — Хлебнете вы теперь горя с ребятами.

— А вас мы просим занять место детдо-

мовского врача, — пригласила Таня. — Вроде как по совместительству...

— Вот как... уже и меня в свой штат включили.

— Зарплаты, само собой, не предвидится, но ведь вы не откажетесь?

Елена Александровна развела руками.

— Пошли... Что уж там.

Детдомовцев они застали вымытыми, подстриженными.

Елена Александровна осмотрела детей, отделила троих больных, назначила им лечение и велела поместить их в изолятор.

В тот же вечер ребят разбили на группы — старшая, средняя, малышовая — и разместили по спальням.

Наутро Таня, тетя Лиза, Силантий и Анна Павловна отправились в город. Взяв с собой по пять-шесть ребят, они заходили в дома, квартиры и начинали рассказывать о вновь созданном детском доме, которому так нужна помощь. Рассказывать долго не приходилось. Один вид ребят — истощенных, оборванных — говорил сам за себя.

И люди чем могли помогали «приюту обездоленных» — так прозвали они вновь возникший детский дом. Давали белье, одежду, обувь, посуду, делились хлебом, картошкой.

В другой раз бабка Фомичиха привела на веревке знакомую ребятам козу, кудлатую, с витыми рогами, с тугим выменем.

— Спрячьте ее поскорее, пока солдаты не отняли, — попросила бабка Ефросинью Тихоновну. — Она еще дойная... Хоть и небольшое, а все вашим малышам подспорье будет.

Козу поместили в сарайчик около монастырской стены, закармливали травой и помоями и каждый день старательно выдаивали.

Нередко жители города подсказывали ребятам, где и что можно раздобыть. В подвале разрушенного дома, около вокзала, лежат запасы каменного угля, в сарайчике на Вязовской улице уехавшие хозяева оставили отличные березовые дрова. Пока все это не растащили, пусть детдомовцы не зевают. И они не зевали.

Не забывал про детдомовцев и Виктор Первухин.

Отбив свое время в офицерской парикмахерской, он приходил в детский дом, колол дрова, таскал на кухню воду или помогал деду Силантию чинить рамы и двери: зима была уже не за горами.

Иногда он приносил детдомовцам что-нибудь из еды, притаскивал из парикмахерской куски мыла, одеколон, вату, а как-то раз предстал перед Таней и Ефросиньей Тихоновной до смешного толстым и неуклюжим.

— Разденьте меня! — попросил он.

Таня с трудом стянула с Виктора пальто и ахнула: от шеи до пояса он, как мумия, был

запеленат в пеструю маскировочную ткань. Ее оказалось метров двадцать.

— Откуда это?

— Один добрый человек подкинул. Со склада... Пригодится? А?

— Еще бы! — обрадовалась Таня.

Ткань покрасили отваром ольховой коры, чтобы не очень бросалась в глаза, и пошили из нее детдомовцам штаны, рубахи, юбки.

Только Шуркина компания не очень жаловала Виктора. Живет парень тихо-мирно, отбывает свои часы в парикмахерской, никого не трогает, не беспокоит. Стоило ли ради этого пробираться в город да еще с важным заданием, как намекнула им Таня?

А может, все это совсем не так и Виктор делает, что надо? И он, наверное, не один, есть у него боевые друзья и помощники. Ведь гремят же взрывы на железной дороге, кто-то расклеивает по ночам листовки, поджигает автомашины, цистерны с горючим.

— А почему Виктор про нас забыл? — как-то раз с обидой спросил у Тани Шурка. — Думает, малявки мы, малышковая группа... А мы кое-что тоже смекаем. — Он достал из-под ватника остро заточенный толстый гвоздь, насаженный на деревянную ручку. — Видали?

Таня с недоумением повертела в руках заостренный гвоздь.

— Это что ж, самодельное шило?

— Вроде того, — ухмыльнулся Шурка. — Мы вчера пять скатов проткнули. Вот этим самым... Поезды теперь фрицы!

Таня только покачала головой.

А через несколько дней, обходя спальню старших ребят, Ефросинья Тихоновна обнаружила за тумбочкой в куче тряпья ручную гранату.

Перепуганная насмерть, она позвала Таню и, показав ей гранату, разразилась жалобами. Ведь их «приют обездоленных» и так держится на ниточке. А вдруг еще обнаружат эту штуковину или случится взрыв? Нет, если мальчишки и дальше будут приносить в помещение такие смертоносные игрушки, сердце ее не выдержит...

Таня, как могла, постаралась успокоить Ефросинью Тихоновну: она сегодня же поговорит с ребятами.

— Да, да, внуши им, — попросила заведующая и кивнула на гранату. — А эту штуковину немедленно выбрось... Ну вот хотя бы в старый колодец.

— И вы ее выбросили? — с откровенным сожалением спросил Родька, когда Таня созвала для разговора Шуркину компанию.

— Это уж мое дело, — отрезала Таня, оглядев ребят. — Вы лучше скажите, кто из вас притащил в спальню гранату?

— Из нашей пятерки вроде никто не мог, — растерянно сказал Шурка. — Все оружие у нас в лесу, в тайнике. Под башней только один ящик с ракетами...

Но отмалчивались ребята недолго.

— Это наша граната, — признался Родька. — Моя и Юрика Зайцева.

— Зачем она вам? — спросила Таня.

— А мы ее в полиция шарахнем... В Семёнова. Или в гестапо, — с ожесточением буркнул Родька. — За Юркину маму... за ребят, за все. Пусть знают...

Таня схватилась за голову. Она хотела сказать, что все это очень опасно, рискованно, может навлечь подозрение на других детей, на взрослых, но потом поняла, что никакая сила не остановит ребят, не помешает им мстить врагу, не охладит их ярости и гнева. Значит, надо только прибрать мальчишек к рукам, подсказать, чтобы они не натворили глупостей, направить их по верному пути.

— Ну, вот что, — твердо сказала Таня. — Гранату я передам Виктору. И запрещаю вам без его разрешения что-либо предпринимать против немцев. Будете действовать только по его заданию...

Промысел

С продуктами в детском доме становилось все труднее и труднее. Дед Силантий, тетя Лиза и Таня целую неделю водили ребят на совхозное поле копать подмороженную картошку. Но ее становилось все меньше.

Скрепя сердце Ефросинья Тихоновна уменьшила детям дневной паек.

Из подмороженной картошки, отрубей и жмыха тетя Лиза пекла невзрачные, темные, разваливающиеся блинчики — «тошнотики», как их называли ребята.

«Если дети так будут питаться, они и до весны не доживут», — раздумывала Ефросинья Тихоновна.

Как-то раз Шурка и Родька сообщили Тане, что за последние дни им очень повезло и они раздобыли для детдома кое-что съестное.

Все началось с того, что они стали следить, как возчик Барсуков доставляет на Жужелице для офицерской столовой продукты. Третьего дня он вез из овощехранилища мешки с картошкой. За мостом, у поворота дороги, Барсуков остановил подводу и направился к дому знакомого полицейского Петрова, наверное, за тем, чтобы опохмелиться. За последнее время возчик частенько ходил пьяненький.

Шурка с Родькой, конечно, время даром не теряли. Скинули с подводы два тяжелых мешка с картошкой, волоком оттащили их в придорожные кусты, завалили хворостом, сухими листьями. И, притаившись за кустами, стали ждать, что будет дальше. Минут через двадцать Барсуков, покачиваясь — как видно, крепко опохмелился, — вернулся и, не заметив пропавших мешков, поехал дальше.

На другой день он вез со склада опять какие-то мешки и ящики. И все повторилось, как в первый раз. Барсуков отлучился от подводы, и Шурка с Родькой сумели стащить с нее тяжелый мешок с пшеном и поволокли его в сторону от дороги. Но не успели они спрятать мешок в придорожных кустах, как появился Мишка Барсуков и уставился на ребят выпуклыми зелеными глазами.

От неожиданности Шурка с Родькой замерли, в горле у них пересохло, и они даже выпустили из рук тяжелый мешок.

— Ну что, выследил-таки? — наконец с вызовом, хриплым, злым голосом бросил ему Родька. — Доносить будешь? Жаловаться? Давай, давай, торопись!

— Слышь! — с трудом сдерживая себя, просительно заговорил Шурка. — Мы это не для себя... для ребят. Знаешь, как у нас в детдоме голодно... Будь ты человеком, Барсуков!

— Дурачье вы... — скривился Мишка. — Кто же днем этим занимается? А если полицаи засекут... — И, кивнув на мешок с пшеном, он приказал ребятам поскорее оттащить его в кусты. Потом спросил, куда подевался отец.

— А ты будто не знаешь, с кем он возжается, — насмешливо кивнул Шурка на дом полицая Петракова. — Сидят, пол-литра на двоих дают...

— Его там в офицерской столовой требуют... будет ему теперь нагоняй, — хмуро сообщил Мишка, подходя к подводе. Оглянувшись по сторонам, он сбросил на землю ящик с макаронами и кивнул Шурке с Родькой. — А ну, не зевай... Прячь быстро!

Мальчишки не заставили себя просить, и ящик с макаронами молниеносно перекочевал в кусты.

Мишка направился к дому Петракова и вскоре привел отца к подводе. И вновь пьяненький возчик ничего не заметил...

А сегодня ребятам даже ничего не пришлось утаскивать с подводы Барсукова. Заглянув в кусты, они обнаружили среди них еще два мешка картошки.

— Что это с Барсуками стало? — удивился Шурка. — Неужели совесть заговорила, ребят пожалели...

И все же продуктов не хватало. Жители города почти не давали ни картошки, ни хлеба — у самих ничего не оставалось.

При встрече Таня спросила Виктора, где же обещанная помощь от партизан. Или они не знают, как плохо живет детдомовцам?

— Должны помочь, должны, — успокаивал Виктор. — Я уже дал туда знать. Потерпите еще немного... К тебе должен явиться один наш человек. Придет и скажет, что он от

Шурка с Родькой времени даром не теряли: скинули с подводы два мешка и оттащили в кусты.

Лесника, и спросит, не нуждаешься ли ты в дровах. Ты ему ответишь, что нуждаешься, особенно в березовых. Человек он надежный, можешь ему вполне довериться.

Ефросинья Тихоновна наконец не выдержала и заявила, что пойдет в городскую управу и расскажет о голодающих детях. Все же там люди, и они должны понять. Тем более, что городским головой немцы назначили Преловского. А он человек обходительный, добрый, интеллигентный и до прихода немцев работал инспектором облоно.

— Добрый!.. — усмехнулась Таня. — Просто предатель... На брюхе перед немцами ползает.

Но отговорить Ефросинью Тихоновну не удалось. Она разворошила весь свой гардероб, надела лучшее пальто с горжеткой из чернобурки, старомодную шляпу, похожую на огромную ватрушку, на нос нацепила пенсне с золотыми дужками — ни дать ни взять достойная, почтенная дама. Невзрачный костыль заменила резной клюшкой и, поддерживаемая тетей Лизой под руку, отправилась в городскую управу.

В кабинет к Преловскому она попала после двухчасового ожидания в приемной.

Городской голова, пожилой, представительный мужчина с седым клинышком бородки, долго не мог понять, чего хочет от него эта принаряженная, грузная, одутловатая дама. Когда же Ефросинья Тихоновна объяснила, в каком бедственном положении находится детский дом и как он нуждается в помощи управы, Преловский сухо перебил ее:

— Позвольте, мадам... Никакого детского дома в городе нет. Он выехал в неизвестном направлении и вывез все свое имущество.

— Так детишек же все равно много осталось. Бездомные, несчастные. Вот мы и приютили их в старом помещении.

— Очень похвально, — усмехнулся Преловский. — Но должен вам заметить, что городская управа на открытие подобного приюта разрешения не давала. Средств на его содержание у нас нет. Воспитатели и учителя, как известно, разбежались. Да, кстати, с кем имею честь разговаривать?

Ефросинья Тихоновна с горечью кивнула на клюшку.

— Сами видите... старуха, почти инвалид... Ткачева — моя фамилия... Раньше кастеляншей в детском доме работала.

— А теперь, значит, самостийный директор? Маловато, знаете ли, для занятия подобной должности.

— Уж какая там должность... нам бы только детишек накормить, от голода спасти.

— Да, кстати, кого вы собрали в этом своем приюте? — неожиданно спросил Преловский.

— Как кого? — удивилась Ефросинья Тихоновна. — Обыкновенные дети... мальчики и девочки. Есть малыши, есть постарше.

— И много среди них детей коммунистов? Партизан? Евреев?

— Кто их ведает! — растерянно призналась Ефросинья Тихоновна. — Мы же не считали... Документов не спрашивали.

— Так вот что, госпожа директорша — Преловский поднялся из-за стола, давая понять, что прием окончен — Представьте в управу список ваших воспитанников и подтвердите документами. Мы проверим. А пока продолжайте проявлять инициативу и на нашу помощь не рассчитывайте.

Поддерживаемая тетей Лизой, Ефросинья Тихоновна с трудом добралась до детского дома.

— А я еще надеялась... интеллигентный человек, просвещенец, детей пожалеет. Да у него же не сердце, а каменика в груди. Старая я, старая дура! — Она в сердцах сорвала горжетку, сняла кольца, серьги и все это сунула тете Лизе. — Неси на базар... Меняй. Хоть что-нибудь раздобудь для ребят.

Таню и Анну Павловну особенно встревожило сообщение Ефросиньи Тихоновны о проверке документов детдомовцев.

В этот же день Таня с учительницей засели за составление списка и личных карточек на каждого детдомовца.

Со многими дело обстояло благополучно, но было с десятков фамилий, которых никак нельзя было оставлять в списке: сыновья секретаря обкома партии, заведующего гор-оно, начальника милиции, дочери лекторши Фоминой, дети евреев.

— Что же делать-то? — озадаченно спросила Анна Павловна.

— Придется, видно, кое-кому срочно поменять фамилии.

Весь остаток дня Таня, Анна Павловна и Ефросинья Тихоновна по очереди вызывали ребят, подбирали им новые имена, фамилии и вновь составляли на каждого личное дело, потом общий список детдомовцев, в котором не осталось ни одной вызывающей подозрения фамилии.

Вечером Таня собрала в спальне всех ребят и объяснила, почему кое-кому даны новые фамилии.

«Я от Лесника»

Поздно вечером, когда Таня пробиралась в свою комнату во флигеле, ее неожиданно окликнули:

— Скворцова, обожди-ка!

Замерев, Таня остановилась. Вынырнув из-за угла флигеля, к ней приближался Барсуков.

— Вы зачем? Что надо? — хрипло выдавила Таня.

— Ну, здравствуй, Татьяна... Может, все же руку подашь?

Таня, сжав кулаки, молча сунула их в карманы.

— Понимаю, — усмехнулся Барсуков. — С холоум и шкурой лучше не разговаривать. Но все же меня послушай... есть для тебя новость. — Он оглянулся, помолчал и, наклонившись к Тане, совсем тихо добавил: — Не нуждаешься ли в дровах?

Таня продолжала молчать. Пароль был правильный, тот самый, что ей сообщил Виктор, но как-то не укладывалось в сознании, что этот опустившийся, обросший неаккуратной, клочковатой бородой человек в рваном полушубке, с кровоподтеком под глазом мог быть связанным с партизанами.

— Я от Лесника. Он жив-здоров. Спрашивает: не нуждаешься ли ты в дровах? — повторил Барсуков. — Да ну же... очнись...

— Нуждаюсь, особенно в березовых, — с трудом проговорила Таня.

— Ну, это — другое дело, — кивнул Барсуков. — Можно и поговорить. Лесник интересуется, как у вас дела в детдоме.

— Ой, Иван Данилович, — внезапно ослабев и прислонившись к перилам крыльца, шепнула Таня. — Что ж вы так долго не объяснялись? Совсем у нас плохо стало...

— Знаю, все знаю. — Барсуков отвел Таню за угол флигеля и сообщил, что по заданию Лесника он старался помочь детдомовцам, давая им возможность стащить с подводы кое-что из продуктов.

— Так вы знали об этом? — удивилась Таня. — И о картошке и о крупе с макаронами?

— Еще бы не знать. Только уж подмога-то мизерная. На ваши восемьдесят ртов разве столько надо? А больше у меня не получается никак. Но сейчас есть новости. От Лесника пришло сообщение, что партизаны отбили у немцев машину с продуктами, с солью и часть соли передают детскому дому.

— Соль! — Таня от радости даже приглушенно вскрикнула. Ведь соль теперь дороже любых денег! На нее можно выменять все что угодно: сало, муку, керосин, спички. — Где же она?

— Соль спрятана в лесу, в Зосимовском овраге. И теперь вся загвоздка в том, как ее переправить к вам.

— Это мы сумеем, — заявила Таня. — У ребят тележка есть. Они перевезут.

— Нет, так не годится! — Барсуков объяснил, что после нападения партизан на машину с продуктами немцы выслеживают и забирают каждого, у кого обнаруживают соль. Да и не выпустят ребят из города без пропуска. — Давай лучше так. Я достану тебе пропуск из комендатуры, и ты поезжай с ребятами в лес за дровами. — И он рассказал, как добраться до Зосимовского оврага.

— А где мы лошадь достанем? — растерянно спросила Таня.

— Жужелицу вы у меня можете взять. Только чтобы тихо. И вроде без моего ведома. А потом опять ее во двор ко мне загоните.

— Все понятно, Иван Данилович! — кивну-

ла Таня, и на душе у нее потеплело. Значит, там, в лесу, помнят о них, не забыли.

Она доверительно посмотрела на Барсукова.

— А вы, Иван Данилович, Леснику передайте... Наши ребята тоже кое-что для них приготовили. — Она назвала место в лесу, где было спрятано собранное оружие. — Партизаны могут себе забрать.

— Уже забрали, все чин по чину, — усмехнулся Барсуков. — Лесник просил спасибо вам передать.

— Как забрали? — удивилась Таня. — Кто ж им сообщил?

— Леснику, конечно, я сообщил, — помолчав, признался Барсуков. — Такая уж моя работа... На то я здесь и оставлен. А мне про тайник с оружием Виктор рассказал.

— Значит, вы с ним... — начала было Таня, но Барсуков остановил ее:

— Много об этом говорить не будем. Дело вроде ясное. Все мы одной веревочкой связаны.

В этот же день Таня собрала в Шатровой башне Шуркину компанию и сообщила, что собранное ими оружие и патроны партизаны переправили к себе в отряд.

Мальчишки просияли.

— А еще какое задание будет? — спросил Шурка.

— Есть задание... самое неотложное. — Таня рассказала, что партизаны в Зосимовском овраге приготовили для детдома три мешка соли.

За солью

Утром, взяв с собой Шурку, Родьку и Витола, Таня отправилась с ними в лес. Все было сделано так, как они договорились с Иваном Даниловичем. Она получила пропуск для поездки за дровами, а мальчишки по ее совету увели у Барсукова Жужелицу.

— Ну и пентюх этот Барсуков! — сообщил довольный Шурка. — Вывели лошадь со двора, запрягли в сани, а он так и не проснулся. Может, и не возвращать ему больше Жужелицу?

Но Таня сказала, что к вечеру лошадь надо обязательно вернуть обратно. Так будет лучше.

— И вообще вы не привязывайтесь к Барсукову.

— А что... он тоже, как Виктор?

— Что да как, сказать не могу, но он человек хороший, помогает нам.

Часа через полтора Таня с ребятами добралась до Зосимовского оврага.

— Теперь будем искать трехпалую сосну, — сказала она. — Соль где-то около нее.

Найти сосну оказалось не так уж трудно. Она действительно была приметная, с шероховатым, темным, неохватным стволом, из

которого, как вытянутые пальцы, тянулись к небу три медно-бронзовых ствола. Недалеко от сосны высилась припорошенная снегом куча хвороста. Раскидав ее, ребята обнаружили три грузных мешка.

Как по команде, их руки легли на грубую мешковину, и сквозь нее пальцы нащупали хрустящие зернистые комочки.

Это была соль! Лица мальчиков просияли. Так теперь же детдомовцы настоящие богачи! За эти хрустящие комочки они сумеют выменять, раздобыть все что угодно.

Перетащив мешки с солью в розвальни, ребята прикрыли их соломой, а сверху принялись накладывать хворост, жерди, бревна.

— Посуше дрова выбирайте, — предупредила Таня. — Чтоб лошадь не замучить.

Но воз все же получился высоким, тяжелым, раскидистым. Его туго перевязали веревкой, потом наломали охапку рябиновых веток с мерзлыми красными ягодами и тронулись в обратный путь. Таня вела Жужелицу под уздцы, а мальчишки шагали вслед за подводой.

Перед въездом в город лошадь на минуту остановили и решили, что Тане лучше забраться на воз, Родьке с Витолом идти позади подводы, а Шурке впереди.

С полчаса ехали спокойно.

Встречались хмурые, не улыбочивые горожане. Они волокли санки с мешками, катили самодельные тележки. Иногда подводу перегоняли грузовики с немецкими солдатами, вихрем пролетали мотоциклисты.

«Только бы не патруль... только бы про соль не догадались», — поживаясь, думала Таня. Неожиданно Шурка, шагавший впереди подводы, остановился.

— За поворотом патруль... — сообщил он. — Офицер и три солдата. Чего делать будем?

Таня посмотрела по сторонам: мостовая шла в глубокой выемке, сворачивать было некуда.

— Давайте ко мне! — Придерживая Жужелицу, она махнула мальчишкам рукой. Те забрались на воз.

— Глядите веселей. И давайте лучше споем, — предложила она и, взмахнув рукой, высоким голосом затянула:

— «Ах, полным-полна моя коробушка...»

Переглянувшись, мальчишки подхватили. Пели усердно, громко, хотя и не очень в лад.

Подвода порваньялась с патрулем. Подняв руку, рослый, щеголеватый офицер заставил остановить лошадь.

Оборвав песню, Таня протянула пропуск и, путая немецкие слова с русскими, принялась объяснять, что сейчас зима, дети замерзают и они ездили в лес за топливом.

Офицер окинул взглядом порозовевшее лицо девушки и, кивнув на ребят, усмехаясь, спросил, неужели юная фрау уже имеет трех сыновей.

Сделав усилие, Таня заулыбалась — нет, она еще очень молода и не замужем, а это

ее братья. Она назвала каждого по имени: Александр, Вольдемар, и Родион.

Теперь заулыбался и офицер. Он молодежато козырнул девушке и вернул пропуск — можно ехать и можно петь. Очень приятная песня.

Подвода приближалась к деревянному мосту. Около него расхаживали два полица. Вглядевшись, Таня узнала одного из них: Семенов. Этого улыбочкой не возьмешь. Говорят, что он старается почем зря: роется у прохожих в корзинах, сумках, не пропускает ни одной подводы.

Таня попридержала лошадь.

— А хотите, мы полицаев отвлечем, — шепнул Шурка, заметив ее растерянность. И он кивнул Родьке и Витолу: — Затевайте драку! Налетайте на меня. Будто мы с базара идем.

Мальчишки мигом очутились на дороге и завели потасовку. Они бросались друг на друга, размахивали кулаками, падали в снег. Шурка истошно вопил, вырывался от приятелей, отбегал в сторону и все ближе продвигался к мосту. Наконец он подбежал к одному из полицаев и схватил его за полу шинели.

— Дяденька Семенов! — плачущим голосом закричал он. — Чего они наших бьют, городских! Понаехали невесть откуда.

— Жулик ты, жулик! — входя в игру, пронзительно надрылся Витол. — Шпана базарная!

— Зачем у нас хлеб украл? — подхватил Родька.

Шурка спрятался за спину полица.

— Дяденька Семенов, врут они, врут. Я им за хлеб табак отдал. Две пачки.

— Все равно отнимем! — Родька с Витолом оторвали Шурку от Семенова и повалили на дорогу.

Потасовка началась у ног полицаев. Мальчишки катались по снегу, сплетались в клубок, награждали друг друга тумаками. Шурка замысловато ругался, вырывался, вскакивал, умоляя Семенова защитить его, и вновь кидался в драку.

У моста начали собираться прохожие.

— А ну, прекрати мордобой! — вышел из себя тучный, плосколицый Семенов, пиная сапогом в живой клубок. — Эй, Петраков! Чего смотришь?

Полицаи, ухватив мальчишек за шиворот, поставили их на ноги.

— Где хлеб? Где табак? Показывайте! — потребовал Семенов у ребят.

Родька с Витолом, крича, как галчата, вновь наперебой принялись жаловаться на Шурку; а тот, хныча и размазывая по щекам кровь из разбитого носа, скосил глаза и поискам подводу с дровами. И невольно ухмыльнулся. Подвода уже миновала мост и поднималась наизволок, к монастырю.

— Сами вы шпана, жулики! — весело заорал Шурка и снова кинулся на ребят.

— Забрать их! Обыскать! — распорядился Семенов и прикрикнул на собравшихся зевак, чтобы те расходились.

Полицай затолкали мальчишек в дощатую будку.

Но обыск ничего не дал: у ребят не нашли ни хлеба, ни табака. Получив от полицейских по хорошей затрещине, они побежали догонять подводу.

— А я уж думала, отправят вас куда-нибудь, — встретила их перепуганная Таня. — Крепко досталось?

— Да нет, — фыркнул Шурка. — По затрещине на брата.

Таня с ребятами сгрузили дрова около кухни, а мешки с солью втащили в подвал и закидали тряпьем.

На новом месте

К концу месяца Ефросинья Тихоновна получила предписание из городской управы освободить помещение для воинской части.

Ефросинья Тихоновна бросилась было в управу, разыскала Преловского, но тот только замахал на нее руками: приказ есть приказ, и он должен быть выполнен немедленно. И пусть самостийно возникший детдом размещает детей где угодно и не рассчитывает на помощь управы.

А наутро приехали на грузовике солдаты и по-хозяйски заняли помещение. Детские кровати, постели, тумбочки, все оборудование столовой и кухни было вытащено на улицу.

Воспитатели долго ломали голову, где же теперь расселить ребят? Виктор и Барсуков посоветовали Тане разместить детдом на окраине города, в совхозе «Городище».

Воспитатели осматрели совхозную усадьбу и решили ее занять. Другого выхода у них все равно не было.

В полдень длинная вереница детдомовцев потянулась из монастыря на окраину города, переноса на руках свой скудный скарб. Потом Шурка с разрешения Барсукова пригнал Жужелицу, запряженную в сани, и на них погрузили тяжелые вещи.

С переездом в совхоз работы детдомовцам прибавилось. Под жилье пришлось приспособить старую бревенчатую школу. Классы утеплили, поставили в них кирпичные печи-самоделки, застеклили разбитые окна или забили их досками и фанерой.

В совхозе было много старых сараев и амбаров, да и лес находился рядом — и детдомовцы не испытывали недостатка в топливе. А главное — немцы редко заглядывали в совхоз, и ребята здесь чувствовали себя куда свободнее.

Приближался Новый год. Таня и Ефросинья Тихоновна решили порадовать детей: устроить елку.

Девочки принялись клеить из цветной бумаги гирлянды, раскрашивать еловые шишки. Дед Силантий, побывав на базаре, выменял на соль немного грецких орехов и леденцовых петушков на палочках. Потом Шурка с Родькой забрались в дровяной сарай и принялись мастерить из осиновых чурок игрушки.

Эта затея возникла у Родьки, отец которого слыл в деревне искусным резчиком по дереву.

За работой ребята разговорились о событиях в городе. Позавчера сгорел льнозавод, в офицерский клуб кто-то подбросил мину, и она разнесла половину здания, третьего дня на окраине слышали перестрелку.

— А ничего, дают им жару-пару! — ухмыльнулся Шурка.

— И кто это орудует? — вслух подумал Родька. — То ли партизаны, то ли подпольщики?

Потом ребята вспомнили про Виктора. Куда он исчез? Вот уже больше недели не показывается в детдоме и не дает им никаких заданий.

— А давай чего-нибудь сами придумаем! — шепнул Родька. — Насолим фрицам к Новому году.

— Ну, ну, — остановил его Шурка. — Сказано же: никакой отсебятины. Слушать команду.

Не успел Родька ничего ответить, как скрипнули ворота, и в сарай кто-то вошел.

— Ты что? — послышался встревоженный голос Тани.

— Здесь никого? — Ребята узнали голос Виктора.

— Да одни мы, одни, — успокоила Таня. — Случилось что-нибудь?

— Случилось... Васю Погребова схватили, — вполголоса сообщил Виктор.

— Когда, где? — прошептала Таня.

— Только что... около станции. — И Виктор сбивчиво рассказал. На железной дороге партизаны уничтожили все водокачки. Уцелела только одна — на городской станции. И вот он получил из отряда приказ: уничтожить водокачку. Партизаны изготовили специальную толовую шашку и переправили ее Виктору. Осталось подбросить эту шашку в кучу угля около водокачки.

Дважды подпольщики пытались подобраться к водокачке, но ничего не получилось: часовые охраняли ее и днем и ночью. Сегодня они с Васей Погребовым сделали еще одну попытку и почти уже отвлекли часового, но тут патруль задержал Васю. Виктору едва удалось улизнуть.

— Что же теперь с Васей будет? — спросила Таня.

— Кто знает... Может, и выпустят: улики ведь против него никаких...

Виктор замолчал, потом достал из корзины, прикрытой сеном, увесистый кусок антрацита.

— Эту штуку я пока у тебя оставляю.

— Уголь? — удивилась Таня. — А я думала, мина какая.

— Она и есть. Толовая шашка вделана в кусок антрацита. Штука серьезная. Ты спрятать можешь?

Таня бережно уложила кусок антрацита в угол сарая и забросала дровами.

— А что с ней дальше будет?

— Думаю, все же поднести фрицам этот подарочек к Новому году, — помолчав, сказал Виктор. — Правда, нелегко это. Вот если бы из твоих мальчишек кто помог...

— Послать ребят с такой штукой? — Таня испугалась. — А если схватят... Лучше я сама с тобой пойду.

— Тебе нельзя. — Виктор покачал головой. — Ты при своем деле, при детях...

— Да что я, трусиха какая?.. От всего меня прячете. Сказала, пойду — и пойду.

— Ладно, — заколебался Виктор. — Я подумаю... А завтра решим.

Они вышли из сарая. Шурка с Родькой долго не могли выговорить ни слова.

— Она пойдет с Виктором, — наконец выговорил Шурка. — Пойдет... Я ее знаю...

— А ты слышал, что Первухин сказал? — заметил Родька. — Мы ему помочь можем.

Шурка возбужденно взглянул на приятеля.

— А что! Мы на станции все ходы-выходы знаем. Давай скажем Виктору, пусть берет нас с собой.

Родька покачал головой.

— Не возьмет. И Таня не пустит. Давай лучше сделаем все сами, без Тани и Виктора. Где толовая шашка лежит, мы знаем. Утром заберем ее и двинем на станцию... Будто за углем.

«Новогодний подарок»

В эту ночь Шурка с Родькой улеглись на одну койку и долго не могли заснуть, обдумывая план на завтрашний день.

Хотя они и знали на станции все ходы и выходы, но пробраться к водокачке было не так легко.

— А если живность какую на полотно выпустить? — шепнул Родька. — Помнишь, как часовые за поросенком гонялись, когда он у какой-то тетки из корзины вырвался?

— Откуда у нас живность? — вздохнул Шурка.

— А коза? — осенило вдруг Родьку.

— Чтоб малышей без молока оставить?

— Так она не доится. Ее продавать хотят.

На следующее утро ребята осторожно вывели козу из сарайчика и направились к станции.

Шурка нес в корзине «новогодний подарочек», притрусив его сеном, а Родька тянул упрямую козу за веревку.

У железнодорожного переезда мальчишек остановил полицейский и спросил, куда они ведут козу.

— А на базар, — бойко ответил Родька. — Знаете, какая она... Жрет мало, а молоком хоть залейся. Может, вы купите?

Полицейский брезгливо покосился на тощую козу:

— Давай, шаромыги, проваливай!

Отойдя от полицейского, ребята свернули в сторону и малолюдными переулками пробрались к станции. Недалеко от нее высилась кирпичная водокачка. От улицы ее отделяла серая железобетонная ограда, вернее, ее остатки. Вся она была в проломах, дырах и трещинах. Мальчишки с козой перелезли через один из проломов и, затаившись между штабелями старых шпал, осмотрелись.

До водокачки оставалось еще шагов двести. В нижней ее части помещалась кочегарка, у входа лежала гряда угля, тускло блестя куски антрацита. В эту кучу и надо было подбросить «новогодний подарочек». Вокруг водокачки, как лошадь на привязи, расхаживал часовой. Он пританцовывал, постукивал от холода ногой об ногу.

— Ага, прихватывает! — ухмыльнулся Шурка и кивнул приятелю. — Ну что ж, начнем... как договорились.

Родька достал из кармана ломоть хлеба — свою и Шуркину порцию к завтраку, дал козе немного откусить и, помахивая хлебом перед мордой козы, полез под вагон.

Соблазненная хлебом, коза охотно последовала за мальчишкой. Они подлезли под один состав, под другой, еще под один... А позади двигался Шурка с корзиной в руках и подталкивал козу.

Но вот составы кончились, впереди свободные рельсы, меж ними водокачка, и часовой около нее. Родька вытолкнул козу из-под вагона, с силой ударил ее кулаком в зад, и бедное животное, жалобно заблеяв, метнулось в сторону водокачки.

Часовой на какое-то мгновение опешил, но тут же схватился за автомат и по привычке закричал: «Хальт! Хальт!»

Это напугало козу еще больше. Она резко повернула обратно и заметалась между путями, потом помчалась к станции. Часовой дал очередь из автомата и побежал за козой, которая недалеко от семафора вдруг вырвалась и упала.

Этого момента Шурка только и ждал.

Выскочив из-под вагона он мигом пересек свободные пути, добежал до водокачки и, выхватив из корзины «новогодний подарочек», сунул его в кучу угля. И, не задерживаясь, бросился назад под вагоны, потом к пролому в ограде.

Здесь его уже поджидал Родька.

Потасовка началась у ног полицейев.

Ребята вернулись в детдом. Их встретила перепуганная Таня.

Пришлось обо всем ей рассказать.

— Ой, ребята! — призналась Таня. — Я извелась за эти часы. Но кто вам разрешил пойти на такое дело?

— Нельзя вам с Виктором на станцию ходить, нельзя, — упрямо заявил Родька. — Приметные вы очень...

Наступил канун Нового года. В детдоме зажгли елку. Силантий, нарядившийся детдом-морозом, раздал ребятишкам подарки, Таня затеяла с малышами у елки игры и танцы... А взрыва все не было.

Шурка с Родькой не находили себе места. Они молча переглядывались, поглядывали

на окна, чутко ко всему прислушивались, то и дело выбегали на улицу...

Водокачка взлетела на воздух под утро, когда детдомовцы крепко спали.

Об этом Тане и старшим ребятам сообщил перед завтраком дед Силантий, только что вернувшийся из города. Станция оцеплена солдатами и полицией, паровозы заправляют водой ведрами, на путях застряло немало составов, спешащих к фронту.

— Слушок идет, партизаны такой новогодний подарочек поднесли... Ай, орлы, ай, чапаи! — не мог сдержать своей радости Силантий.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Поздравляем
победителей
математического
многоборья!

Олимпиада ТРЕХ

СЛОВО ЖЮРИ

Мы получили около 2 000 писем. Внимательно прочли каждое и должны сказать: не было такой задачи, которая оказалась бы не по силам участникам нашей Олимпиады! Все 12 задач решены, и решены правильно. А ведь они были довольно трудные... Самым сложным препятствием оказалась одна из задач «Сосчитайки» («Сумма цифр — 1970»). Самой легкой ребятам показалась задача «Считаем ноги». На нее пришло больше всего ответов. Но многие ребята не полностью одолели это препятствие — дали только одно или два решения. А кое-кто понял начало условия так: «В комнате 10 человек, а кроме того, есть собаки и мухи». Надо быть внимательнее, в математических задачах каждое слово имеет значение.

Таня Зубко (пос. Башанта, Калмыцкой АССР) и еще несколько ребят выяснили, что Иван Царевич может назвать и 10, 100, 1 000 (ответ жюри — 100, 10, 1) и 100, 1 000, 10 000...

К сожалению, в «Битве шахматных королей» только один человек попытался строго доказать, что меньше 431 649 королей не хватит, — остальные отделялись общими фразами. Поэтому жюри считало задачу решенной, если был найден ответ.

«Не забывайте: одного ответа недостаточно, присылайте нам подробные решения», — писали мы, открывая Олимпиаду. Но увы! Часто в письмах только ответы. А как они получены, ребята не объясняют. Советуем перечитать в № 2 «Тайну ответа». Теперь — самое приятное.

12 задач = 12 ПРЯТЫЙ

Все 12 задач решили ШЕСТИКЛАССНИКИ Аркадий Поносов из Перми и москвичи Света Рубинштейн и Павел Баумштейн, СЕМИКЛАССНИЦЫ Ирина Берлянд (Новосибирск), Татьяна Раевская (Ленинград), Ася Эптова (Москва) и целый творческий коллектив — СЕМИКЛАССНИЦЫ Ира Задерман, Марина Гоникман и Юлия Рапопорт из Москвы.

Больше 10 задач сделали ПЯТИКЛАССНИКИ Сергей Коршунов (Монино, Московской области), Женя Красноштанов (Брянск), Андрей Мучник (Москва), Таня Фокина (Североморск); ШЕСТИКЛАССНИКИ Саша Григорян (Баку), Гена Насыров (Арзамас), Галина Юрина (Днепропетровск), Александр Кристаль (Ленинград), Таня Борисюк (Орск), Алексей Новодворский (Москва), Виктор Паньков (Минск); СЕМИКЛАССНИКИ Семен Элимелх (Брянск), Костя Бусел (Гомель), Александр Тюлягин (Кировоград), Павел Стратонович (Москва), Игорь Щелкунов (г. Петриков, Гомельской

области); ВОСЬМИКЛАССНИКИ Михаил Ткаченко (Калинин), Сергей Мазаник (Могилев), Виктор Криволякин (с. Поддубное, Воронежской области), Лариса Луйк (Одесса), Михаил Бухаров (Сызрань), коллективный участник олимпиады — МАТЕМАТИЧЕСКИЙ КРУЖОК семиклассников школы № 4 города Могилева; ДЕВЯТИКЛАССНИК Толя Лакеев (Иркутск). МОЛОДЦЫ!

А ТЕПЕРЬ ПРЕМИИ 3 НЕИЗВЕСТНЫХ

Премия будет вручена

Саше Григоряну — он (один из всех) попытался доказать в «Битве шахматных королей», что меньше 431 649 королей не хватит. Мише Шевченко из Москвы — он расправился с числом, сумма цифр которого — 1970. Интересно, что его решение очень похоже на решение жюри. Семиклассника из Москвы Николая Муратова мы тоже награждаем за эту задачу.

Премия будет вручена
шестиклассникам

Марку Сапиру из Свердловска (он изящно решил «Весы и монеты»). Как и жюри, в своем решении он интересовался парами монет).

Иinne Хусид из Орска — за первую задачу «Сосчитайки».

Из всех ответов на «Загадки шестого класса» жюри больше всего понравилась работа Наташи Полонниковой из Москвы. Кстати, она тоже шестиклассница.

За УПОРСТВО
в преодолении препятствий

Мы награждаем премиями тех ребят, у которых все присланные задачи решены правильно. Премии получают

ученики ЧЕТВЕРТОГО КЛАССА Настя Шуко (Горький), Игорь Ирошников (Москва), Аня Гладкая (г. Пальдиски, Эстонской ССР), Валентин Вайнштейн (Челябинск); ПЯТИКЛАССНИКИ Оля Ядренко (Киев), Светла-

НЕИЗВЕСТНЫХ закончилась

на Христофорова (Ленинград), Ира Гольдфильд (Ташкент), Наташа Куколева (Люберцы, Московской области), Алексей Соломахов (Москва); **ШЕСТИКЛАССНИК** Костя Ефимов (Челябинск); **СЕМИКЛАССНИКИ** Евгений Хухро (Новосибирск), Лена Данилова (Свердловск), Александр Левыкин (г. Райчихинск, Амурской области), Алсу Ильясова (г. Учалы, Башкирской АССР), Игорь Евдокимов (г. Мелекесс), Михаил Рогач (Архангельск), С. Жицков (п/о Рошша, Ленинградской области), Аркадий Вайнтроб (Калинин), Александр Ковалков (Новосибирск), Вл. Коробейников (г. Каменск-Уральский, Свердловской области); **ВОСЬМИКЛАССНИК** Фарид Рахманкулов (Челябинск), а также Саша Оркин из Ленинграда и Ольга Высочкина из Новокузнецка (они оба не указали, в каком классе учатся).

«Какие будут призы?» — спрашивает Таня Дюкова из Якутии. Победителям мы пошлем Наградной лист Трех Неизвестных и математические книги с автографами авторов. А самая большая награда — заработанные знания.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ОЛИМПИАДЫ ИЗ № 3 (продолжение)

СОСЧИТАЙ-КА

Всякое целое число можно записать в виде $3X + R$, где X — частное от деления на 3, R — остаток (если число кратно трем, то $R = 0$, иначе $R = 1$ или 2). Если числа при делении на 3 дают в остатке 1, то их произведение дает тот же остаток: $(3X + 1) \cdot (3Y + 1) = (9XY + 3X + 3Y) + 1$. Так же можно показать, что если два числа при делении на 3 дают в остатке 2, то их произведение дает остаток 1. Значит, числа $776 \cdot 776$ и 778 , а следовательно, и числа $776 \cdot 778$ и $776 \cdot 776$ при делении на 3 дают в остатке 1. Число 777 делится на 3, и, значит, вся сумма при делении на 3 дает в остатке 2.

* Квадрат числа, кратного 3, кратен 3; квадрат числа, не кратного 3, при делении на 3 дает в остатке 1 (см. предыдущее решение). Обозначим данное число через X^2 . Если последняя его цифра — не 9, то сумма цифр числа $X^2 + 1$ равна 1971, $X^2 + 1$ делится на 3 без остатка, а X^2 дает в остатке 2, значит, X — не целое число. Если последняя цифра у X^2 — девятка, то сумма цифр числа $X^2 - 2$ равна 1968, и опять X не может быть целым.

* Последние две цифры произведения определяются последними двумя цифрами множителей. Выпишем последние две цифры первых 11 степеней девятки: 09, 81, 29, 61, 49, 41, 69, 21, 89, 01, 09. Так как 9^{11} оканчивается теми же

ЖЮРИ РАДУЕТСЯ...

ЖЮРИ ЗАВИЛЯЕТСЯ...

ЖЮРИ

ЖЮРИ СОВЕТУЕТ...

Для многих ребят ответ на задачи Олимпиады был первым письмом в «Пионер» (надеемся, не последним!). «Мне очень нравятся задачи Трех Неизвестных», — пишет Володя Кровиков из Пензы. Мы рады!

Все задачи Олимпиады были решены. Очень хорошо! Приятной неожиданностью было то, что задачи Олимпиады решали ученики всех десяти классов школы: и первоклассники Костя Степанов из Харькова, Оля Чернова из города Обь, Новосибирской области, Андрей Васильченко из Киева и десятиклассник Иван Филиппов из Паневежиса, Литовской ССР.

Как только ребята не понимали запись 9^{999} (девять в степени девятьсот девяносто девять)! И как 9×999 и как $9,999...$ Мы думаем, что эту проблему легко можно было решить со своим учителем. Удивлены, что многие этого не сделали. А запись эта означает, что 9 надо взять множителем 999 раз (а, например, 9^3 означает $9 \cdot 9 \cdot 9 = 729$).

Мы советуем всем нашим читателям разобраться в ответах на задачи Олимпиады (они напечатаны в прошлом и этом номерах). Наградой вам будет удовольствие от работы.

«Как мне быть с задачками, когда я хочу их решать, но не могу?» — пишет Вая Богуславская из Киева. Это очень важный вопрос. Ответ только один — работать. Решать другие задачи. Не падать духом при неудачах. И снова решать задачи.

Нельзя не восхищаться упорством Жени Соифертиса (Киев): «Я бился над этой задачей 7 дней», — пишет он о «Загадках шестого класса». Но напрасно ты думаешь, Женя, что в «этой задаче нечетко сформулировано условие». В № 9 ты прочитаешь решение и увидишь, что все в порядке.

Мы ответили на все письма, присланные в «Пионер». Но некоторые писали почему-то и в МГУ, и в ВМШ, и, наверно, еще куда-нибудь. И, кроме того, не можем же мы писать на конверте: «Бреван. Вите Степаняну» — как стоит в конце одного из писем. Не забывайте про обратный адрес!

В анонимном письме из Харькова, написанном зелеными чернилами, нам понравилось решение задачи «Футбольный чемпионат». Но как ответить этому человеку? Отзовись!

По поручению жюри А. ОРЛОВ, директор Вечерней математической школы при МГУ.

цифрами, что и 9^1 , то при дальнейшем возведении девятки в степень эта последовательность будет периодически повторяться с периодом 10. Значит, последние две цифры числа 9^{999} те же, что и у числа 9^9 , то есть 89, а $9^{999} + 1$ оканчивается на 90, то есть одним нулем.

* Обозначим это число буквой Z. При делении $Z + 1$ на 1967 получается остаток 70, а при делении на 1968 остаток 69. Обозначая частные от деления $Z + 1$ на 1967 и 1968 буквами X и Y, имеем $Z + 1 = 1967 \cdot X + 70 = 7 \cdot (281 \cdot X + 10)$, $Z + 1 = 1968 \cdot Y + 69 = 3 \cdot (656 \cdot Y + 23)$. Так как $Z + 1$ кратно 7 и 3, то $Z + 1$ кратно 21, и при делении Z на 21 получается в остатке 20.

* Ясно, что 31^{11} меньше, чем 34^{11} . Но $34^{11} = 17^{11} \cdot 2^{11} = 17^{11} \cdot 2048$, а $17^{14} = 17^{11} \cdot 17^3 = 17^{11} \cdot 4913$. Отсюда видно, что 17^{14} больше, чем 34^{11} .

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

ПЛАН КАЛАБАШКИНА

А. ВЕРЕТЕННИКОВ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

— Мне нужна медаль, — сказал Валерка, пристально глядя на меня. — Нет, не шоколадная, а самая настоящая — «За спасение утопающих».

— Так ведь ты же плавать не умеешь!

— Во-первых, я немного умею, а во-вторых, это не имеет значения. Без медали мне из лагеря возвращаться нельзя. Забыл наш разговор с Лимонкиной?

Я вспомнил. Перед отъездом у Калабашкина была неприятная беседа с Татьяной Лимонкиной, девчонкой ехидной, не в меру языкастой и глумливой.

— Тебе нельзя ехать в пионерский лагерь, — сказала Лимонкина. — Ты утонешь.

— Посмотрим, — ответил Валерка. — Может, я еще чемпионом по плаванию стану.

— И получишь медаль «За спасение утопающих»! Что ж, я согласна на медаль, — сказала Татьяна. — Будем следить за газетами. Про тебя напишут: «Так поступают пионеры», — и ты скажешь корреспонденту: «Ничего особенного. Любой на моем месте сделал бы то же самое».

— Посмотрим, кто будет смеяться последним, — мудро ответил Валерка.

Я совершенно забыл об этом пустячном разговоре, а у Валерки он, видно, не выходил из головы.

— Ну, и что же ты думаешь делать? — спросил я.

— Получу медаль, и поможешь мне в этом ты.

— Как?

— Очень просто. У тебя во время купания судороги бывают?

— Нет, не бывают.

— Плохо! Это нам необходимо. Для полного успеха операции.

— Я не совсем пони-маю...

— А тут и понимать нечего. Ты что, не можешь при-твориться?

В общих чертах план Калабашкина был таков. Во время купания мы с ним незаметно уходим от всех. Я заплываю на середину реки. Потом «сводит» ногу, и я кричу: «Спасите, тоню!» Калабашкин бросается на выручку, и я незаметно помогаю ему добраться до берега, когда подбегут ребята; я буду лежать без чувств, а Валерка делает мне искусственное дыхание. Потом его награждают медалью. Все просто до гениальности!

...Вначале все шло по плану. Мы прошли метров полтора вдоль берега, потом я поплыл, а Калабашкин остался на берегу.

Доплыв до середины реки, я дико взыв, стал бить руками по воде, кричать: «Тоню!» и «Спасите!» Сквозь пелену брызг я видел, как бултыхнулся в воду Валерка. Теперь мне оставалось только ждать, изредка погружаясь с головой в воду, булькать и звать на помощь.

Вдруг на помощь мне бросился еще кто-то, в черных плавках и красной шапочке. Да ведь это Виктор, наш вожатый! От неожиданности я на самом деле хлебнул воды. Что же делать? У Виктора первый разряд по плаванию, он мчится, словно катер на подводных крыльях, а Калабашкин уже едва переводит дух всего метрах в двадцати от берега.

Через несколько мгновений я почувствовал сильные руки Виктора. Мы быстро приближались к берегу, а Валерка плыл навстречу и что-то кричал. Прислушавшись, я так обозлился, что едва не забыл о нашем уговоре.

— Кулаком его, Виктор Андреевич, кулаком по голове, а то он и вас на дно потянет!

«Ну, погоди, я покажу тебе «кулаком по голове»! Тебя бы за такие слова кулаком по голове, — сердился я. — Тоже мне, друг называется!»

Тем временем Виктор вынес меня на берег и в присутствии всего отряда (какой стыд!) принялся делать

искусственное дыхание. Завкрыв глаза, я прислушивался к голосам ребят.

— А Калабашкин-то молодец! Сам плавает неважно, а друга выручать бросился.

— Смотрите, глядите, Калабашкин тонет! — вдруг крикнул кто-то.

Несколько человек бросилось в воду. Когда Калабашкина вытащили, вожатый приказал всем уйти и принялся его откачивать. Я уже не вызывал у него опасений.

Когда Виктор на какое-то мгновение отвернулся, я изо всех сил лягнул Калабашкина, а потом пожалел: придется ему краснеть перед Лимонкиной. Не хотел бы я быть на его месте!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ТУРНИР

Правь Колес.
Ты пригласи-
ешь на Турнир.
Когда край
Светила
Коснется
Заловедного
Леса, спеши
Да сопутствует
тебе
Рыцарь
Колес
Вдоль
Площади

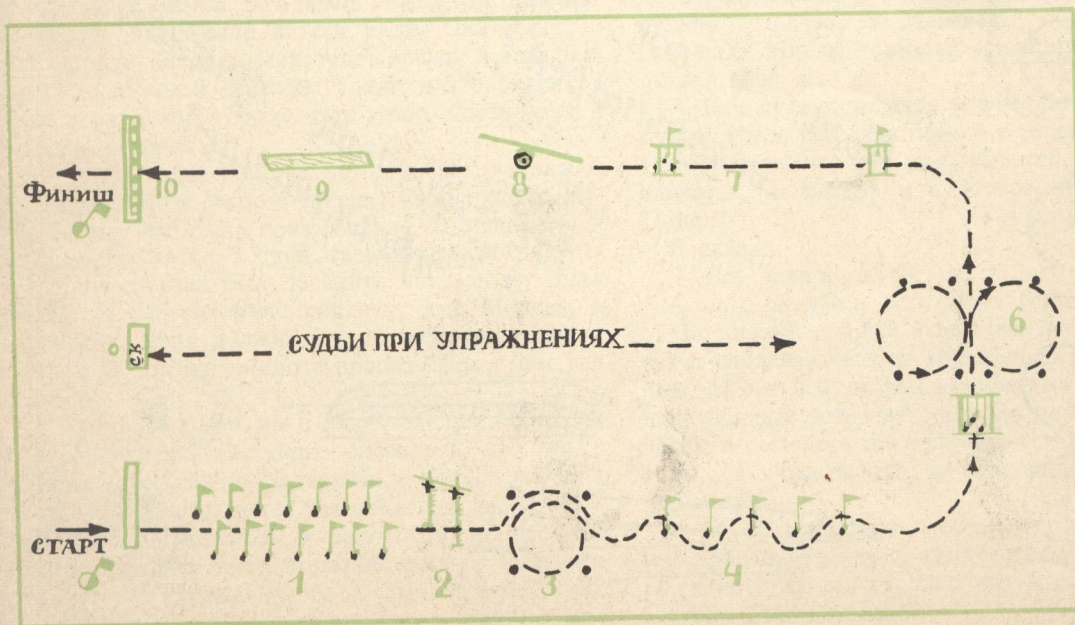
Кто прислал тебе приглашение? Наверняка тот, кто прочитал этот номер! Не прислал еще? Тогда во все концы разошли гонцов ты.

Турнир всадников на колесах, повелителей скорости, покорителей далей, победителей препятствий — состязание для тех, кто смел и сноровист. Нет, нелегкое это дело — с честью выйти из всех десяти хитрых испытаний. Нелегкое, значит, интересное, не так ли?

Ровная площадь есть и в лагере, и на сельской улице, и в городском дворе. Рыцарей велосипеда повсюду великое множество. Рыцарей-арбитров и рыцарей-секретарей, ведущих счет очкам и штрафам, тоже долго искать не придется. Они без труда составят Правила Честной Борьбы и придумают Славные награды, глашатаи торжественно оповестят о них всех прибывших на турнир. Можно начинать.

Испытание первое — самое легкое. Перед тобой коридор из флажков. Десять метров — десять флажков с обеих сторон. Коридор не узок, не широк, руль велосипеда свободно проходит между ними плюс еще десять сантиметров. Проехать по коридору с любой скоростью, какая тебе по душе, но не сбить ни одного флажка — вот задача.

Испытание второе — легкое, но не очень. Ухитрись проскользнуть под планку, да так, чтобы она не шевельнулась. Высота планки для подростковых велосипедов — 1,2, для взрослых дорожных — 1,3 метра.

Испытание третье — не легкое, но и не трудное. Впереди круг. Диаметр его для подростковых велосипедов — 3 метра, для дорожных — 4. И тебе предстоит проехать по кругу три раза, не спуская ног с педалей. Все четыре флажка должны остаться целы.

Испытание четвертое — скорее трудное, чем легкое. Пять флажков расставлены по прямой на расстоянии 1,6 метра для подростковых велосипедов и 2 метра — для взрослых дорожных. Попробуй-ка

проехать между ними «змейкой», не задев ни одного флажка...

Испытание пятое — трудное. Сумеешь проехать в воротца и не задеть мячей или мешочков с опилками ни рулем, ни головой, ни локтями, ни плечами? Ширина ворот — 1,5—2 метра, высота среднего мяча над землей — 1,3 метра для подростковых велосипедов и 1,4 — для дорожных, высота двух других — 0,8 метра. Расстояние между ними — ширина руля плюс десять сантиметров.

Испытание шестое — головоломное. В трех или четырехметровом квадрате расставлены по углам четыре флажка. А объехать их надо, чтобы получилась «восьмерка».

Испытание седьмое — хитрое. На площадке два ящика, наполненных песком. Расстояние между ними — 25 метров. Из одного ящика на-

до на ходу подхватить флажок и поставить в другой, да так, чтобы он не упал.

Испытание восьмое — виртуозное. Еще бы! Надо прокатиться по качающейся доске да к тому же съехать с нее плавно, без прыжка.

Длина доски — 6 метров, ширина — 30—35 сантиметров. Один конец ее со стороны въезда длиннее на полметра, чтобы доска легко возвращалась в прежнее положение. Надо ли говорить, что доска должна быть прочно прикреплена к бревну (диаметром 25—30 сантиметров).

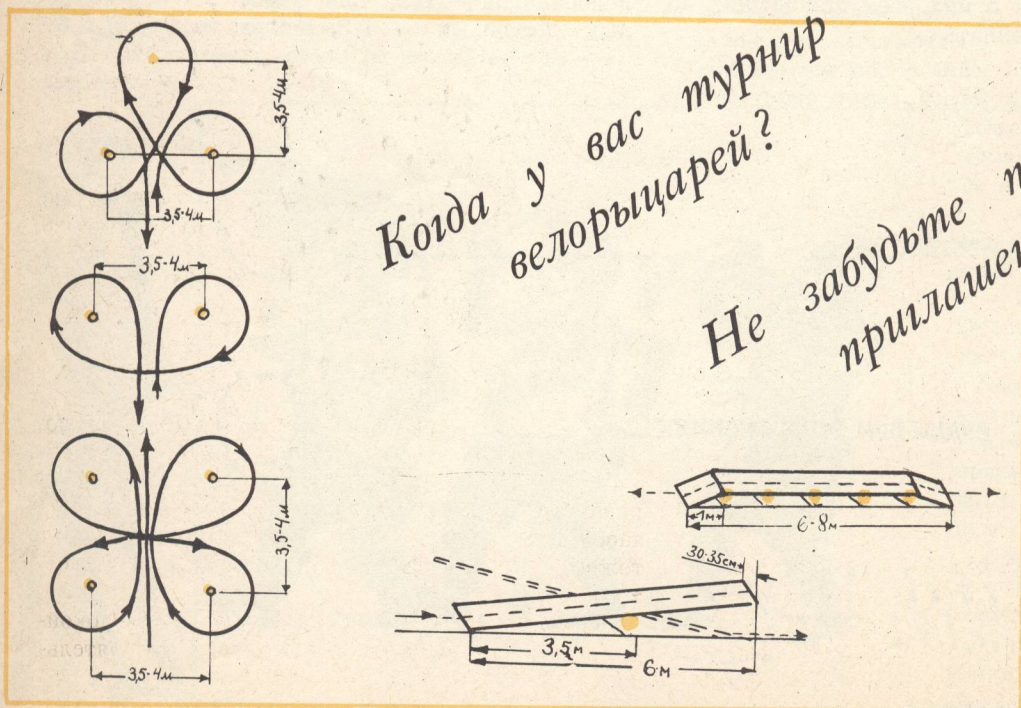
Испытание девятое — по сравнению с другими чепуховое. Лежит перед тобой доска. Длина доски — 6—8 метров, ширина — 12—15 сантиметров. И по ней надо прокатиться на любой подходящей скорости, только — чур! — не съезжать с нее наземь.

Упражнение десятое — последнее. Сумей так рассчитать движение, чтобы при полном торможении велосипеда остановиться передним колесом точно на линии «стоп». Это и будет конец соревнования, финиш.

Ты понимаешь, конечно, что число испытаний можно уменьшить и увеличить, упростить их или сделать еще более сложными. Например, флаг-эстафету можно заменить стаканом, наполненным водой, или набрасыванием колец на стойки.

Вместо «восьмерки» в программу турнира можно включить «бабочку» и добавить к «бабочке» еще и «трилистник» и «галстук» (эти фигуры даны отдельно на рисунке). Словом, составьте такую программу, которая была бы достаточно легкой, чтобы ее можно было выполнить, и достаточно трудной, чтобы ее хотелось выполнять.

**В. БЕРЕЗКИН, почетный судья
всесоюзной категории.**

Когда у вас турнир
велорыцарей?

Не забудьте прислать
приглашение!

Виктор ДРАГУНСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Прошлую субботу и воскресенье я был в гостях у Димки. Это такой симпатяга, сын моего дяди Миши и тети Гали. Они живут в Ленинграде. Если у меня будет время, я еще расскажу, как мы с Димкой гуляли и что видели в этом прекрасном городе. Это очень интересная и веселая история.

А сейчас будет простая история, как я должен был прилететь к маме в Москву. Это тоже занятно, потому что было приключение. В общем-то, я на самолете летал, а один, самостоятельно, ни разу! Меня должен был посадить на самолет дядя Миша. Я благополучно прилечу, а в Москве, в аэропорту, меня должны будут встретить папа и мама. Вот как интересно и просто было у нас все задумано.

А к вечеру, когда мы с дядей Мишей приехали в Ленинградский аэропорт, оказалось, что где-то произошла какая-то задержка с транспортом, и из-за этого много людей, не попавших на московские рейсы, скопилось в аэропорту, и высокий складный дядька толково разъяснил нам всем, что дело обстоит так: нас много, а самолет один, и поэтому тот, кто сумеет попасть в этот самолет, тот

и полетит в Москву. И я дал клятву попасть именно в этот самолет: ведь меня папа будет обязательно встречать в Москве.

И дядя Миша, услышав эти приятные новости, сказал мне:

— Как только сядешь в самолет, помаши мне рукой, тогда я тотчас побегу к телефону, позвоню твоему папе, что ты, мол, вылетел, он проснется, оденется и поедет в аэропорт тебя встречать. Понял?

Я сказал:

— Все понял!

А сам подумал про дядю Мишу:

«Бот какой добрый и вежливый. Другой бы довез и наплевал, а этот еще и позвонит моим родным. И вот я буду как эстафета. Он позвонит, а папа приедет встречать, и я без них, один, только часок в самолете посижу, да и там, в самолете, тоже все свои. Ничего, не страшно!» Я опять сказал вслух:

— Вы не сердитесь, что со мною одни беспокойства, я скоро научусь один летать, самостоятельно, и не буду вас столько утруждать...

Дядя Миша сказал:

— Что вы, милостивый государь! Я очень рад! А Димка как рад был тебя повидать! А тетя Галья! Ну, держи! — Он протянул мне билет и замолчал. И я тоже замолчал.

И тут неожиданно началась посадка на наш самолет. Это было столпотворение. Все кинулись к самолету, а впереди всех бежал я, за мной все остальные.

Я добежал до лестнички, там наверху стояли две милостивые девушки. Просто красавицы. Я бегом взбежал к ним и протянул билет. Они меня спросили:

— Ты один?

Я им все рассказал и прошел в самолет... Я уселся у окна и стал глядеть на толпу провожающих. Дядя Миша был неподалеку, тут, я стал ему махать и улыбаться. Он эту улыбку поймал, сделал мне под козырек и тотчас повернулся и зашагал к телефону, чтобы позвонить моему папе. Я перевел дух и стал оглядываться. Народу было много, и все торопились скорее сесть и улететь. Время уже было позднее. Наконец все устроились, разложили свои вещи, и я услышал, что запустили мотор. Он долго гудел и рычал. Мне даже надоело.

Я откинулся на сиденье и тихонько закрыл глаза, чтобы подремать. Потом я услышал, как самолет двинулся, и я широко открыл рот, чтобы уши не болели. Потом ко мне подошла стюардесса, я открыл глаза, у нее на подносе было сто или тысяча маленьких кисловатых да и мятных тоже конфет. Моя соседка взяла одну, потом взяла вторую, а я взял сразу пяток и еще штучки три-четыре или пять. Все-таки конфеты вкусные, угощу ребят из класса. Они возьмут с охотой, потому что эти конфеты воздушные, из самолета. Тут уж не захочешь, а возьмешь. Стюардесса смотрела на эти мои конфетные операции, стояла и улыбалась: мол, берите, сколько вашей душе угодно, нам не жалко! Я стал сосать и вдруг почувствовал, что самолет пошел на снижение, я припал к окну.

Моя соседка сказала:

— Смотри, как быстро прилетели!

Но тут я заметил, что впереди под нами появилось множество огней. Я сказал соседке:

— Вот поглядите, Москва!

Она стала смотреть и вдруг запела басом:

«Москва моя, красавица...»

Но тут из-за занавески опять вышла стюардесса, та самая, которая разносила конфеты. Я обрадовался, что сейчас она будет раздавать еще. Но она сказала:

— Товарищи пассажиры, ввиду плохой погоды московский аэропорт закрыт. Мы прилетели обратно в Ленинград. Следующий рейс будет в семь часов утра. На ночь устраивайтесь по мере возможности.

Тут моя соседка перестала петь. Все вокруг сердито зашумели.

Люди сходили с лестницы и шли себе спокойно домой, чтобы утром прийти обратно. Я не мог идти спокойно домой. Я не помнил, где живет дядя Миша. Я не знал, как к нему проехать. Пришлось мне придерживаться компании

тех, кому негде ночевать. Их тоже было много, и они все пошли в ресторан ужинать. И я пошел за ними. Все сели за столик. Я тоже сел. Занял место. Тут недалеко стоял телефон-автомат междугородный. Я позвонил в Москву. Кто бы вы думали снял трубку? Моя собственная мама. Она сказала:

— Алло!

Я сказал:

— Алло!

Она сказала:

— Плохо слышно. Кого вам нужно?

Я сказал:

— Анастасию Васильевну.

Она сказала:

— Плохо слышно! Марию Петровну?

Я сказал:

— Тебя! Тебя! Тебя! Мама, это ты?

Она сказала:

— Плохо слышно. Я только и слышу: «Бя, бя, бя». Говорите раздельно по буквам.

Я сказал:

— ЭМ — А, ЭМ — А, МАМА, это я.

Она сказала:

— Дениска, это ты?

Я сказал:

— ЭМ — А, ЭМ — А, я вылечу завтра в семь часов утра. Наш московский аэропорт закрыт, так что все благополучно. Пусть ПЕ — А, ПЕ — А ВЭ — ЭС — ТРЕ — ТИТ ЭМ — Е — НЯ — МЕНЯ!

Она сказала:

— ХЭ — А — РЭ — А — ШЭ — О!

Я сказал:

— Ну, будь ЗЭ — ДЭ — О — РО — ВЭ — А!

Она сказала:

— ЖЭ — ДЭ — У! Папа выйдет встречать ровно в семь!

Я положил трубку, и у меня сразу стало легко на сердце. И я ушел ужинать. Я попросил принести себе котлеты с макаронами и стакан чая. Пока я ел котлеты, я подумал, увидев, какие здесь широкие, удобные стулья: «Э-э, да здесь прекрасно можно будет поспать на этих стульях».

Но куда я ел, случилось чудо: ровно через полминуты я увидел, что все стулья, совершенно все, заняты. И подумал: «Ничего, не фон-барон, выплещу и на полу! Вон сколько места!»

Просто чудеса в решетке! Через полсекунды смотрю — весь пол занят: пассажиры, авоськи, чемоданы, мешки, даже дети, просто ступить некуда. Вот тут я даже обзавелся! Потом я пошел, осторожно ступая меж сидящих, лежащих и полужающих людей. Просто пошел погулять по аэровокзалу. Гулять среди спящего царства было неловко. Я посмотрел на часы. Уже половина двенадцатого. И вдруг я дошел еще до одной двери, на которой было написано: «Междугородный телефон»! И меня сразу осенило! Вот где можно прекрасно поспать. Я тихонько открыл обитую войлоком дверь. Стоп! Пришлось сразу отпрыгнуть: там уже устроились двое. Дядек. Офицеров. Они смотрели на меня, а я на них.

Потом я сказал:

— Вы кто такие?

Тогда один из них, уса́тый, сказал:

— Мы подкидыши!

Мне стало их жалко, и я спросил по глупости:

— А где же ваши родители?

Усатый скорчил жалобную рожу и как будто заплакал:

— Пожалуйста, прошу вас, найдите мне мою папу!

А второй, который был помоложе, захохотал, как тигр. И тогда я понял, что этот усатый шутит, потому что он тоже засмеялся, а за ним засмеялся уже и я. И мы хохотали теперь уже втроем. И они поманили меня к себе и потеснились. Мне было тепло, но тесно и неудобно, потому что все время звонил телефон и ярко горела лампочка.

Тогда мы написали на газете крупными буквами: «АВТОМАТ НЕ РАБОТАЕТ», — и молодой вывернул лампочку. Звонки затихли, света нет. Через минуту мои взрослые друзья задали такого храпака, что просто чудо. Похоже было, будто они пилят огромные бревна огромными пилами. Спать было невозможно. А я лежал и все время думал о своем приключении. Получалось очень смешно, и я все время улыбался в темноте. Вдруг раздался громкий, совершенно незаспанный голос:

— Вниманию пассажиров, летящих рейсом Ленинград—Москва! Самолет «ТУ-104» номер 52-48, летящий вне расписания, вылетает через пятнадцать минут, в четыре часа пятьдесят пять минут. Посадка пассажиров по предъявлению билетов с выхода номер два!

Я мгновенно вскочил, как встрепанный, и принялся будить моих соседей. Я говорил им тихо, но отчетливо:

— Тревога! Тревога! Подъем, вам говорят!

Они сейчас же вскочили, и усатый нащупал и вернул лампочку. Я объяснил им, в чем дело. Усатый военный тут же сказал:

— Молодцом, парень! Я с тобой теперь в любую разведку пойду. Не бросил, значит, своих подкидышей?

Я сказал:

— Что вы, как можно!

Мы побежали к выходу номер два и погрузились в самолет. Красивых девушек-стюардесс уже не было, но нам было все равно. И когда мы поднялись в воздух, военный, который был помоложе, вдруг громко расхохотался.

— Ты что? — спросил его усатый.

— «Автомат не работает», — ответил тот. — Ха-ха-ха! «Автомат не работает»!..

— Надпись забыли снять, — ответил усатый.

Минут через сорок примерно мы благополучно сели в Москве, и когда вышли, то оказалось, нас совершенно никто не встречает. Я поискал своего папу. Его не было... Не было нигде. Я не знал, как мне добраться до дому. Мне было просто тоскливо. Хоть плачь. И я, наверное, поплакал бы, но ко мне вдруг подошли мои ночные друзья, усатый и который помоложе. Усатый сказал:

— Что, не встретил папа?

Я сказал:

— Не встретил.

Молодой спросил:

— А ты на когда с ним договорился?

Я сказал:

— Я велел ему приехать к самолету, который вылетает в семь.

Молодой сказал:

— Все ясно! Тут недоразумение. Ведь вылетели-то мы в пять!

Усатый вмешался в нашу беседу:

— Встретятся, никуда не денутся! А ты на «козлике» ездил когда-нибудь?

Я сказал:

— Первый раз слышу! Что это еще за «козлик»?

Он ответил:

— Сейчас увидишь. — И они с молодым замахали руками.

К подъезду аэропорта подъехал маленький кургузый автомобиль, залитый и грязный. У солдата-шофера было веселое лицо. Мои знакомые военные сели в машину. Когда они там уселись, у меня началась тоска. Я стоял и не знал, что делать. Была тоска. Я стоял, и все. Усатый высунулся в окошко и сказал:

— А где ты живешь?

Я ответил. Он сказал:

— Алиев! Долг платежом красен?

Тот откликнулся из машины:

— Точно!

Усатый улыбнулся мне.

— Садись, Дениска, рядом с шофером. Будешь знать, что такое солдатская выручка. Привезем Красное солнышко к самому Новому году.

Шофер дружелюбно улыбался. По-моему, он был похож на дядю Мишу.

— Садись, садись. Прокачу с ветерком! — сказал он с хрипотцой.

Я сейчас же уселся с ним рядом. Весело было у меня на душе. Вот что значит военные! С ними не пропадешь. Я громко сказал:

— Каретный ряд!

Шофер включил газ. Мы понеслись.

Я крикнул:

— Ура!

Алеша примчался из школы домой и сел у открытого окна. Скоро два часа, а Калинки все нет. Стрелки старинных стенных часов неукротимо двигались по своему кругу. Хорошо им, стрелкам, крутись себе и крутись, а каково ему, Алеше? Три минуты ждет, пять, семь с половиной...

Вдруг рядом с Алешей кто-то тихонько засмеялся.

Алеша удивленно обернулся и на книжной полке увидел Калинку.

— Здравствуй, Калинка! Вот ты где? Спускайся скорее!

— Здравствуй, Алеша! Я нашла на полке книжку и зачиталась. «Капитан Врунгель»! Помнишь, как он кашу варил? Великий хвастун был... вроде тебя.

— Почему вроде меня? — обиделся Алеша.

— Кто сегодня в классе хвастался?... Вы со мной в походе не пропадете, я и костер разожгу, и суп сварю, и рыбы наловлю... Я то, я другое, я, я, я... Посидела у вас в классе на окошке, послушала, и так мне стыдно стало за тебя, что моя шапочка наполовину покраснела. Умеешь делать то, чего не умеют другие, не хвастайся. А если еще и не умеешь, то это просто болтовня.

— Ты обещала меня научить...

— Обещала и научу. А что бы ты стал делать, если бы меня за-

хватил в плен Змей Горыныч и я не смогла бы прилететь?

Алеша засмеялся.

— Змея Горыныча нет, он волшебный!

— Я тоже волшебная, но я есть. — Калинка надела свою наполовину покрасневшую шапочку и исчезла, а потом — «динь-дон-динь» — сняла ее и снова сидит на полке и болтает ногами в красных сапожках. — Часы вот у тебя волшебные.

— Вот эти? — Алеша даже пятился. — На стене?

В это время часовая пружина заскрежетала, и часы сказали:

— Да, да...

— А что они могут?

Калинка почтительно посмотрела на часы.

— Очень многое. Я так рассердилась на тебя. Залетела сюда на минутку, хотела оставить записку и улететь, а часы мне сказали, что ты готовился к походу и кое-чему научился. Что ты умеешь делать?

Калинка посмотрела на Алешу черными веселыми бусинками-глазами, коса ее — тик-так — качнулась влево-вправо.

— Только рюкзак собирать. Меня научил брат Боба Сухарева, он настоящий турист, на Памире был... Калинка, если тебя Змей Горыныч в плен захватит, часы об этом узнают?

— Узнают.

— Ну тогда ничего не бойся, я тебя спасу. Не думай, это не болтовня. Я никогда не буду ни хвастуном, ни болтуном... Спускайся ко мне, начнем сборы.

Калинка поставила «Врунгеля» на ту полку, откуда взяла, и — фьюить! — маневрируя калиновым листком, спустилась к Алеше.

— Этот листок передай, пожалуйста, Марине или Лёке. Не забудешь?

— Не забуду, а теперь смотри, Калинка,

— Ведро? — Калинка взглянула на часы, словно посоветовалась с ними, и хлопнула в ладоши.

В ту же секунду с потолка, прямо из люстры, — Алеша даже посмотрел, нет ли в потолке дыры, — упал котелок. И не какой-нибудь новенький, блестящий, а слегка погнутый, слегка покореженный, с навеки вьезшейся копотью, но отдранный на славу.

— Это мне?

— Тебе, но будь осторожен, котелок чуть-чуть волшебный и не любит, когда в нем что-нибудь подгорает, он тогда мрачнеет, и каша или суп получаются совершенно невкусными. А если повар ему нравится, то он и песни поет.

— Песни? Котелок? Какие?

— Всекие. Будешь внимательным шеф-поваром, услышишь. А сейчас надевай семимильные сапоги, что стоят за дверцей часового футляра, и отправимся мы с тобой костры разжигать и кашу варить.

Алеша постарался не удивляться, а просто надел эти самые семимильные сапоги (точно такие же, как у Калинки, только еще и с отверстиями), взял котелок, спички и... оказался на зеленой поляне в совершенно неизвестном лесу. Но рядом на пенёчке стояла Калинка, значит, все было так, как должно было быть.

Калинка сказала:

— ЗАПОМНИ ТРИ КОСТРОВЫХ ЗАПОВЕДИ:

костер нельзя раскладывать под деревьями — может случиться пожар; на траве костер не устраивают, надо снять верхний слой дерна; для костра берут только сухняк, рубить деревья для костра — позор. А теперь давай сложим толстые ветки треугольником, внутрь положим бумажки и мелкие ветки и подожжем. Видишь, огонек побежал по веточкам, а мы ему еще веточек подбросим. А теперь потолще. Вот костер и разгорелся. Можно котел ставить. Но нас двое, а котелок немножко волшебный, поэтому мы из одного сделаем три маленьких и будем готовить три блюда.

Не успел Алеша глазом моргнуть, как на толстой березовой перекладине висели три котелка.

ВОТ КАК Я СОБЕРУ РЮКЗАК

Алеша положил на дно запасные носки и футболку, маленькое полотенце и мыльницу с мылом. Сверху — пластиковый пакет с продуктами: пять вымытых картошки, морковь и луковичку, сахар в пластмассовой коробочке, хлеб, пакетик с пшеном (примерно стакан) и банку сгущенного молока. Ложку, кружку и маленькую алюминиевую миску завернул в целлофан и тоже положил в пакет с продуктами. Блокнот, карандаш, спички, перочинный нож и фляжку с водой поместил в боковой карман рюкзака.

— Соль забыл. Шеф-повару лучше взять побольше, в эту баночку из-под горчицы. И еще заверни в бумажную салфетку несколько лавровых листьев и горошин черного перца.

— Это будет мой шеф-поварский секрет?

— Да. Теперь надень рюкзак. Не режет? Прекрасно собран рюкзак, молодец! А что ты наденешь в поход?

Алеша показал кеды, вымытые и высушенные, бумажные и шерстяные носки, джинсы, футболку и свитер.

— Очень хорошо. А продуктов хватит?

— Ребята еще купят на всех чай, несколько банок тушенки и масла. Они понесут эти продукты, а я возьму еще футбольный мяч и ведро для каши. Мы все распределили справедливо.

ЧАЙ

— Туристский суп должен быть густой. На одну порцию — 1,5 стакана воды, 1 картошину, четверть морковины, 1,5 столовой ложки крупы, четверть банки мясных консервов. Лук и специи — по желанию повара.

Котелок на пять литров накормит 13 туристов.

Наливаем воду в котелок, солим и бросаем туда лук и крупно резанную морковь и накрываем крышкой. Как только закипит, снимем пену и бросим крупно нарезанную картошку. Еще раз закипит, снимем пену и попробуем. Мало соли — добавим. Рис, пшено или гречку (конечно, крупа должна быть промыта) бросаем в кипящий суп и переставляем котелок на менее жаркий участок. Пусть кипит, но не бурно. Минут через десять добавляем консервы и специи (на большой котелок три лавровых листика и десять горошин перца). Еще минут через десять пробуем, достаточно ли соли и сварилась ли картошка. Суп готов, ароматный и очень вкусный! Если нет мясных консервов, можно заправить суп сливочным маслом.

— Знаешь, Калинка, котелок, как жется, поет. Слышишь?

— Суп сварил.
Забыл про кашу.
Буль-буль-буль!

— Он над нами напрасно смеется, мы про кашу не забыли.

ЗАПОМНИ: все крупы при варке увеличиваются в объеме. Гречневая, пшенная, ячневая, перловая крупы — в 3,5 раза. Рис — в 4—5 раз. Манная и «Геркулес» — в 5—6 раз.

НАСТОЯЩАЯ ТУРИСТСКАЯ КАША

— В котелок с кипящей водой бросишь хорошо промытое пшено. Завернешь крышкой и дашь десять минут покипеть, потом осторожно помешаешь ложкой и сольешь воду, с этой водой уйдет горечь, которая портит вкус каши. Дольешь горячую воду из другого котелка, добавишь по вкусу соль, гущенное молоко и масло и доваришь при слабом кипении. Снимешь кашу с огня, завернешь котелок в газеты, а потом во что-нибудь теплое. Пусть так постоит полчаса. На 1 кг крупы — 3,5 литра воды, 2 столовые ложки соли, 2 банки гущенного молока и 300 г сливочного масла.

Гречневая, рисовая, пшеничная, перловая варятся так же, только воду сливать не надо, причем гречневую кашу и рис опускают в соленую воду, а гущенное молоко можно заменить сахаром. Да не забудь, что крупу предварительно надо перебрать, отбросить соринки и необрушенные зерна.

— Котелок с водой поставь на огонь, когда снимешь кашу с огня. Как только вода закипит, скорее снимай: если вода сильно перекипит, чай будет невкусный. Чай засыпай из расчета $\frac{1}{2}$ чайной ложки на кружку. Поставь пять минут, осторожно помешай ложкой, и можно пить. С сахаром, вприкуску, очень вкусно.

— Ой, Алешка, джинсы твои от травы зеленые, а рубашка в смоле. Придешь домой, разведи в горячей воде обычную соль и смой всю зелень, а потом простирай с мылом. Смоляные пятна смоешь горячей мыльной водой, добавив на стакан воды чайную ложку соды или нашатырного спирта. Оставшиеся следы надо протереть ацетоном или скипидаром. Сделай все это сразу, как вернешься.

— Придется. А сейчас давай обедать.

Калинка с Алешей пообедали по-туристски.

Потом консервные банки закопали, все бумажки до единой собрали и сожгли, кострище залили водой и накрыли снова дерном.

Оглянулись кругом — поляна такая зеленая, такая чистенькая, как будто на ней никто не был, костров не жег, супов и каш не варил.

— Придут сюда другие туристы, посмотрят вокруг и сразу поймут, где костер раскладывать, чтобы такую красивую поляну не испортить. И, уходя отсюда, все сделают, как мы: и банки под кострище закопают, и бумажки все до единой соберут и сожгут, и костер дерном заложат, а сверху знак оставят — охапку сушняка, перевязанную этой красной ленточкой, — сказал мечтательно Алеша.

ВОТ ЧТО БЫЛО НА КАЛИНОВОМ ЛИСТЕ

Ну, как? Нравится? Очень симпатичные, правда? И тебе, Лёна, и тебе, Марина, такие брюки сшить можно — обе худенькие, длинноногие, спортивные, а вашей подруге Наташе не советую. Она слишком любит булочки и совсем не занимается спортом, брюки ей не пойдут.

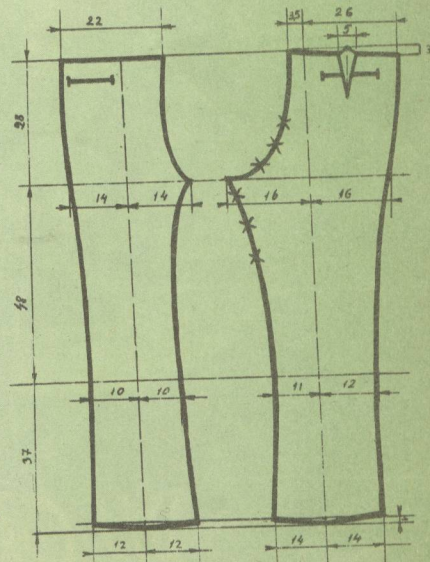
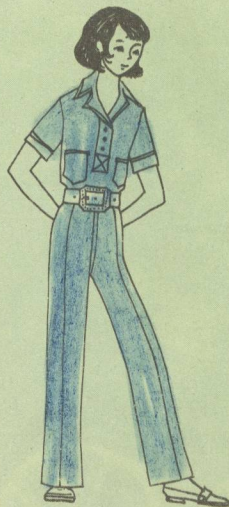
По этой выкройке можно сшить брюки и 44-го размера (объем бедер — 96 см) и 40-го размера (объем бедер — 88 см). Будете кроить 44-го размера, прибавьте по сантиметру на швы, а на шов сидения — 3 см. Для 40-го размера убавьте по линии выкройки на сантиметр.

До раскроя ткань прогладите для усадки через мокрую тряпку. Раскроите все детали, прогладите с левой стороны, а задние части брюк сложите вместе и прогладьте, сильно растягивая обе детали одновременно, так, чтобы шаговый шов и шов сидения (в указанных крестиках местах) вытянулись на сантиметр.

Потом сметайте все детали, слегка загладьте складки (по пунктирным линиям) и сделайте первую примерку. Где нужно, выпустите или уберите в швы. Складки должны находиться точно посередине коленки. Если складки отходят наружу, то шаговый шов надо спереди поднять, а если складки уходят внутрь, шаговый шов опустите.

Затем застрочите вытачки и все остальные швы, кроме застежки и шва сидения. Разгладьте все швы и сделайте вторую примерку. Теперь пришивайте впереди застежку «молнию» и самым последним прострочите шов сидения.

На третьей примерке проверьте длину и

приладьте пояс. Все внутренние швы обметаете, брюки последний раз хорошо отутюжьте и... надевайте. Беатлонка или спортивная рубашка завершат ваш наряд.

Пешкин поздравляет победителей

Это было еще зимой. Многие из вас, ребята, побывали тогда на новогодней елке у Пешкина и приняли участие в конкурсе Деда Мороза. Более тысячи писем прислали друзья Пешкина. Долго разбирали решения Дед Мороз и Пешкин, но так и не успели к третьему номеру подвести итоги. Зато теперь уже все ясно.

Задачи Деда Мороза решаются так.

В позиции, которую составила электронная машина, к мату в два хода ведет отступление коня на а3.

Во второй задаче белого короля надо поставить на а7 или а6. Тогда после 1. Фd6! получится мат в два хода.

В третьей задаче для того, чтобы получился мат в четыре хода, белого ферзя надо поставить на с2 или b3.

Вот что пишет ученица седьмого класса Тania Буряк:

«Имея ферзя на b3, белые играют 1. c4 cb 2. c5 ba 3. Фс2 а2 4. Фс1 мат. Если же ферзь стоит на поле с2, следует 1. c4 cb2. Фb3 ba 3. Фс2 а2 4. Фс1 мат».

Правильно решить все задачи удалось немногим ребятам. «Грамотами ферзя и лады» Пешкин награждает Сережу Кострицкого из молдавского села Онишканы, Виктора Семанина из деревни Кукуевка, Орловской области, Таню Буряк из Каховки, Николая Нефедова из села Кырен, Бурятской АССР, и других ребят.

А теперь о том, как решаются задачи из журнала № 1. Задачи эти трудные, и ясно, почему. Ведь за правильное решение их Пешкин присваивает спортивные разряды.

Задачу № 1 решает только ход 1. Фb8—h2! И если 1... Ah3: h2, то 2. Ke1—f3 мат.

У задачи много заманчивых, но ложных решений. На подводные рифы этой коварной позиции наскоки многие участники заочно соревнования.

Вторую задачу решает превращение пешки d6 в различные фигуры: 1. d6—d7 e5: f4 2. d7—d8C; или 1... e5: d4 2. d7—d8A. К мату в три хода ведет и 1. d6—d7 Кре6—d6 2. d7—d8K, а в случае 1... Кре6—f7 белые играют 2. d7—d8Ф +

В этюде к цели ведет хитрое продолжение 1. Cf4—e3 + Кра7—b7 2. e6—e7 Ла1: а3 3. Се3—a7!

Многие ребята думали, что этюд решается ходом 1. e6—e7. Но это неправильно. Тогда после 1... Ла1—e1 + 2. Кре5—d6 Le1: e7. Белые выиграть не могут, хотя у них

Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ

лишние слон и пешка. Эта пешка находится на крайней вертикали, а поле ее превращения белое, в то время как слон f4 действует только по черным полям. Это теоретическая ничья, белые не в состоянии вытеснить черного короля с поля a8.

Всем своим друзьям Пешкин советует снова внимательно разобрать три позиции из журнала № 1, сверить свои решения с теми, что напечатаны в журнале.

Среди приславших правильные решения первых заданий Володя Новиков (г. Сатка, Челябинской области), Марик Эренбург (Свердловск), Саша Логинов (Куйбышев), Сережа Фролов из поселка Первомайский, Архангельской области, ребята из шахматного кружка Бердянского Дворца пионеров.

Почта Пешкина

Сегодня в почтовом отделении Пешкина много забот. Лихие шахматные кони примчали новые письма, новые вопросы, решения, задачи. Пешкин взялся за работу. Прежде всего он решил ответить на вопросы.

КОЛЯ НИКОЛАЕВ из поселка Горбатовка, Горьковской области, спрашивает: можно ли поставить на доску новую пешку, если король пройдет до крайней линии?

Нельзя, Коля, такого правила нет.

МОСКВИЧ МИША ЦУКЕРМАН спрашивает: в какую сторону ходят пешки на диаграммах, которые печатаются в журнале?

На диаграммах первая горизонталь всегда самая нижняя. Значит, белые пешки идут снизу вверх.

АНДРЕЙ ОБОЖИН из Свердловска, **ИГОРЬ ГИНДЛЕР** из города Хмельницкий и **РАФИК МИРМЯН** из города Дашкесан, Азербайджанской ССР, просят объяснить: делают ли в задачах ходы и белые и черные?

Конечно. Игра и в задачах идет по обычным шахматным правилам.

ПАВЛИК НИКОЛЬСКИЙ из Омска спрашивает: вы пишете в журнале «слон», а у нас ребята называют эту фигуру «офицером». Как правильно?

«Офицер» — старинное название, так называли эту фигуру лет сто назад. Правильно — «слон».

Потом Пешкин занялся задачами. Шестиклассница **Ира Лемешева** из Ташкента прислала Пешкину свою задачу-двухходовку.

Вот позиция задачи: белые Кр g1, Фb5 Кd4 Кe3. Черные Кра2. Начиная игру, белые дают мат в два хода.

Ира пишет: «Конечно, моя задача легкая, но ведь это самая первая задача, которую я придумала».

Задача простая, к тому же у нее несколько решений (1. Кс4, 1.

Kd1, 1. Фb3 +), и все же Пешкин считает, что Ира молодец. Он уверен, новые задачи Иры будут интереснее и труднее.

Ученик четвертого класса Саша тоже прислал задачу, но она не обрадовала Пешкина. Пешкин вспомнил, что он где-то уже видел эту задачу. Перелистал календарь и сразу же нашел ее. Если Саша будет переписывать чужие задачи да еще выдавать их за свои, то он никогда ничему не научится.

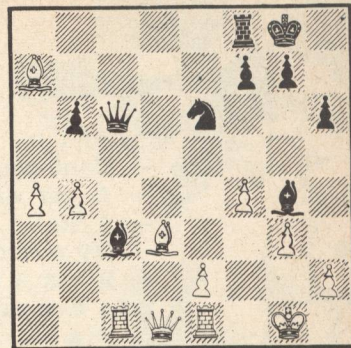
А вот какое письмо прислал **Сергея Гарин** (Московская область). «Я увлекаюсь химией, — пишет Сергей, — и люблю шахматы. А мой товарищ Слава много занимается математикой. Он говорит, что шахматы мешают успехам в науке. Так ли это?»

Пешкин не согласен с Сергеем. Многие русские ученые увлекались шахматами. Очень любил шахматы, например, великий русский химик Д. И. Менделеев. Отправляясь в дорогу, ученый обязательно брал с собой шахматы. Он склеил складную шахматную доску с квадратиками, куда вставлялись картонные фигурки.

В 90-х годах прошлого столетия Д. И. Менделеев играл с прославленным русским чемпионом М. И. Чигориным.

Выдающийся русский математик академик А. А. Марков не раз побеждал в соревнованиях и даже играл матч по переписке с М. И. Чигориным.

Другой известный математик, профессор Московского университета Н. В. Бугаев, в конце прошлого века не раз играл с тогдашним чемпионом мира Эм. Ласкером. Н. В. Бугаев разработал свою дебютную систему, начинающуюся ходом 1. b2—b4.

На диаграмме вы, ребята, видите отложенную позицию из партии Д. И. Менделеева, он записал ее в одной из своих тетрадей. Противником Д. И. Менделеева был П. А. Ленци. К сожалению, неизвестно, кто играл белыми и как закончилось сражение.

Сейчас ход белых. Хотя у них больше пешек, положение их опасно.

Напишите нам, как вы расцениваете шансы сторон, как могла бы продолжаться борьба.

Лучшие анализы Пешкин отметит «Грамотой ферзя и ладьи».

Два новых задания

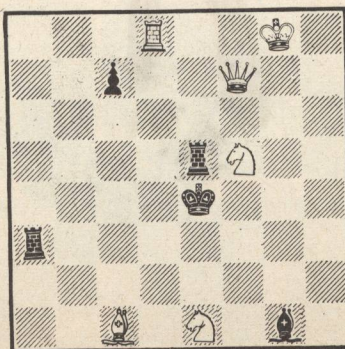
А сейчас за дело, участники конкурса! Пешкин предлагает вам восьмое и девятое задания.

На следующей диаграмме задача, в которой мат достигается в два хода. Игру, как обычно в задачах, начинают белые.

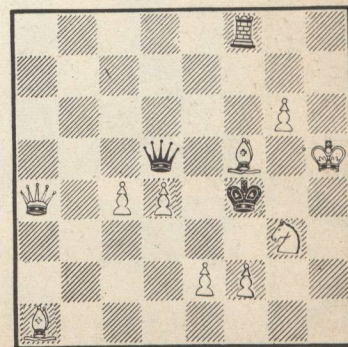
Пешкин ждет ваших писем, друзья!

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода черному королю.

8-е задание

9-е задание

НОВОСТИ С СОРОЧЬЕГО ХВОСТА

- Папочка, помоги мне решить задачу.
- А ты над ней думал?
- Думал.
- Ну и что же ты придумал?
- Я так и не решил, что лучше: спросить у тебя или завтра списать у Коли.

— Что это с моими часами? Нужно отдать их почистить.

— Не нужно, мамочка. Мы с Валею уже мыли их в ванне.

— Папа, чернила дорогие?

— Нет, а что?

— Тогда я никак не пойму, почему мама так вчера сердилась, когда я пролил их на диван.

— Мама, я сделал себе скрипку.

— Молодец! А где ты взял струны?

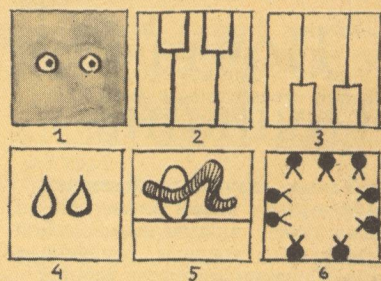
— Из пианино.

ИЗ СОРОЧЬЕЙ ПОЧТЫ

В клуб «Сорок сорок» пришло такое письмо: «Меня зовут Женя Борисов. Я живу в городе Череповце, учусь в пятом классе, «ПИОНЕР» выпускаю первый год. Я очень люблю придумывать друдлы. Друдлы я придумываю сам».

Нам понравились забавные рисунки-загадки Жени Борисова, и мы решили некоторые из них опубликовать.

ЧТО ЗДЕСЬ НАРИСОВАНО?

Мастер — золотые руки

Сороки
Рисуют

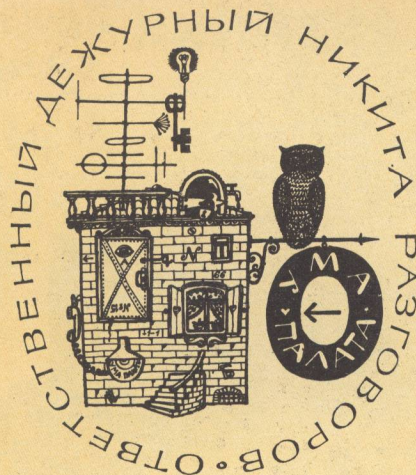
— кто там?

Без слов...

Сорока — модница

ГОВОРЯТ ЛАДОНИ И ПАЛЬЦЫ

Сообщение Жививки — нашего лесного корреспондента

Недавно я побывал в африканских джунглях и вместе с группой охотников принимал участие в большой охоте.

Охотники бесшумно пробирались по зарослям и делали друг другу какие-то знаки руками. Я внимательно смотрел на руки охотников и увидел, что в каждом жесте было удивительное сходство с каким-нибудь животным или птицей. Когда, например, охотники видят обезьяну, они поднимают раскрытую ладонь. Этим жестом они хотят сказать: «Как человек».

Я сделал несколько фотографий, чтобы и вы могли увидеть, какие знаки подают друг другу охотники.

Попробуйте отгадать, каких зверей и птиц мы видели в джунглях. Справа вы видите зашифрованные подписи к фотографиям: одинаковые значки в них обозначают одинаковые буквы. Если вы расшифруете хотя бы одну подпись и отгадаете одного зверя, ответ наведет вас на след других.

- 1) + □ ⊠ ◇ △ +
- 2) ○ ◇ ⊠ ⊥
- 3) □ — ⊠ — ◇ ◇ ⊙ ◇
- 4) ◇ Z ♀ 8 ◇ ⊠ ◇ ○
- 5) □ Z ⊠ ◇ ●
- 6) ∨ — ^
- 7) 8 ◇ — ○ ♀ ⊠ I ◇

Здесь охотники показывают, как они изображают других зверей, которые им могут встретиться. К этим фотографиям я не сделал подписей. Что это за звери?

Однажды, одержав полную победу над резинками, карандаши запретили им разговаривать друг с другом. Но хитрые резинки нашли все-таки способ передавать друг другу разные сведения.

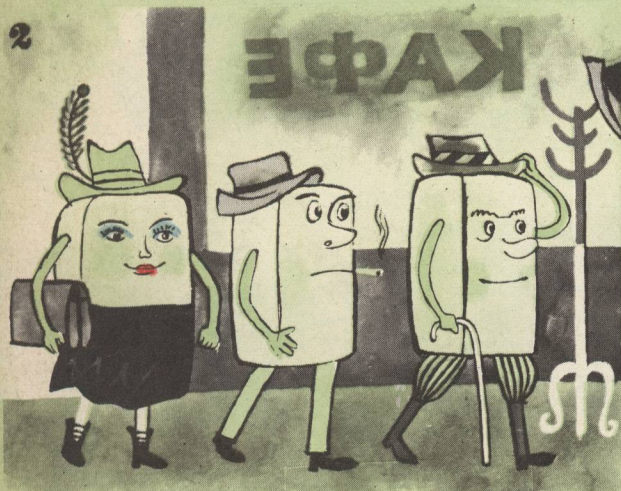
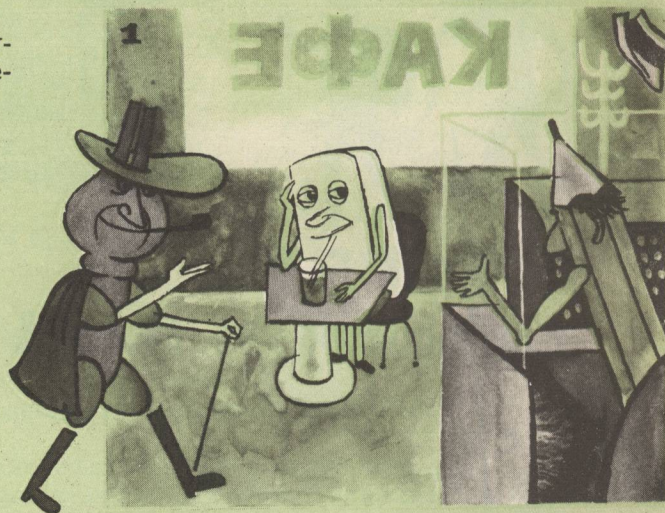
— Интересно, как они это делают? — подумал я и начал внимательно наблюдать за резинками.

1. Как-то я зашел в кафе. За столиком сидела резинка и пила виноградный сок. Сидевший за кассой карандаш не сводил с нее глаз.

2. Через некоторое время в кафе появились еще три резинки и тоже заказали себе по стакану сока.

3. Резинки не подходили друг к другу и не обменялись ни единым словом, но когда они собрались уходить, я уже точно знал, кто из них передал и уносит с собой тайные сведения.

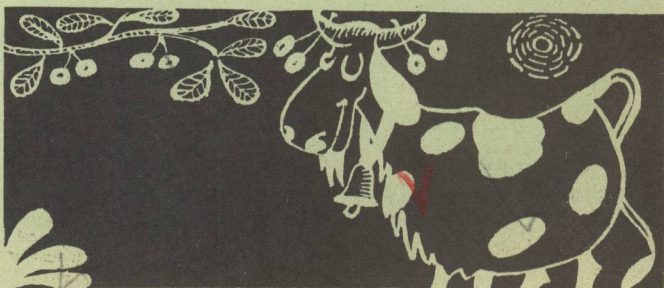
А ВЫ ДОГАДАЛИСЬ?

НЕГО
и
ПОЗИ

Перед вами опять рисунки Него и Позы. Помните, как они рисовали? То, что Него рисует справа, Позы — слева. То, что Него рисует красит одним цветом, Позы — другим. Посмотрите внимательно на рисунки и скажите, чем они отличаются друг от друга.

ПЕРЕД ОТВЕТСТВЕННЫМ МАТЧЕМ

Бразильская футбольная команда приехала в столицу Чили Сант-Яго. В отеле, где остановились спортсмены, оказалось только десять свободных номеров. А в футбольной команде было одиннадцать человек, и бразильцы требовали, чтобы каждого поместили в отдельную комнату.

Тогда портье попросил первого и второго игроков временно занять вдвоем первый номер. А остальных он проводил:

третьего игрока — в № 2,
четвертого — в № 3,
пятого — в № 4,
шестого — в № 5,

седьмого — в № 6,
восьмого — в № 7,
девятого — в № 8,
десятого — в № 9.

Когда все были размещены, администратор вернулся в первый номер и попросил одного из игроков занять десятый номер. Теперь все футболисты получили по отдельному номеру.

—Если и мы в игре будем такими же находчивыми, как наш администратор,— говорили бразильцы,— победа нам обеспечена.

А как вы думаете: победят ли футболисты, если они последуют примеру портье?

В КВАДРАТЕ

В этом квадрате шестнадцать букв. Прочитайте предложение, которое здесь написано. А читать нужно так: нашли одну букву, ищите другую, которая стоит рядом.

Буква может стоять справа, слева, вверху, внизу, но не по диагонали.

—Я советую, грузья,
Начинать вам с буквы Я.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Ответы на задачи из № 5

КАВЕРЗЫ РЕЗИНОК И КОЗНИ КАРАНДАШЕЙ
Виноват карандаш, который читает газету «Чернильница». Он оставил около резинки свою газету «Наконечник»

ВО ЧТО ИГРАЮТ БЕЛКИ

В этой игре все преимущества у второго игрока. Он после того, как первый игрок оторвал один или два лепестка, тоже отрывает столько же, а оставшиеся лепестки мысленно делит на две равные части и затем каждый раз берет из одной части столько лепестков, сколько только что взял первый из другой.

Вот, к примеру, как идет игра. У ромашки четырнадцать лепестков. Первый игрок оторвал один лепесток. Второй тоже отрывает один, но уже с противоположной стороны. Теперь с двух сторон остается по шесть лепестков. Второй игрок повторяет ходы первого игрока и обязательно выигрывает.

СЛОВА-НЕВИДИМКИ

1. Корма, мрак, комар. 2. Клякса, ласка, скала. 3. Пятка, тряпка, тяпка.

Ловись, рыбка...

Вот и пришла пора рыбалок. Как всегда, лучшее время для ловли на удочку — утренняя и вечерняя зорьки. Однако, не зная, где и на что ловить в июне, нечего и думать о хорошем улове.

Но, чтобы быть молодцом, не оплошать перед хитрой щукой, бойким окунем, неуловимым подлязком, надо кое-что хорошенько запомнить.

Щуке подавай ерша

Щука давно уже выметала икру, и сейчас ей только подавай живца — рыбешку, насаженную на крючок.

Но какую рыбешку? Живого-преживого ерша. До чего ж она любит эту «колючку»!

Ерша нетрудно поймать на поплавочную удочку. Держать его лучше в ведерке с водой, которую надо как можно чаще менять. На крючок ерша насаживайте, пронзив сначала нижнюю, а затем верхнюю (через ноздрю) губу.

Проглотив живца, щука моментально, как бы ни крепка была леска, перегрызет ее — и поминай как звали хитрую бестию! Но перехитрить ее совсем нетрудно: оснастите конец лески тонким металлическим поводком длиной 15—20 сантиметров и к нему привяжите крючок. Поводок ей не перегрызть.

Опускайте живца на самое дно, пусть он там крутится вокруг да около тяжелого скользящего грузила. Но только чтобы непременно крутился, а не стоял как вкопанный на одном месте.

Мелкая рыбешка обычно держится близ берегов, у прибрежных трав, где находит для себя пищу. Тут ее и подстерегает щука. И рыболову надо придерживаться этих мест.

На майского жука

Как много их летает в эти июньские дни, особенно под вечер! Иной сослепу ткнется вам в затылок и давай путаться в волосах, неистово жужжать.

Наловите майских жуков, положите их в коробочку и идите на реку. Взмах удильщиком, и насаженный на крючок майский жук ложится на воду. Увлеченная течением, лакомая насадка все дальше и дальше уплывает от рыболова и скрывается под водой.

Не взял! Ну что же, закинем еще разок, еще, еще, и вот, наконец, насадка схвачена. Не тащите сильно, дайте рыбе утомиться, ослабнуть. Подвели к берегу, теперь подсачивайте.

Для головля майский жук — большое лакомство. Держится эта рыба на быстрых, каменистых перекатах, возле плотин, где бушует, вспенивается вода.

Нахлыстовая удочка должна быть легкой, прочной, без всякого грузила.

Но такая ловля очень непродолжительна. Кончился лет майского жука — сматывайте удочку до следующей весны.

За карасем

В каждом пруду наверняка есть карась. Это на редкость живучая рыба. Там, где зимой вода промерзает до дна и гибнет все живое, карась выживает. Даже вмерзший в лед, он оттаивает и жив-живехонек.

Начало июня — лучшее время для ловли этой золотистой рыбы. Но не каждому удастся вернуться домой с богатым уловом.

Для хорошего улова необходима хорошо оснащенная поплавочная удочка.

За долгую морозную зиму карасю надоело прятаться в глубоких ямах, и он теперь разгуливает вблизи берегов, на отмелях, в подводных зарослях. Надо знать, где пролегают его дорожки.

Насадка самая обыкновенная: мотыль, красный навозный червячок.

Будьте терпеливы!

Как часто видишь юных рыболовов, перебегающих с места на место с одной лодки на другую! Чуть посидит, не клюет, удочку в охапку и пошел вдоль берега искать счастливое место.

А время бежит, глядишь, и домой возвращаться пора. Ку-кан пуст. Не поймал даже кошке на уху.

Днем рыба не стоит на одном месте. В поисках пищи она рыщет повсюду и непременно наткнется на крючок с лакомой насадкой. Надо только сидеть и терпеливо ждать поклевки.

Не клюет? А где у вас насадка? Лежит на дне? Но ведь дно тут илистое и насаженный на крючок червь мало приметен для рыбы. Передвиньте по леске поплавок так, чтобы он держал насадку над дном, в четырех-пяти сантиметрах над илом.

Что, опять не клюет? А насадка у вас в порядке? Покажите. Ну какая же рыба польстится на такого червя! Висит на крючке безжизненной плетью, даже не пошевеливается. Смените его, насадите свежего, чтобы выюном крутился на крючке. Ключула? То-то же!

В. БОРОНИН

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру	1
Еще не вечер...— Рассказ С. Львова. Рисунки С. Трофимова	2
Когда я буду взрослым. Перестановка. Почему я от всего отказался.— Стихи А. Кушнера. Рисунки П. Цепелинского	7
Радиостанция «Здравствуй». Твой проект лета.— Рисунки Е. Медведева	8
Деловое предложение.— Рассказ М. Келлагана. Перевел с английского Ю. Дроздов. Рисунки В. Юрлова	13
Как это делается	
Воздушные ворота.— В. Орлов. Рисунки А. Борисова	20
О чем пишут взрослые газеты	24
О глиняных черепках, о ржавых железках, об исчезнувшем море и о ребятах, которых давно не считают чудачками.— Л. Симонова. Рисунки А. Вовиковой	26
Розовая равнина.— Н. Сладков. Рисунок П. Пророкова	31
Я вижу мир.— Н. Надеждина	32
Самая Малая Энциклопедия	37
На карте — дно океанов.— Г. Агапова, В. Каннаев. Рисунки Н. Доброхотовой	38
Ландыши. Праздник воробьев.— Стихи В. Николасенко. Рисунки А. Вовиковой	43
Волшебная косточка.— Сказка Ч. Диккенса. Перевела с английского Н. Демурова. Рисунки И. Галанина	44
Надо ли быть добрым? — Б. Сарнов. Рисунки И. Галанина	49
Ночной обоз. — Повесть А. Мусатова. Продолжение. Рисунки С. Трофимова	54
Олимпиада трех неизвестных закончилась! — А. Орлов. Рисунки В. Кыштымова	64
Спортплощадка	
План Калабашкина. — Юмористический рассказ А. Веретенникова	66
Приглашение на турнир. — В. Березкин. Рисунки А. Вовиковой	67
Приключение. — Рассказ В. Драгунского. Рисунки Е. Медведева	69
Академия домашних волшебников	72
В стране шаха владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Рисунок Н. Доброхотовой	74
Клуб «Сорок сорок»	76
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Борисова	77
Ловись, рыбка...— В. Боронин	80

На обложке:

Наш Борька едет на слет! Рисунок С. Трофимова.

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП
Бумажный проезд, 14.
Телефон 251-04-27.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. П. Назарова.

Сдано в набор 30/III 1970 г. А 00063.
Подписано к печати 5/V 1970 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000 экз.
Изд. № 1106. Заказ № 979.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЭТА ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ
КАЖДОМУ!

Ребята, что вы слышали о ЗВУЧАЩЕЙ БИБЛИОТЕКЕ?
Не слышали, ну так знайте!
Речь идет не о книгах — на полках граммофонные пластинки. Тут

целое богатство, на все вкусы и интересы: песни, стихи, боевые марши и даже оперы от начала и до конца, записанные прямо из зрительного зала и, бывает, даже вместе с аплодисментами.

ВНИМАНИЕ!

В каждом почтовом отделении нашей страны есть такая книжка, которая называется: «Грампластинки. Прейскурант», и, пожалуйста, любой — взрослый и невзрослый человек — может взять ее в руки и выбрать себе и заказать все, что перечислено в ней. НА ПЕРВОЙ ЖЕ СТРАНИЦЕ СКАЗАНО, КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ.

«ПОСЫЛТОРГ» обещает, что через две недели после заказа в вашем доме зазвучат живые голоса Ленина и Маяковского. При желании вы можете устроить у себя на дому театр — множество пьес записано на пластинки.

Есть даже УРОКИ ГИМНАСТИКИ!

И даже УРОКИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ!

А хотите собрать КОЛЛЕКЦИЮ ПТИЧЬИХ ГОЛОСОВ? Есть и такие пластинки.

Повторяем: эта замечательная возможность предоставлена каждому.

Веселый зверек бурундук

Слова И. ЖДАНОВА
Музыка М. ПРОТАСОВА

Я спал по таежным
 лачугам
Под шорох тревожный и
 стук,
И был мне единственным
 другом
Веселый зверек
 бурундук.

Лицо покрывалось
 загаром,
Ковбойку отбеливал
 зной,
В моем накомарнике
 старом
Свистел бурундук за
 спиной.

Я вышел к знакомому
 броду
И выронил ношу из
 рук...
Отпущенный мной на
 свободу,
Печально свистел
 бурундук.

Темп походного марша

Рисунок Н. ДОВОРОТОВОЙ.

